

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

175

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

175

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1983

Редакционная коллегия:

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ (ответственный секретарь),
Н. Н. ГУРИНА, А. Н. КИРПИЧНИКОВ (зам. ответственного редактора),
Ю. А. КРАСНОВ, В. В. КРОПОТКИН,
И. Т. КРУГЛИКОВА (ответственный редактор),
В. П. ЛЮБИН, В. М. МАССОН, Н. Я. МЕРПЕРТ, Р. М. МУНЧАЕВ,
В. В. СЕДОВ (зам. ответственного редактора),
Д. Б. ШЕЛОВ

СТАТЬИ

В. В. СЕДОВ

ФИННО-УГОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ
В 1970—1981-Х ГОДАХ
(ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ)

Вопросы средневековой финно-угорской археологии изучаются большим коллективом исследователей, работающих в различных научных, учебных и музейных учреждениях Москвы, Ленинграда, Таллина, Тарту, Риги, Петрозаводска, Ижевска, Сыктывкара, Йошкар-Олы, Саранска, Казани, Перми, Свердловска и ряда других городов. Большое значение в объединении и координации усилий ученых разных специальностей, исследующих финно-угорскую тематику, имеют всесоюзные конференции финно-угроведов, в которых наряду с лингвистами, этнографами, антропологами, фольклористами и литературоведами активно участвуют археологи. В последние годы проведено четыре такие конференции — в Йошкар-Оле (XIII, 1969 г.)¹, Саранске (XIV, 1972 г.)², Петрозаводске (XV, 1974 г.)³, Сыктывкаре (XVI, 1979 г.)⁴. Более крупными научными форумами являются Международные конгрессы финно-угроведов — третий состоялся в Таллине в 1970 г.⁵, четвертый — в Будапеште (Венгрия) в 1975 г.⁶, пятый — в Турку (Финляндия) в 1980 г.⁷ Заметное место в работах этих конгрессов принадлежит археологическим докладам, в том числе по средневековой тематике⁸.

Период 1970—1981 гг. характеризуется прежде всего выходом в свет значительного числа монографических исследований, посвященных отдельным раннесредневековым племенным объединениям финно-угров. В этих книгах систематизируются и обобщаются археологические материалы, накопленные в течение последних 100—150 лет.

История эстов нашла отражение в монографии Ю. Я. Селиранда «Обычай захоронения эстов в период возникновения раннефеодальных отношений»⁹. В ней всесторонне исследуется основной источник по истории раннесредневековых эстских племен — погребальные памятники второй половины I тысячелетия и первых трех веков II тысячелетия н. э. Большое внимание уделяется характеристике вещей инвентарей и эволюции похоронной обрядности, что позволило осветить социально-экономические и этнокультурные вопросы.

Интересное исследование по археологии средневековых ливов принадлежит Э. Ю. Тыниссону¹⁰. Тщательному анализу подвергнуты были все собранные к настоящему времени археологические материалы, анализируются исторические сведения, в результате восстанавливается быт, хозяйство и этническая история этого прибалтийско-финского племени, обитавшего в бассейне р. Гауи. Ливские древности в целом получили обстоятельную характеристику в книге «Археология Латвийской ССР»¹¹.

Древности веси стали объектом исследования Л. А. Голубевой¹². Впервые весь была выделена археологически в памятниках конца I тысячелетия — начала II тысячелетия н. э. В это время белозерская весь территориально смешалась со славянами, а приладожская ассимилировала

скандинавских переселенцев, тем не менее весь вплоть до XIII в. сохраняла ряд этнических особенностей как в погребальном ритуале, так и вещевых инвентарях.

Приладожские курганы X—XIII вв. были детально проанализированы в книге С. И. Кочкуркиной¹³. Эти памятники, по мнению исследовательницы, подразделяются на три локальные группы, среди которых оятский регион определенно может быть связан с весью. Не исключена принадлежность курганов, расположенных в бассейнах Сяси и Паши, веси, но эти насыпи обнаруживают присутствие чужеродного, скандинавского элемента, что несколько затрудняет определение племенной принадлежности местного финноязычного населения. Наконец, третьей группу приладожских курганов, расположенных на Олонецком перешейке по рекам Видлице, Олонке и Тулоксе, С. И. Кочкуркина склонна относить к предкам одной из племенных группировок корелы.

В последние годы курганы юго-восточного Приладожья плодотворно исследуются В. А. Назаренко¹⁴. Подчеркивая своеобразие этих памятников и заметное отличие от курганов Белоозерья, исследователь пытается утверждать, что курганы Приладожья оставлены не весью, а самостоятельной племенной группировкой прибалтийских финнов, которую следует называть чудью приладожской.

Все имеющиеся сведения об археологических памятниках корелы V—XV вв. территории северо-западного Приладожья и смежных областей Финляндии собраны и систематизированы С. И. Кочкуркиной¹⁵. Таким образом, в результате обобщения накопленных материалов и введения в научный оборот нового создана надежная источниковедческая база для освещения общих и частных вопросов истории корелы.

Монография о марийцах написана Г. А. Архиповым¹⁶. В ней собраны и классифицированы археологические данные, полученные главным образом в результате многолетней деятельности Марийской экспедиции. В исторической части исследования характеризуются хозяйство и общественные отношения марийцев, аргументированно решается вопрос об их происхождении — в результате взаимодействия части азелинских племен, обитавших на Волге, с племенами городецкой культуры¹⁷.

Средневековой истории коми-зырян посвящена книга Э. А. Савельевой¹⁸. В ней монографическую характеристику получила вымская культура X—XIV вв., возникшая в бассейне р. Вычегды на основе местного варианта ванвиздинской культуры. Исследовательница утверждает, что пермь вычегодская (коми-зыряне) формировалась на основе пермской группы ванвиздинской культуры при участии западнофинского и поволжско-финского населения.

По вопросу о происхождении коми с Э. А. Савельевой дискуссияруют Л. П. Лащук и Г. М. Буров, отрицающие какую-либо миграцию нового населения с запада и юго-запада. Л. П. Лащук полагает, что на Вычегду предки коми-зырян мигрировали в I тысячелетии н. э. из Верхнего Прикамья¹⁹. Г. М. Буров утверждает, что при эволюции ванвиздинской культуры в вымскую имело место влияние позднеломоватовского (а затем раннеродановского-лаврятского) населения, постепенно проникавшего на Вычегду и Вымь²⁰.

В небольшой книге Э. А. Савельевой «Лузская пермца» описаны два своеобразных археологических памятника, расположенных на р. Лузе в бассейне Северной Двины, — Лоемское городище и могильник, в которых отчетливо ощущаются прибалтийско-финские и поволжские комплексы в обрядности, украшениях и керамике. Автор полагает, что это — древности лузской пермцы, упоминаемой в письменных источниках XV—XVII вв.²¹

Средневековой археологии мордвы касаются книги В. И. Вихляева и М. Ф. Жиганова. Однако это — не монографические изыскания по истории мордвы. В первой книге систематизируются предметы украшений и погребальной обрядности мордовских могильников Верхнего Посурья и Примокшанья II—VII вв. н. э. и определяется хронология памятников селиксенского и армиевского типов²². В работе М. В. Жиганова помеще-

ны очерки по археологии региона Мордовии от каменного века до позднего средневековья. Один из разделов книги посвящен средневековым древностям мордвы²³.

Три монографии рассматривают определенные категории украшений, дающих представление о материальной и духовной культуре средневековых финно-угорских племен Северо-Восточной Европы. Л. А. Голубева разработала классификацию и хронологию зооморфных подвесок, пряжек, гребней и других предметов и выделила те из них, которые являются этнографическими определителями мордвы, муромы, мери и веси²⁴. Книжки В. А. Оборина и Л. С. Грибовой посвящены так называемому пермскому звериному стилю²⁵. В первой собраны данные по металлической скульптуре Прикамья. Это — птицевидные и человекоподобные идоличи, подвески, бляшки и произки в виде птиц, лосей, медведей. Работа Л. С. Грибовой исследует семантику пермского звериного стиля.

В целой серии статей и сборников рассмотрены самые различные аспекты истории и культуры финно-угорских племен эпохи средневековья. Вопросы географии финно-угорских племен середины I тысячелетия н. э. анализировались в статье автора «Этногеография Восточной Европы по данным археологии и Иордана»²⁶. Для познания духовной жизни финно-угров интерес представляют работы Б. А. Рыбакова²⁷ и Л. А. Голубевой²⁸.

За отчетные 12 лет много сделано в области изучения прибалтийско-финских племен. Предложена новая гипотеза о происхождении этой группировки финно-угров. В распоряжении науки нет никаких оснований относить формирование прибалтийских финнов и неолитической поре. Сложение прибалтийской группировки финно-угров происходило в области взаимовстречаемости текстильной и штрихованной керамики и обусловлено было глубоким внутрорегиональным взаимодействием западной части финно-угров, носителей текстильной керамики, с балтами²⁹.

Проведены значительные полевые изыскания по изучению средневековых могильников и поселений прибалтийско-финских племен. Информация о результатах этих полевых исследований, как и по экспедиционным работам по всем финно-угорским памятникам, публиковались в ежегодном издании «Археологические открытия»³⁰. Эстонские археологи, кроме того, регулярно издают более подробные научные информации с иллюстративными материалами в «Известиях АН Эстонской ССР»³¹. Получили подробное освещение результаты раскопок на городищах Лоху, Варбола, Пада, Тарту, Коновере, Алатскиви, в замке Курессааре, на селищах Линнузе, Кививаре, Кяэпа, Олуствере и др.³² Исследовались также каменные могильники и курганы юго-восточного региона Эстонии. Реконструкция облика эстских каменных могильников предложена В. Лыугас. Исследователь полагает, что они не имели краевой насыпи, как предполагалось ранее, а были ограничены каменными стенками³³. Интересные результаты получены при раскопках курганов юго-восточной Эстонии. Им посвящена книга М. Э. Аун³⁴. Этой исследовательнице удалось установить, что обычай сооружения курганов не был принесен извне, а зародился на месте, в этом регионе — курганным насыпям предшествовали погребальные площадки с захоронениями по обряду трупосожжения.

Некоторые археологи полагают, что курганы восточной Эстонии, как и ранние курганы Новгородско-Псковской земли, оставлены восточными прибалтийско-финскими племенами³⁵. С этим трудно согласиться, так как курганы второй половины I тысячелетия н. э. на северо-западе обнаруживают преемственность с древнерусскими и не имеют ничего общего с погребальными памятниками прибалтийских финнов³⁶.

Ряд статей посвящен отдельным вопросам средневековой археологии эстов. Их постройки были объектом рассмотрения в одной из работ автора³⁷. В последние годы жилища и печи эстов успешно изучает Э. Ю. Тыниссон³⁸. Ю. Я. Селиранд одну из статей посвятил эстонским наконецникам копий с пером из сварочной узорчатой или так называемой дамасской стали³⁹, в другой исследовал предметы христианского культа и

показал, что христианство первоначально (уже в XI в.) было усвоено эстской знатью от восточных славян⁴⁰.

Интересная популярная книга «С археологом по дорогам Эстонии» написана В. Лыугасом и Ю. Селирандом⁴¹. Небольшая брошюра посвящена кладам, найденным на территории Эстонии⁴².

Вопрос о вендах, живших в средние века в низовьях р. Венты, заново был рассмотрен Э. С. Мугуревичем, который утверждает, что это — группа курземских ливов, получивших свое имя от названия реки⁴³.

Весьма активно изучались древности корелы. Материалы и исследования изданы в двух сборниках⁴⁴. Интересные результаты дали раскопки городища Паасо и городов Тиверска и Корелы⁴⁵.

Для археологии веси существенные материалы получены Л. А. Голубевой при раскопках поселения X в. у дер. Городище в Кирилловском районе Вологодской обл.⁴⁶

До недавнего времени оставались неизвестными древности Чуди заволоцкой. Теперь могильники этого племени найдены и раскапывались на р. Ваге и в бассейне Кокшеньги⁴⁷.

Систематически изучаются курганы северо-западных земель Великого Новгорода, отчасти принадлежащие води или смешанному славяно-водскому населению⁴⁸. Небольшие обзорные статьи по археологии восточной группы прибалтийско-финских племен написаны В. К. Труммал и И. П. Шаскольским⁴⁹.

В области изучения поволжско-финских племен продолжалось многостороннее пополнение археологических материалов. Интересные результаты получены в исследовании дьяковской культуры⁵⁰. Работами на городищах Подмосковья установлено, что жизнь на них продолжалась до VIII—IX вв. н. э. включительно⁵¹. Сделана попытка выделить племенные украшения позднедьяковского населения VII—IX вв. (серьги с шумящими привесками)⁵². Изучалось погребальное сооружение позднедьяковских племен — срубная наземная постройка с несколькими захоронениями по обряду трупосожжения⁵³.

При характеристике изучения древностей мордвы и муромы прежде всего следует упомянуть книгу Ю. А. Краснова, в которой опубликованы материалы полностью раскопанного могильника близ с. Безводное в Горьковском Поволжье⁵⁴. Другие памятники опубликованы кратко, в отдельных статьях⁵⁵. Различные вопросы средневековой археологии Мордовии освещены в ряде сборников. В них же опубликованы новые материалы, полученные при археологических разведках и раскопках⁵⁶. Анализу мордовских скульгам посвятили свои статьи В. Н. Белицер и В. Н. Вихляев⁵⁷. Р. Ф. Воронина исследовала детали одежды и верований мордвы⁵⁸.

Вопрос о происхождении и формировании мордовского этноса рассматривался в статьях В. И. Вихляева, В. И. Ледайкина, М. Р. Полеских и П. Д. Степанова⁵⁹.

На восточной окраине г. Владимира раскопками исследован Сунгирьский групповой могильник мери. К сожалению, пока эти материалы не изданы. Новые исследования Сарского городища, одного из мерянских поселений, выполнены А. Е. Леонтьевым⁶⁰. Для изучения истории мери существенное значение имеют владимирские и костромские курганы. В последние годы эти памятники вновь привлекли внимание, и новые исследования показывают, что они обещают дать много новой научной информации о мери и славяно-мерянских отношениях⁶¹.

Значительные полевые исследования ведутся в Марийской АССР. Однако полных публикаций исследованных памятников в последние годы не издавалось. Статьи по разным вопросам археологии помещены в сборниках «Археология и этнография Марийского края»⁶².

Материалы раскопок 1971 г. Починковского могильника XII—XIII вв. изданы в сборнике статей, посвященном 75-летию А. П. Смирнова⁶³.

Средневековые пермско-финские древности изучаются археологами Ижевска, Сыктывкара, Перми. Только в результате работ Камско-Вятской

экспедиции Удмуртского университета в последние годы раскопано более 600 погребальных комплексов ломоватовской и неволинской культур. Заметные результаты получены и при работах других экспедиций. Материалы археологических раскопок и разведок предварительно публикуются в различных изданиях. В них же освещаются различные темы археологии Прикамья. К началу 70-х годов относятся археологические сборники Уральского университета⁶⁴. Пять сборников выпущено в последние годы в Ижевске⁶⁵. В 70-х годах увидели свет два выпуска «Материалов по археологии Европейского Северо-Востока»⁶⁶ и упомянутая выше книга «Древности Волго-Камья».

В настоящее время более или менее отчетливо разработана дифференциация древностей на археологические культуры, которые получили многостороннюю характеристику, между ними выявляются взаимосвязи, много внимания уделяется изучению западносибирского компонента в материалах Прикамья⁶⁷. На очереди полные научные публикации исследованных памятников.

Для датировки и периодизации раннесредневековых древностей Волго-Камья существенное значение имеет работа А. К. Амброза⁶⁸. Работа по этой теме была продолжена на материалах Прикамья В. Ф. Генингом, Р. Д. Голдиной, С. В. Ошибкиной и Э. А. Савельевой в сборнике «Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху средневековья»⁶⁹.

Несомненный интерес представляет статья В. А. Могильникова по этнической истории угорских племен Зауралья⁷⁰. Исследователь утверждает, что описанная В. Н. Чернецовым нижнеобская культура, охватывавшая в I тысячелетии н. э. территорию от Тюмени до Обской губы, оставлена обскими уграми. В конце I — начале II тысячелетия н. э. эта культура дифференцируется на три региона — туринский, среднеиртышский и нижнеобский, которые соответственно связываются с манси, южной и северной группами хантов. Это членение обусловлено было миграциями и взаимодействиями разных племенных группировок⁷¹.

Разрабатывалась дискуссионная проблема происхождения венгров. В связи с раскопками Танкеевского могильника IX—X вв., расположенного близ древнего города Булгара на территории Татарской АССР, исследователями обращено внимание на древневенгерские параллели в погребальном обряде и вещевых материалах⁷². Открытие Больше-Тиганского могильника позволило Е. А. Халиковой утверждать, что он вместе с другими памятниками кушнаренокского типа V—VIII вв., распространенными в Южном Приуралье, составляют культуру протовенгров⁷³. С кушнаренокской культурой, вероятно, может быть связана легендарная «Magna Hungaria» — прародина венгерских племен, называемая в средневековых исторических источниках⁷⁴. Впрочем, далеко не все советские и венгерские археологи разделяют эту точку зрения. Вокруг интерпретации этих древностей развернулась острая дискуссия⁷⁵.

Плодотворно и многосторонне разрабатывалась проблема контактов и взаимоотношений между славянами и финно-угорскими племенами. Эти вопросы были основными на симпозиумах археологов СССР и Финляндии (1976 г. — Ленинград, 1978 г. — Хельсинки; 1981 г. — Ленинград), материалы первых двух встреч опубликованы в двух книгах⁷⁶.

Несомненный интерес для изучения славяно-финского взаимодействия представляет книга Е. А. Рябинина о зооморфных культовых подвесках, происходящих с территории Древней Руси и смежных областей⁷⁷. Автор разработана типология и хронология этих украшений, определена связь со средневековыми племенными объединениями, на материалах финно-угорской и славянской этнографии раскрывается семантика зооморфных амулетов.

Славяно-финские отношения затрагиваются в книге В. А. Булкина, И. В. Дубова и Г. С. Лебедева, посвященной Древней Руси IX—XI вв.⁷⁸ В ней констатируется, что сложение древнерусской народности в северной полосе происходило при участии финно-угорского населения. На это и раньше обращали внимание исследователи.

В настоящее время можно считать установленным, что во второй половине I тысячелетия н. э. в землях будущей Северо-Западной Руси в результате расселения славян в среде местных финноязычных племен сложился славяно-финский симбиоз. Памятниками, отражающими это явление, являются длинные курганы и сопки. Следовательно, ядро древнерусского населения Новгородской земли сформировалось в условиях метисации племен, принесших славянский язык, с финскими аборигенами⁷⁹.

Исследовались также различные аспекты славяно-мерянских и славяно-мордовских отношений⁸⁰. Ряд археологов разрабатывают тему о средневековых русских поселениях в Прикамье и взаимоотношениях русского населения с местными племенами⁸¹.

Большой интерес представляют и контакты финно-угорского населения со Скандинавией. Известно, что скандинавские переселенцы в IX—X вв. оседают в Приладожье и низовьях Волхова на земле веси и «чуди приладожской» и далее проникают в ярославское Поволжье, в значительной степени населенное мерей. По мере поступления новых археологических материалов эта тема постоянно детализируется и уточняется⁸². Г. Ф. Корзухина на примере кресал из Прикамья подняла вопрос о взаимоотношениях пермских племен со Скандинавией⁸³. Несомненный интерес для изучения контактов финно-угров с соседними племенами представляет книга той же исследовательницы о предметах с выемчатой эмалью, поскольку эти украшения широко проникали в финно-угорский мир⁸⁴, а также работа В. Б. Ковалевской о поясных пряжках Евразии⁸⁵.

В настоящее время в Институте археологии АН СССР ведется работа по написанию многотомной «Археологии СССР», в которой будут научно систематизированы и исторически осмыслены все археологические материалы, которыми располагает наука. Один из томов этого издания «Финно-угры и балты в эпоху средневековья» будет посвящен главным образом археологии и истории финно-угорских племен, занимавших пространство от Балтики до Обского Зауралья.

¹ Вопросы финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1970. Вып. V.

² Вопросы финно-угроведения. Саранск, 1975. Вып. VI.

³ Вопросы советского финно-угроведения: Тезисы докладов. Петрозаводск, 1974.

⁴ Вопросы финно-угроведения: Тезисы докладов на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов. Сыктывкар, 1979. Вып. 1—2.

⁵ III Международный конгресс финно-угроведов: Тезисы. Таллин, 1970.

⁶ Congressus quatuor internationalis Fenno-Ugristarum. Budapest, 1975, 4; Проблемы финно-угроведения: Материалы к IV Международному конгрессу финно-угроведов (Будапешт, 1975): Сборник рефератов и обзоров. М., 1975.

⁷ Congressus quintus internationalis Fenno-Ugristarum Тигки, 1980, р. I—IV; Советское финно-угроведение, 1975—1980: Обзоры работ советских ученых. Материалы к V Международному финно-угорскому конгрессу. М., 1980; Советское финно-угроведение, 1975—1980: Материалы к V Международному финно-угорскому конгрессу. Указатель литературы к обзорам.

⁸ Бадер О. Н. Доклады археологов на IV Международном конгрессе финно-угроведов в Будапеште, 1975.—СА, 1977, № 1, с. 312—317; Генинг В. Ф. Проблема происхождения венгров.— Там же, с. 317—324; Седов В. В., Смир-

нов К. А. Работа археологов на V Международном конгрессе финно-угроведов.—СА, 1983, № 1.

⁹ Selirand J. Eestaste matmiskombed varafeodaalsete suhete tärkamise perioodide. Tallinn, 1974.

¹⁰ Tõnisson E. Die Gauja-Liven und ihre materielle Kultur (11. Jh.—Anfang 13. Jhs.). Tallinn, 1974.

¹¹ Latvijas PSR arheologija. Rīga, 1974, 191—203 lpp.

¹² Голубева Л. А. Веси и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973.

¹³ Кочуркина С. И. Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973.

¹⁴ Назаренко В. А. Раскопки курганов на реке Тихвинке.—РСИА, 1976, вып. 146, с. 96—100; Он же. Исторические судьбы Приладожья и его связь с Ладогой.— В кн.: Славяне и Русь. Киев, 1979, с. 106—115; Он же. Об этнической принадлежности приладожских курганов.— В кн.: Финно-угры и славяне. Л., 1979, с. 152—156; Он же. Об уровне социально-экономического развития населения Юго-Восточного Приладожья IX—X вв.— В кн.: Fenno-ugri et slavi, 1978. Helsinki, 1980, s. 261—275.

¹⁵ Кочуркина С. И. Археологические памятники корелы V—XV вв. Л., 1981.

¹⁶ Архинов Г. А. Марийцы IX—XI вв. Йошкар-Ола, 1973.

¹⁷ Позднее автор возвращался к этой теме и в ряде работ (Архинов Г. А. Марийский край в памятниках архео-

- логии. Йошкар-Ола, 1976, с. 89—116; *Он же*. К вопросу о городецко-азелинских контактах в связи с проблемой происхождения марийцев.— В кн.: Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1976, вып. I, с. 27—37), детализировав вопрос об этногенезе марийцев.
- 18 Савельева Э. А. Пермь вычегодская: К вопросу о происхождении народа коми. М., 1971.
- 19 Лащук Л. П. Формирование народности коми. М., 1972.
- 20 Буров Г. М. К вопросу о происхождении коми (в связи с опубликованием монографии Э. А. Савельевой).— СА, 1975, № 4, с. 304—310.
- 21 Савельева Э. А. Лузская пермца. Сыктывкар, 1972.
- 22 Вихляев В. И. Древняя мордва Пособурья и Примокшанья. Саранск, 1977.
- 23 Жиганов М. Ф. Память веков. Изучение археологических памятников мордовского народа за годы Советской власти. Саранск, 1976. Критический разбор этой книги см. в рецензии В. И. Вихляева и В. Н. Мартынова (СА, 1978, № 2, с. 318—321).
- 24 Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров.— САИ, 1979, вып. Е1-59.
- 25 Оборин В. А. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь, 1976; Грибова Л. С. Пермский звериный стиль (проблемы семантики). М., 1975.
- 26 Седов В. В. Этногеография Восточной Европы по данным археологии и Иордана.— В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1973, с. 9—14.
- 27 Рыбаков Б. А. Новые данные о культуре небесного оленя.— В кн.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976, с. 57—63; *Он же*. Космогоническая символика «чудских» шаманских бляшек и русских вышивок.— В кн.: Финно-угры и славяне. Л., 1979, с. 7—34.
- 28 Голубева Л. А. Символы солнца в украшениях финно-угров.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1973, с. 68—75.
- 29 Sedov V. V. Zur ethnischen Geschichte der Ostseefinnischen Stämme.— In: Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Turku, 1980, IV, S. 429—438.
- 30 АО 1970 г. М., 1971; АО 1971 г. М., 1972; АО 1972 г. М., 1973; АО 1973 г. М., 1974; АО 1974 г. М.; 1975; АО 1975 г. М., 1976; АО 1976 г. М., 1977; АО 1977 г. М., 1978; АО 1978 г. М., 1979; АО 1979 г. М., 1980; АО 1980 г. М., 1981.
- 31 1972. Aasta arheoloogiliste välitööde tulemused.— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 1974, I, lk. 77—102; 1973. Aasta arheoloogiliste välitööde tulemused.— Ibid., 1975, № 1, lk. 63—96; 1974. Aasta arheoloogiliste välitööde tulemused.— Ibid., 1976, I, lk. 43—79; 1975. Aasta arheoloogiliste välitööde tulanused.— Ibid., 1977, I, lk. 40—85; 1976. Aasta arheoloogiliste välitööde tulemused.— Ibid., 1978, I, lk. 54—104; 1977. Aasta arheoloogiliste välitööde tulemusi.— Ibid., 1978, 4, lk. 321—367; 1978. Aasta arheoloogiliste välitööde tulemused.— Ibid., 1979, 4, lk. 361—398; 1979. Aasta arheoloogiliste välitööde tulemusi.— Ibid., 1980, 4, lk. 355—394.
- 32 О Тартуском городище см. еще: Трумал В. К. Археологические раскопки в Тарту и поход князя Ярослава в 1030 г.— СА, 1971, № 2, с. 265—271.
- 33 Lougas V. Tarandkalme uus rekonstruktsioonikata.— In: Fenno-Ugristica. Tartu, 1975, I, lk. 198—210.
- 34 Аун М. С. Курганные могильники восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия нашей эры. Таллин, 1980.
- 35 Лаул С. Об этнической принадлежности курганов юго-восточной Эстонии.— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 1971, № 3, с. 319—331; *Она же*. Погребальные памятники прибалтийских финнов в I тысячелетии н. э.— В кн.: Вопросы финно-угроведения. Саранск, 1975, вып. VI, с. 378—384; Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков. Л., 1978, с. 61—70.
- 36 Седов В. В. Длинные курганы кривичей. САИ, 1974, вып. Е1-8, с. 36—41; *Он же*. Об этнической принадлежности псковских длинных курганов.— КСИА, 1981, вып. 166; Носов Е. Н. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Приильменье.— СА, 1981, № 1, с. 42—56.
- 37 Седов В. В. Жилища Юго-Восточной Прибалтики (I—начало II тысячелетия н. э.).— В кн.: Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975, с. 286—290.
- 38 Тыннисон Э. Некоторые итоги изучения древнеэстонского жилища (по материалам городищ 11—13 вв.).— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 1980, № 1, с. 67—76; Tõnnisson E. Esiaja ahjud eestis.— Ibid., 1981, 1, lk. 43—56.
- 39 Selirand J. Estnische Gruppe der nord-europäischen Lanzenspitzen mit Damaziertem Blatt.— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 1975, № 2, 171—187.
- 40 Selirand J. Von der Verbreitung der ersten Elemente des Christentums bei den Esten.— In: Rapports du III-e Congrès International d'Archéologie Slave. Bratislava, 1979, 1, S. 713—720.
- 41 Lõugas V., Selirand J. Arheoloogiga Eestimaa teedel. Tallinn, 1977.
- 42 Древние клады Эстонии. Таллин, 1975.
- 43 Мугуревич Э. Проблема вендов в период раннего феодализма в Латвии.— В кн.: Berichte über den II. Internationalen Kongress für Slawische Archäologie. Berlin, 1973, Bd. II, S. 291—299.
- 44 Археологические исследования в Карелии. Л., 1972; Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск, 1978.
- 45 Кирпичников А. Н., Петренко В. П. Тиверский городок: (К вопросу изучения древнейшей русской Карелии).— КСИА, 1974, вып. 139, с. 106—113; Кочуркина С. И. Тиверск.— КСИА, 1976, вып. 146, с. 63—70; Кирпичников А. Н. Историко-археологические исследова-

- ния древней Корелы (Корельский городок XIV в.).— В кн.: Финно-угры и славяне. Л., 1979, с. 52—73.
- ⁴⁶ *Golubeva L. A.* The Whitt lake area and the Volga water-way.— In: *Fenno-ugri et slavi*, 1978. Helsinki, 1980, p. 42—48.
- ⁴⁷ *Ovsyannikov O. V.* First-discovered burialfield of «Zavolochye Tshud».— In: *Fenno-Ugri et slavi*, 1978. Helsinki, 1980, p. 228—236; *Рябинин Е. А.* О средневековых древностях Заволочья (по находкам в бассейне Кокшеньги).— СА, 1981, № 3, с. 66—72.
- ⁴⁸ *Рябинин Е. А.* Археологические памятники Вотской земли.— СА, 1976, № 1, с. 211—219; *Он же.* Исследования 1975 г. на Ижорском плато.— КСИА, 1979, вып. 160, с. 76—81; *Хвоцинская Н. В.* Население восточного побережья Чудского озера (по материалам курганов у деревни Залахтове и Калихновщина.— КСИА, 1976, вып. 146, с. 18—24; *Она же.* О новом типе курганов в могильнике у д. Залахтове.— КСИА, 1977, вып. 150, с. 62—67.
- ⁴⁹ *Trummal V.* Uus etapp läänemerosoome idarihma hõimude arheoloogilises uurimistõõs.— In: *Fenno-Ugristica*, Tartu, 1976, 2, lk. 151—160; *Шаскольский И. П.* Проблемы этногенеза прибалтийско-финских племен юго-восточной Прибалтики в свете данных современной науки.— В кн.: Финно-угры и славяне. Л., 1979, с. 41—48.
- ⁵⁰ Дьяковская культура. М., 1974.
- ⁵¹ *Розенфельдт И. Г.* Керамика Щербинского городища как источник для периодизации и этнического определения дьяковской культуры.— СА, 1972, № 4, с. 42—58; Дьяковская культура, с. 182—197. Вопрос о датировке Березняковского городища спорен (*Розенфельдт И. Г.* Еще раз о Березняковском городище.— КСИА, 1980, вып. 162, с. 52—60; *Краснов Ю. А.* О дате Березняковского городища.— Там же, с. 60—67).
- ⁵² *Розенфельдт И. Г.* Об одном типе позднедьяковских племенных украшений.— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978, с. 158—164.
- ⁵³ *Краснов Ю. А., Краснов Н. А.* Погребальное сооружение на городище «дьякова типа».— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978, с. 140—153.
- ⁵⁴ *Краснов Ю. А.* Безводнинский могильник. М., 1980.
- ⁵⁵ *Циркин А. В.* Шокшинский могильник.— СА, 1972, № 1, с. 155—170; *Кравченко Т. А.* Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966—1970 гг.).— В кн.: Археология Рязанской земли. М., 1974, с. 116—183; *Розенфельдт Р. Л.* Муромский могильник в с. Молотицы.— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978, с. 180—184.
- ⁵⁶ Вопросы истории и археологии Мордовской АССР. Саранск, 1973. Вып. 1; Саранск, 1976. Вып. 2; Материалы по археологии и этнографии Мордовии.— Труды Мордовского НИИЯЛИЭ, 1974, вып. 45; Материалы по археологии и этнографии Мордовии.— Труды Мордовского НИИЯЛИЭ, 1975, вып. 48; Материалы по археологии Мордовии. Труды Мордовского НИИЯЛИЭ, 1976, вып. 52; Материалы по истории, археологии и этнографии Мордовии.— Труды Мордовского НИИЯЛИЭ, 1977, вып. 54; Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры.— Труды Мордовского НИИЯЛИЭ, 1979, вып. 63.
- ⁵⁷ *Белицер В. Н.* Мордовские скюльгамы.— СА, 1977, № 2, с. 193—200; *Вишляев В. И.* Скюльгамы из могильников селиквенского и армиевского типов.— СА, 1972, № 3, с. 188—199.
- ⁵⁸ *Воронина Р. Ф.* Женский головной убор средневековой мордвы VIII—XI вв.— КСИА, 1973, вып. 136, с. 47—55; *Она же.* О некоторых деталях одежды средневековой мордвы VIII—XI вв.— КСИА, 1974, вып. 140, с. 33—38; *Она же.* О некоторых чертах верований средневековой мордвы VIII—XI вв.— СА, 1975, № 1, с. 281—285.
- ⁵⁹ *Полесский М. Р.* Вопросы этногенеза мордвы в свете новых археологических открытий.— В кн.: Вопросы финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1970, вып. V, с. 273—278; *Степанов П. Д.* Условия возникновения древнемордовского археологического комплекса, или древнемордовской культуры.— В кн.: Вопросы истории и археологии Мордовской АССР. Саранск, 1973, вып. I, с. 78—91; *Ледяйкин В. И.* К вопросу этногенеза мордвы.— В кн.: Вопросы финно-угроведения. Саранск, 1975, вып. VI, с. 384—390; *Вишляев В. И.* О генезисе культуры южномордовских племен.— В кн.: Археологические памятники мордвы первого тысячелетия н. э., с. 140—147.
- Эта дискуссионная тема связана в основном с древностями первой половины I тысячелетия н. э. и, таким образом, выходит за хронологические рамки настоящей статьи. Некоторые замечания по ней имеются в рецензии Ю. А. Краснова на мордовские издания (*Краснов Ю. А.* Работы по археологии в «Трудах Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР» (вып. 48 и 52).— СА, 1978, № 1, с. 187—288).
- ⁶⁰ *Леонтьев А. Е.* О времени возникновения Сарского городища.— Вестник МГУ. Сер. История, 1974, 5; *Он же.* Классификация ножей Сарского городища.— СА, 1976, № 2, с. 33—45.
- ⁶¹ *Рябинин Е. А.* Владимирские курганы. (Опыт источниковедческого изучения материалов раскопок 1853 г.).— СА, 1979, № 1, с. 228—244; *Он же.* Зооморфные украшения Костромского Поволжья.— КСИА, 1975, вып. 144, с. 35—39; *Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А.* Этапы и формы ассимиляции летописной мери: (Постановка вопроса).— СА, 1980, № 2, с. 67—79; *Глазов В. П.* О курганах Костромского Поволжья.— КСИА, 1977, вып. 150, с. 37—41.

- ⁶² Археология и этнография Марийского края, 1976, вып. 1; 1977, вып. 2; 1977, вып. 3; 1979, вып. 4.
- ⁶³ Аршипов Г. А. Починковский могильник.— В кн.: Древности Волго-Камья. Казань, 1977, с. 110—118.
- ⁶⁴ Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1970, вып. 9; 1973, вып. 12. Вып. 10 и 11 целиком посвящены археологии раннего железного века.
- ⁶⁵ Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск, 1976; Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск, 1977; Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск, 1978; Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1979; Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. Ижевск, 1979.
- ⁶⁶ Археологические исследования в бассейне Печоры. Сыктывкар, 1973; Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени. Сыктывкар, 1977. См. также: Стоколос В. С. Археологические исследования на Европейском Северо-Востоке СССР. Сыктывкар, 1975.
- ⁶⁷ Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Уфа, 1976; Розенфельд Р. Л. О происхождении двуконьковых шумящих привесок Прикамья.— СА, 1972, № 3, с. 353—355.
- ⁶⁸ Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— СА, 1971, № 2, с. 96—123; 1971, № 3, с. 106—134.
- ⁶⁹ КСИА, 1979, вып. 158, с. 71—106.
- ⁷⁰ Могильников В. А. К вопросу о дифференциации этнической общности обских угров в I тысячелетии н. э.— СА, 1974, № 2, с. 68—71.
- ⁷¹ Викторова В. Д. Ликинский могильник X—XIII вв.— Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1973, вып. 12, с. 137—173; Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.
- ⁷² Халикова Е. А. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели.— В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров, с. 145—160; Казаков Е. П. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника.— Там же, с. 161—167. Публикация этого памятника: Khalikova E. A., Kazakov E. P. Le cimetiére de Tankeevka. In: Les anciens Hongrois et les ethnies voisines a l'Est. Budapest, 1977, p. 21—222.
- ⁷³ Халикова Е. А. Больше-Тиганский могильник.— СА, 1976, № 2, с. 158—178; Она же. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья.— СА, 1976, № 3, с. 141—156.
- ⁷⁴ Халикова Е. А. Magna Hungaria.— Вопр. истории, 1975, № 7, с. 37—42.
- ⁷⁵ Генинг В. Ф. Проблема происхождения венгров, с. 317—321; Халикова Е. А. Еще раз о проблеме происхождения венгров.— СА, 1978, № 4, с. 294—298.
- ⁷⁶ Финно-угры и славяне. Л., 1979; Fenno-ugri et slavi, 1978. Helsinki, 1980.
- ⁷⁷ Рябинин Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв.— САИ, 1981, вып. Е1-60.
- ⁷⁸ Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков. Л., 1978.
- ⁷⁹ Седов В. В. Новгородские сопки. М., 1970; Он же. Длинные курганы кривичей. М., 1974; Он же. Славяне и племена юго-восточного региона Балтийского моря.— In: Berichte über den II. Internationalen Kongreß für Slawische Archäologie. Berlin, 1970, Bd. 1, S. 11—23.
- ⁸⁰ Смирнов А. П. К вопросу о русско-мордовских отношениях в X—XIV вв.— СА, 1971, № 3, с. 135—140; Петербургский И. М. К вопросу об экономическом связях мордвы в I—начале II тыс. н. э.— В кн.: Материалы по археологии Мордвы, с. 127—140; Жиганов М. Ф. К истории многовековой дружбы мордовского и русского народов.— В кн.: Вопросы истории и археологии Мордовской АССР. Саранск, вып. 1, с. 3—27; Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А. Этапы и формы ассимиляции летописной мери, с. 67—79.
- ⁸¹ Оборин В. А. К вопросу об этническом составе русских поселений Верхнего Прикамья.— В кн.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977, с. 162—168; Он же. Использование русским населением в XV—XVII вв. поселений нерусского населения на Урале.— В кн.: Древности Волго-Камья. Казань, 1977, с. 119—126.
- ⁸² Голубева Л. А. Вещь, скандинавы и славяне в X—XI вв.— В кн.: Финно-угры и славяне. Л., 1979, с. 131—137; Дубов И. В. Скандинавские находки в Ярославском Поволжье.— Скандинавский сборник, 1977, XXII, с. 175—185; Он же. Ярославское Поволжье в IX столетии.— Вестник ЛГУ, 1976, № 14, с. 60—66; Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Дубов И. В. Северная Русь: (Некоторые итоги археологических исследований).— КСИА, 1981, вып. 164, с. 3—10.
- ⁸³ Корзухина Г. Ф. Об Одинах и кресалах Прикамья.— В кн.: Средневековая Русь. М., 1976, с. 135—140.
- ⁸⁴ Корзухина Г. Ф. Предметы с выемчатыми эмальями V—первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье.— САИ, 1978, вып. Е1-43.
- ⁸⁵ Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV—IX вв. Пряжки.— САИ, 1979, вып. Е1-2.

О СЛЕДАХ ЯЗЫЧЕСТВА НА ПСКОВЩИНЕ

1. *Культовые камни.* Псковские языческие древности пока не привлекали внимания исследователей. Можно отметить только статью Ф. Д. Гуревич, посвященную себежским идолам¹. Гораздо шире, чем идолы, представлены на Псковщине культовые поклонные камни с изображениями или без них, пользующиеся часто остаточным почитанием местного населения. С этими камнями в ряде случаев связаны предания и легенды. Единственная статья по восточноевропейским культовым камням на русском языке принадлежит А. А. Формозову. Исследователь относит камни-следовики к эпохе бронзы². Можно согласиться с автором в том, что изображения следов на камнях появляются в бронзовом веке. Однако это относится преимущественно к контурным изображениям типа следов на камне «Щеглец» и его аналогам в Швеции³. Камни использовались как объекты культа очень длительное время; реликты этого использования дожили до настоящего времени. Это доказывается, между прочим, находками культовых камней на средневековых курганных насыпях⁴.

Сведения о культовых камнях Псковской области (их трактовали также как межевые, путевые и т. д.) рассеяны по самым различным изданиям⁵. Специально поисками культовых камней здесь занимались краеведы С. Н. Ильин и А. А. Попов⁶. На микрорегиональную связь культовых камней с длинными курганами указывал К. М. Плоткин, опираясь на некоторых данных по северной части Псковской области⁷. Автором настоящей статьи проводился сбор сведений о культовых камнях путем опроса местного населения в процессе археологических разведок в Псковской области. Получена также информация от исследователей, имевших какие-либо сведения по данной категории древностей⁸.

В настоящее время на территории Псковской области известно не менее 67 культовых камней. Среди них наиболее широко представлены камни-следовики. Они известны в 35 пунктах (рис. 1). Наиболее обычным на этих камнях является выбитое углубленное изображение отпечатка человеческой ступни, как правило, с имитацией обуви, но иногда встречаются изображения босой ступни. Эти изображения в ряде случаев сопровождаются углублениями в виде следов животных (рис. 2): конского копыта, медвежьей лапы, овечьего следа. Из других знаков зафиксированы отпечатки человеческой руки, стрелка, черта, котел (?), ключ (?). Среди знаков преобладают изображения следов человека и животных, причем изображение ступни человека почти обязательно.

Легенды и предания, связанные с камнями-следовиками, носят, как правило, характер позднейших наслоений христианского периода. Таковы камень «Ольгин след» у дер. Выбуты, «следок ангела» на оз. Земск и др. Популярность камней была очень велика, поэтому некоторые из них были использованы церковью, и над ними сооружены часовни. Некоторые легенды, может быть, относятся к первоначальному пласту представлений. Так, камень с изображениями двух ступней у дер. Заклинские Горки связывается с отступлением «Литвы» во время войны. Камень-следовик у дер. Зряковская Гора, по преданию, приносил удачу на охоте, так как на человеческий след приходили лоси, медведи и другие звери, где их ждали охотники.

Более цельную картину дают этнографические данные. С камнями связываются лечебные функции. Так, вода из углубленного отпечатка ступни на камне-следовике у дер. Велье использовалась для лечения глаз. Вода из углубления в виде руки в камне у дер. Шитики также использовалась для лечения различных недугов. Камням приносили жертвы. Так, к камню-следовику и священному колодцу у дер. Печки приносили шолотенца, платки, деньги; к камню-следовику у дер. Котья Гора — овощи и венки из цветов. Наиболее полная картина почитания камня описана

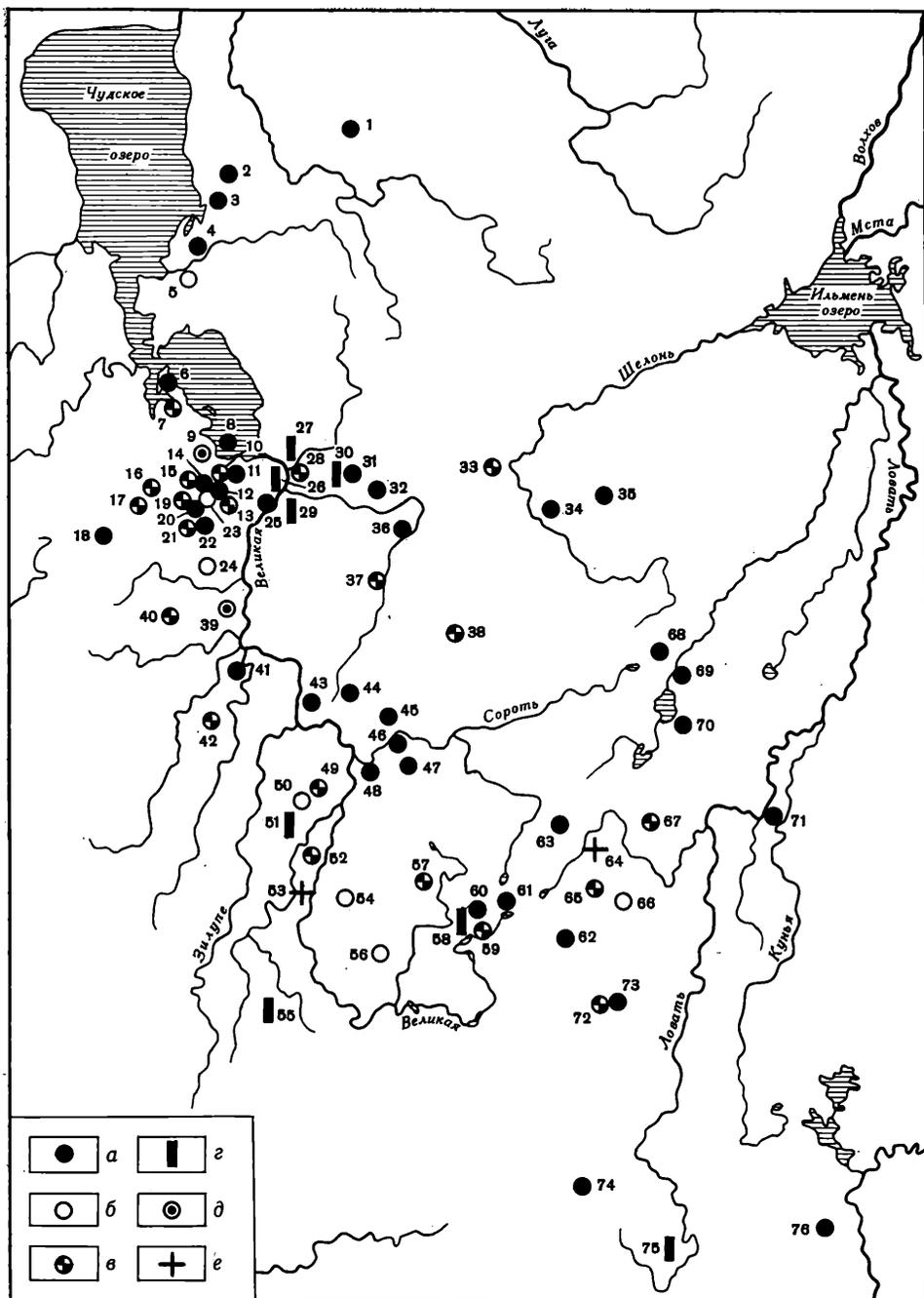

Рис. 1. Культовые камни и каменные идолы в Псковской области

а — камни-следовики; *б* — чашечные камни; *в* — камни без знаков, с нестандартными знаками; *г* — идолы; *д* — камни, на которых совмещаются знаки разных систем; *е* — камни-крестовики

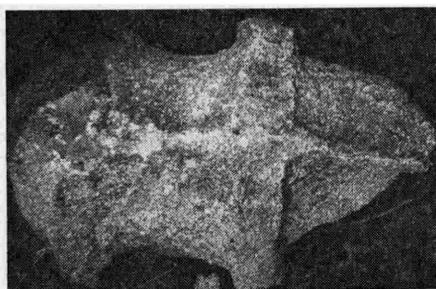
1 — Заянье; 2 — Трутнево; 3 — Лодыгин Двор; 4 — Низовцы; 5 — Ремда; 6 — Шартово; 7 — Кulye; 8 — Земск; 9 — Иваново Болото; 10 — Лезги-Гверстель; 11 — Печки; 12, 13 — Изборск; 14, 15 — Лезги; 16 — Печоры; 17 — Таилов; 18 — Мегузицы; 19 — Кольцово; 20 — Велье; 21 — Бор Бельков; 22 — Косыгино; 23 — Изборск; 24 — Бунгино; 25 — Выбуты; 26—28 — Псков; 29 — Промежица; 30, 31 — Зряковская Гора; 32 — Волково; 33 — Федово; 34 — Заклинские Горки; 35 — Вилошки; 36 — Талец; 37 — Терешов; 38 — Котельно; 39 — Богдаши; 40 — Шатилово; 41 — Гришино; 42 — Кожино; 43 — Шитики; 44 — Дылдино; 45 — Шини; 46 — Посадно Малое; 47 — Бурлово; 48 — Луговка; 49 — Новгородка; 50 — Марамоха; 51 — Велье; 52 — Боравы; 53 — Барсаново; 54 — Меньшиково; 55 — Каменец; 56 — Екимово; 57 — Волково; 58 — Подоржевка; 59 — Ровные Нивы; 60 — Заполицы; 61 — Лялина; 62 — Свинухово; 63 — Оленино; 64 — Еремеево; 65 — Андифорово; 66 — Голенищев; 67 — Гривки; 68 — Сусельница; 69 — Борки; 70 — Веряжа; 71 — Ермаки; 71—73 — Спасское; 74 — Невель; 75 — Жабино; 76 — Александровка-Костино

Рис. 2. Камень-следовик у г. Изборска

Рис. 3. Камень-крестовик у д. Косыгино

Рис. 4. Чашечный камень на сопке у д. Голеницево

в 1890 г. Ю. А. Трусманом у дер. Мегузицы⁹. Это так называемый Теплый камень, некогда находившийся на кургане и имевший изображения двух человеческих ступней. К камню в Иванов день приносили дары — масло, творог, лепешки, яйца. В часовне над камнем совершались молебны, после чего на камне зажигалась свеча и на него бросали в жертву творог или масло. Различные дары, раздаваемые при этом нищим, обязательно предварительно клались на камень или же ими прикасались к нему. Отмечено, что в обряде принимали участие почти исключительно только сестры. В Эстонии зафиксирован обряд поклонения камню у дер. Пелси. На камень клали белую и черную шерсть, головы и ноги баранов, убитых там же, у камня¹⁰.

В древнерусском язычестве только одно божество обладало теми функциями, которые присущи камням-следовикам. Это — Велес. В Густынской летописи он упоминается на втором месте после Перуна: «Второй Волос, бог скотий, бже у них во великой чести»¹¹. Идол Велеса упоминается в источниках¹². Камни-следовики, видимо, составляли другую инкарнацию этого божества, по-видимому, занимавшего в древнерусском языческом пантеоне особое место¹³.

Размеры человеческих следов на камнях различны — от «детского» 14,5 см (оз. Земск) до 52 см (дер. Новая, Калининская обл.)¹⁴. Следует отметить, что из духов природы изменить свой рост может только леший, который принимает вид «человека огромного роста (с лесом вровень)»¹⁵. Из соотношения, по которому длина ступни человека составляет 15% его роста, при следе длиной 52 см получаем рост 3,46 м («С лесом вровень»). Леший же имеет определенную связь с животным миром: может принимать облик некоторых животных, помогает пасти скот, распоряжается лесными зверями, помогает при охоте. Леший кормит хлебом стадо волков¹⁶. Отпечатки волчьих лап известны на следовиках в Литве и Калининской области¹⁷. Относительно линии соотношения Велес — леший следует заметить, что образ лешего может быть связан с позднейшим переосмыслением имени и функций Велеса. Нечто подобное можно заметить и в образе христианского Власия, который исцелял болезни собиравшихся к нему зверей¹⁸ и во многом заместил функции покровителя скота в уже христианизированной стране. Возможно, что образ Велеса после христианизации подвергся дуалистическому делению.

Более редкие камни-крестовики (их известно четыре) представляют собой выпуклые или углубленные изображения креста на поверхности камня (рис. 3). Обычно с ними также связаны поверья. Крест может встречаться с другими знаками — ступнями и трезубцем¹⁹.

Чашечные камни представляют особую категорию культовых камней. На них имеются характерные круглые углубления различной величины и в разном количестве. Один из таких камней с двумя углублениями был обнаружен на вершине сопки у дер. Голенищево (рис. 4). Известен один случай взаимовстречаемости чашки со знаками, обычными для следовиков²⁰. Чашечные камни появляются, однако, раньше следовиков и, вероятно, существуют весьма длительное время²¹.

Кроме камней названных типов, известно 24 камня с изображениями козьих рогов, трезубца, круга, рыбы, треугольников, овала, ромба и серпа (?), с углублениями неправильной или грушевидной в плане форм и др. Некоторые из этих камней, как и следовики, использовались как лечебные и жертвенные камни.

2. Каменные идолы. Каменные языческие идолы в Псковской земле известны по преданиям, письменным источникам и случайным находкам.

В материалах анкетных опросов Н. Ф. Окулич-Казарина сохранилось одно из упоминаний: «Вблизи города Торопца по Великолуцкому тракту есть так называемая „Поклонная Гора“, где, по преданию, стояли языческие идолы»²². В рукописи И. Н. Ларионова имеется следующее сообщение: «На высокой Зряковской горе, близ проезжей дороги, еще в недавние времена стоял каменный истукан, высеченный из большого валуна...». С идолом была связана легенда о каменном человеке. У подножия той же Зряковской горы лежал камень-следовик²³.

Сведения Иоганна Давида Вундерера, путешествовавшего по России, опубликованы И. Токмаковым и Ф. Аделунгом²⁴. Вундерер сообщает, что близ Пскова в конце XVI в. стояли два каменных антропоморфных изваяния: Услад с крестом в руке и Корс, стоящий на змее с мечом в одной руке и с перуном в другой. Послание Памфила 1505 г. упоминает кумирское празднование и идолослужение²⁵. Церковнославянский словарь Г. Дьяченко знает оба термина: идолослужение — это чествование идолов жертвами, а кумир — это то же, что идол²⁶. Тот же Памфил «укоряет наместника и прочих псковских начальников за попускания продолжаться сим развратам»²⁷.

На 30-е годы XVI в. приходится миссия монаха Ильи по искоренению язычества в Водской пятине. Разрушались храмы, срубались и сжигались священные рожи, бросались в воду камни и проводилось крещение еще некрещеных²⁸. Не исключено, что в это время подобная деятельность церкви могла иметь место и в Псковской земле, где последнее почитание священной сосны зафиксировано в XVIII в.²⁹

Наиболее важна в сообщении Вундерера атрибуция языческих богов: в Корсе легко узнается Хорс, Услад упоминается Г. Успенским: «Ослад или Услад киевский бог пиршеств, веселия и забав... Кумир сего божества был в числе прочих, воздвигнутых в Киеве и потом низверженных Великим Князем Владимиром I»³⁰. Функции Услада частично совпадают с функциями Ладо, который стоит в Густынской летописи на четвертом месте: «Четвертый Ладо (си ест Pluton), бог печельный; сего верили быти богом женитвы, веселия, утешения и всякого благополучия...»³¹. Соотношение Услада и Ладо не вполне ясно: одно это божество или два различных.

На городище Савкина Горка, в Пушкиногорском заповеднике, стоит антропоморфная фигура языческого божества, найденная в районе дер. Велье. По очертаниям фигура крестовидная. Голова округлая, руки переданы боковыми выступами. На лицевой части головы выделяются глаза и схематично моделированные углубленными линиями на плоскости нос. В левой руке идол держит крест с округлыми боковыми лопастями (рис. 5, 1). Это, очевидно, Услад.

Хорс в Густынской летописи упоминается в самом конце, однако,

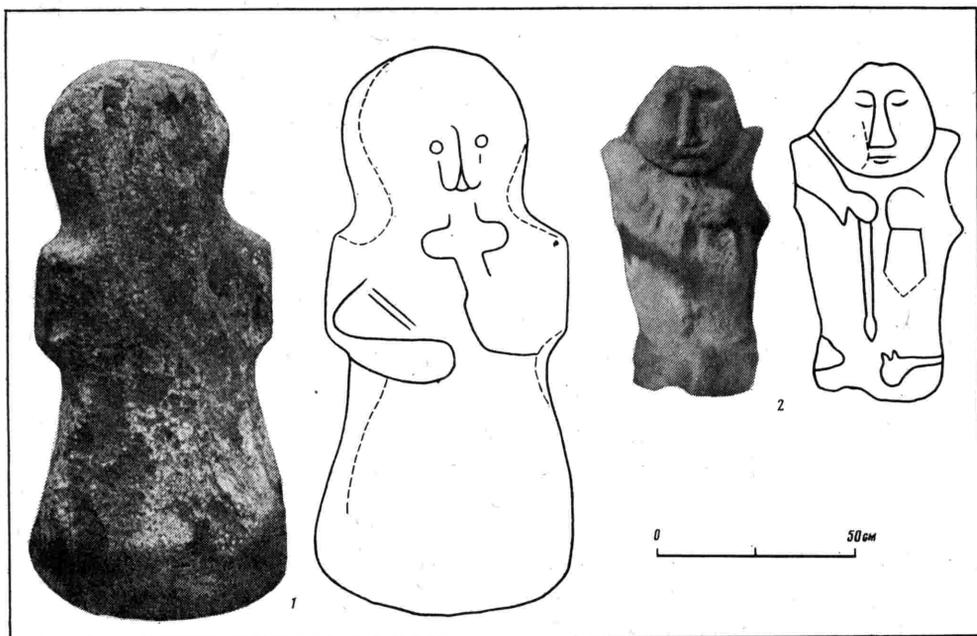

Рис. 5. Каменные идолы (фото и прорисы)

1 — д. Велье; 2 — руч. Промежица

стоит в перечне Дажбога, Стрибога, Семаргла и Мокоша³². Это один из богов Владимирова пантеона³³.

В Псковском музее хранится каменный антропоморфный идол, найденный в ручье Промежица близ Пскова³⁴ и утраченный в период Великой Отечественной войны. Судя по фотографии³⁵ идол имел слабо моделированные руки, причем в правой он держал стрелу с достаточно четко выраженным наконечником, а в левой — клинок (рис. 5, 2). По церковнославянскому словарю, перун — это громовая стрела³⁶. Таким образом, псковский идол — скорее всего Хорс. Очень вероятно также, что моделированный в камне наконечник перуна или громовой стрелы дал название «громовым стрелкам» неолитической эпохи, бытовавшим в качестве лечебно-магических предметов в среде дореволюционного русского населения³⁷. По сообщению И. Н. Ларионова, в начале XX в. в Пскове еще можно было видеть каменные антропоморфные изваяния, напоминавшие по облику Промежицкого идола. Одно из этих изваяний хранилось в часовне близ Власьевской башни, другое стояло в районе Елиазаровского кладбища на Завеличье. С этими идолами были связаны различные поверья. По сведениям В. И. Михайлова, каменный антропоморфный идол высотой 1,2 м находится у дер. Подоржевка³⁸.

Идолы Себежского музея, опубликованные Ф. Д. Гуревич, неодинаковы. Один из них антропоморфный, найден на территории бывшего Идрицкого района, в болоте. Он представляет собой изображение головы человека в остроконечной шапке с меховой опушкой. На лице моделированы глаза, нос, рот. Другой идол — Пестун — из дер. Каменец Себежского района представляет собой изображение женской груди. Еще один фаллусообразный каменный идол найден у дер. Жабино³⁹.

Вертикальный менгирообразный камень у дер. Гривки⁴⁰ не укладывается в общую типологию культовых камней не только Псковской области, но и соседних областей. Ближайшие менгирообразные камни известны только на Кавказе и в Закавказье. Это заставляет искать ему другую трактовку. В обкладке этого камня сохранилось 4 валуна; вероятно, их было 5 или 6, так что внешний диаметр обкладки составляет 2,8—3 м. В разрезе камень подчетыреугольный. С ним связано поверье,

что если камень будет наклоняться (что с ним часто бывает), то его нужно выровнивать и ставить вертикально. Общая высота камня 2,1 м; вероятно, он был еще выше. До того как камень был сломан несколько лет тому назад, жители находили в нем сходство с человеческой фигурой и называли «солдатом» (последнее ассоциируется с легендой об окаменевшем воине у дер. Зряковская Гора)⁴¹.

Единственным объяснением всех приведенных данных может быть только то, что камень представлял собой основание идола (вероятно, антропоморфного), верхняя часть которого была сколота в период христианизации.

Следы язычества прослеживаются в топонимике Псковской земли — Перынь под Псковом, урочище Яриловка близ дер. Выбуты, дер. Чернобожье в Дновском районе и др.

- ¹ Гуревич Ф. Д. Каменные идолы Себежского музея. — КСИИМК, 1954, № 54, с. 176—179.
- ² Формозов А. А. Камень «Щеглец» близ Новгорода и камни-следовики. — СЭ, 1965, № 5, с. 131—134.
- ³ Forrer R. Urgeschichte des Europäers. Stuttgart, 1908, S. 302; Historiska Nuhetter. Stokholm, 1976, 3, S. 31.
- ⁴ У дер. Мегузицы: Трусман Ю. А. Полуверцы Псково-Печерского края. — Живая старина. Отд. этнографии. СПб., 1890, вып. 1, с. 41; Тайлово: (Заборовский А. А.). Доклад члена Псковского Археологического общества А. А. Заборовского на заседании 29 октября 1899 г. — Журнал заседаний ПАО 29 октября 1899 г. Псков, 1899, с. 8; Терехов: Древлехрамление Псковского музея-заповедника, ф. ПАО, 1912, л. 2003, л. 560.
- ⁵ Ушаков Ф. А. Описание древних городищ, городцов, курганов, валов, каменных крестов, мостов и камней с отпечатками разных предметов, сохранившихся в Псковской губернии. Псков, 1897, с. 14, 19, 23; Окулич-Казарин Н. Ф. Материалы для археологической карты Псковской губернии. — Труды ПАО, 1914, вып. 10, с. 163, 168, 170, 195, 199, 210—214, 250, 255; Он же. Дополнения и поправка к «Материалам для археологической карты Псковской губернии». — Труды ПАО, 1915, вып. 11, с. 126, 130; Древлехрамление Псковского музея-заповедника: ф. ПАО, 1912/2003, л. 307, 395, 560, 794 (об.); 1913/2004, л. 977; Панов Н. А. Летопись г. Острова и его уезда Псковской губернии. Остров, 1913, с. 76, 87; Буцевич В. А. Гнильский погост (Островского уезда). — Псковские губернские ведомости, 1875, 38; Быстров Н. Намогильные кресты Елинского прихода и его окрестностей (Островский уезд). — Псковские губернские ведомости, 1898, 11; Каргацов И. М. Из Псковской старины. — Сборник Псковской губернской ученой архивной комиссии. Псков, 1917, вып. 1, с. 56, 57; Археологические исследования Опочецкого уезда. — ИАК, 1914, прибавл. к вып. 52, с. 29; Спицын А. А. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. — ЗРАО, 1897, т. IX, вып. 1—2, с. 270; Bogushefski N. C. General description of the Great Barrows of Kokotowi, near the village of Ardaschewo in Sapolia, Russia. — The Journal of the Anthropological institute of Great Britain and Ireland, 1872, vol. II, p. 199—201; Архив САИИЭ: 1937—38/111 : 5; 1937/112 : 15, с. 14, 23, 35, 39; 1937/110 : 4; 1922/110 : 1, с. 46, 111 : 1, с. 30;
- ⁶ Попов А. А. Тайны каменных знаков. — Наука и жизнь, 1964, № 6, с. 135—139. Кроме того, сведения о камнях встречаются в отдельных газетных и журнальных статьях. Библиография см.: Формозов А. А. Камень «Щеглец»..., с. 134—136. В дополнение к этой библиографии можно отметить: Попов А. А. Знаки на камнях. — Псковская правда, 1964, с. 199.
- ⁷ Плоткин К. М. Псков и его округа во второй половине I тысячелетия н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980, с. 11.
- ⁸ Разведочные работы автора в Дновском, Локнянском и Бежаницком районах Псковской обл. в 1977, 1979, 1980 гг. Автор признателен всем лицам, предоставившим те или иные сведения по культовым камням: Ю. М. Лесману, Л. Е. Сергеевой, С. П. Михайлову, М. Э. Щербаковой, В. И. Михайлову, И. И. Лагунину, Н. П. Осиповой и др.
- ⁹ Трусман Ю. А. Полуверцы Псково-Печерского края, с. 40—42.
- ¹⁰ Архив САИИЭ 1938/111 : 7.
- ¹¹ Хрестоматия по русской истории. М.; Пг., т. I, 1923, с. 43.
- ¹² Жития святых, м-ц июль, в двух частях. Киев, 1875, л. 9 (об.) — 10.
- ¹³ Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914, с. 311—313.
- ¹⁴ Попов А. А. Тайны каменных знаков, с. 137.
- ¹⁵ Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. — М., 1975, с. 167.
- ¹⁶ Померанцева Э. В. Мифологические персонажи..., с. 167—170.
- ¹⁷ Топоров В. Н. Vilnius, Wilno, Вильна: город и миф. — Балтославянские этноязыковые контакты. М., 1980, с. 47; данные архива Калининского музея.
- ¹⁸ Православная богословская энциклопедия или богословский энциклопедический словарь. СПб., т. 3, 1902, с. 631.
- ¹⁹ Ильин С. Н. Новый эпиграфический

- памятник XII в. в верховьях Волги.— КСИИМК, 1947, вып. XVII, с. 181.
- ²⁰ Данные разведок А. Мануйлова в Печорском районе 1980 г.
- ²¹ *Forrer R. Urgeschichte des Europäers*, S. 243—247; см. также: *Filip J. Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas*. Prag, 1969, Bd. 2, S. 1221; *Bray W., Trump D. Lexikon der Archäologie*. München, 1975, Bd. 2, S. 347, 348.
- ²² Древлехранилище Псковского музея-заповедника: ф. ПАО, 1912/2003, л. 157.
- ²³ Древлехранилище Псковского музея-заповедника, ф. И. Н. Ларионова, Легенды озера Чудского.
- ²⁴ *Токмаков И.* Псков триста лет тому назад.— Сборник материалов для VIII Археологического съезда в Москве, вып. IX. Псковская губерния и ее святыни (история, археология и статистика). Псков, 1890, с. 3—5; *Аделунг Ф.* Древнейшие путешествия иностранцев по России.— ЧОИДР, 1863, кн. 2, с. 274.
- ²⁵ Псковские летописи. М.; Л., вып. 1, 1941, с. 90.
- ²⁶ Полный церковно-славянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений), состав. Г. Дьяченко. М., 1900, с. 209, 275.
- ²⁷ Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. СПб., 1827, т. 2, с. 154.
- ²⁸ *Трусман Ю. А.* Финские элементы в Псковском уезде С.-Петербургской губернии.— Известия РГО, 1885, т. XXI, с. 192, 193.
- ²⁹ Поклонение сосне.— Псковские губернские ведомости, 1864, № 24.
- ³⁰ *Успенский Г.* Опыт повествования о древностях русских. Харьков, 1818, ч. 2, с. 406.
- ³¹ Хрестоматия по русской истории..., с. 43.
- ³² Хрестоматия по русской истории..., с. 44.
- ³³ ПСРЛ, Л., 1926, т. I, с. 79.
- ³⁴ Каталог музея Псковского Археологического общества. Псков, 1914, с. 1.
- ³⁵ Архив ЛОИА: 1931/743, № 74.
- ³⁶ Полный церковно-славянский словарь..., с. 419.
- ³⁷ Хрестоматия по русской истории..., с. 1, 2.
- ³⁸ Автор приносит благодарность И. Н. Ларионову и В. И. Михайлову за сведения о каменных идолах.
- ³⁹ *Станкевич Я. В.* К истории населения Верхнего Подвизья в I и в начале II тысячелетия н. э.— МИА, 1960, № 76, с. 115, 116, 121.
- ⁴⁰ Древлехранилище Псковского музея-заповедника: ф. ПАО, 1912/2003, л. 395.
- ⁴¹ Древлехранилище Псковского музея-заповедника, ф. И. Н. Ларионова. Легенды озера Чудского.

Н. А. МАКАРОВ

ЧАШЕВИДНЫЕ СОСУДЫ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ВОЛЖСКО-ШЕКСНИНСКОГО РАЙОНА

Керамические комплексы ряда средневековых памятников Белозерья, Ярославского Поволжья и юго-восточного Приладожья включают чашевидные сосуды с максимальным расширением в нижней части и плавным переходом от тулова к днищу, округлому или уплощенному. Они значительно отличаются от остальных керамических форм — плоскодонных горшков различной профилировки, у которых переход к днищу четко выражен. Публикуя материалы раскопок в Тимереве, Я. В. Станкевич указала на сходство чашевидного сосуда из кургана 24 с керамикой «Северо-Востока Европейской части СССР»¹. Е. И. Горюновой был сделан вывод о близости чашевидных сосудов Волго-Окского района и Приладожья прикамской керамике. Это явление объяснено общностью керамической традиции финно-угров, возникшей в результате брачных союзов. Следует иметь в виду, что к числу чашевидных Е. И. Горюнова относила все низкие приземистые сосуды вне зависимости от характера перехода от тулова к днищу и формы последнего².

При издании керамики ярославских могильников В. А. Мальм выделила тип чашевидных сосудов, руководствуясь более строгими критериями — приземистостью и несколько закругленным днищем. Она указала, что данная форма керамики бытовала по всей территории, заселенной финно-уграми — от Прибалтики до Среднего Поволжья и Прикамья³. И. В. Дубов, характеризуя этнический состав населения Тимерева, назвал круглодонную керамику «мерянской»⁴.

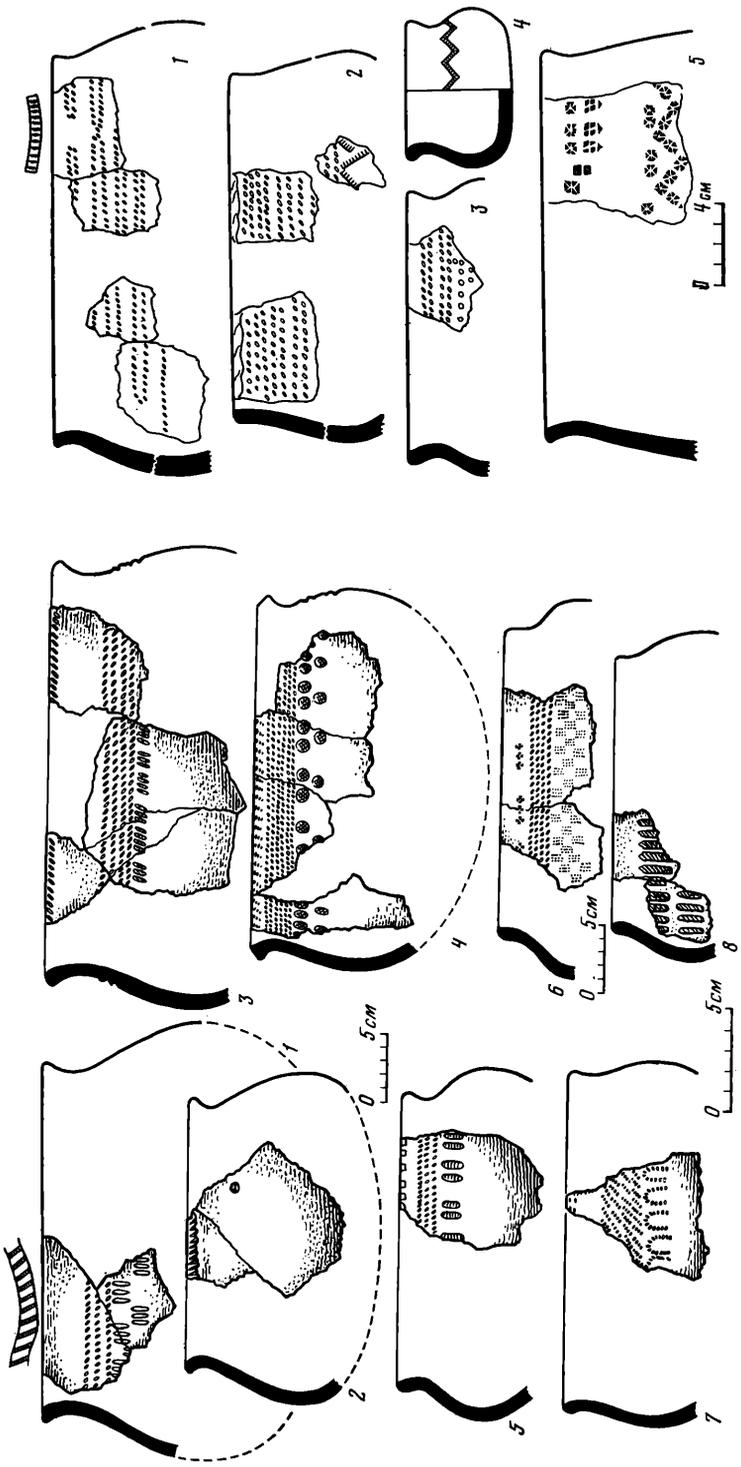

Рис. 2. Чашевидные сосуды Белоозера

Рис. 1. Чашевидные сосуды поселения Крутик

Таким образом, большинство исследователей признает факт широкого распространения чашевидных сосудов в финно-угорском мире, в том числе и у населения Ярославского Поволжья, отмечая при этом тяготение их к Прикамью. Оценивая справедливость этого мнения, следует еще раз рассмотреть все находки этих сосудов в Шекснинско-Волжском районе.

Самая крупная серия их происходит с поселения Крутик у дер. Городище на р. Шексне. Этот памятник, открытый в 1939 г. П. А. Суховым⁵, в течение шести полевых сезонов (1974—1978, 1980 гг.) исследовался Белозерской экспедицией Института археологии АН СССР⁶. Большинство вещей, найденных на поселении, может быть датировано в пределах X в. Вся керамика лепная. Для типологического анализа отобрано более 700 фрагментов разных сосудов, позволяющих реконструировать их верхнюю часть. 27 (3,7%) из них имеют чашевидную форму и плавный переход от стенок к днищу. Судя по наиболее полным реконструкциям, диаметр тулова сосудов превышал их высоту примерно на одну треть, а максимальное расширение приходилось на нижнюю часть или середину высоты.

По профилировке верхней части среди чашевидных сосудов выделяются три типа.

К типу I отнесены 22 сосуда — профилированные чаши с раздутым туловом и прямой шейкой. Плечико пологое, в одном случае выпуклое. По форме венчика сосуды этого типа могут быть разделены на два варианта.

Вариант А (15 сосудов, рис. 1, 1—5) объединяет сосуды с отогнутыми наружу венчиками, края которых обычно слегка утолщены, уплощены или скошены наружу. Четыре сосуда крупные, диаметр их венчиков 25—29 см, остальные — средние, с диаметром венчиков 11—20 см. Толщина стенок 0,4—0,8 см, в одном случае она достигает 1,1 см. Большинство сосудов изготовлено из теста, содержащего примесь дресвы, у трех сосудов тесто с примесью слюды, у двух — с примесью толченой раковины. Сосуды с примесью дресвы и толченой раковины имели слегка шероховатую поверхность со следами заглаживания ее мягким материалом. Тесто сосудов с примесью слюды плотное, поверхность гладкая, слегка подлощенная, серебристо-серого цвета. На шейке у двух сосудов имеются круглые отверстия диаметром 0,4 см.

Вариант В (7 сосудов, рис. 1, 6) включает сосуды с прямыми венчиками, края которых уплощены. Пять сосудов крупные, с диаметром венчиков 22—28 см, один имеет диаметр, равный 18 см, еще один сосуд миниатюрный, с диаметром горла 5,4 см. Толщина стенок сосудов 0,4—0,9 см. У пяти сосудов этого варианта тесто содержало примесь дресвы, поверхность шероховатая, со следами заглаживания мягким материалом. Два сосуда сформованы из плотного теста с примесью дресвы и в одном случае слюды, а в другом — толченой раковины, поверхность их гладкая, слегка подлощенная.

К типу II относятся слабопрофилированные чаши с высокой шейкой (4 сосуда, рис. 1, 7). Венчик прямой или чуть отогнутый наружу, край его округлен, уплощен или слегка скошен наружу. Три сосуда имеют средние размеры, диаметр их по венчику 15—16 см. Диаметр венчика четвертого сосуда 22 см. Толщина стенок 0,3—0,5 см, тесто плотное, содержит в одном случае примесь крупной дресвы, а в остальных — мелкую дресву и слюду. Поверхность сосудов гладкая.

Тип III — сужающиеся к устью чаши без шейки и с наклоненным внутрь венчиком, край которого уплощен, представлен двумя сосудами (рис. 1, 8). Диаметр сосудов по венчику 13 и 16 см, толщина стенок 0,4—0,6 см, тесто содержит примесь в одном случае дресвы, в другом — слюды. Черепок плотный, с хорошо заглаженной поверхностью.

Чашевидные сосуды выделяются в особую группу не только по форме, но и по составу теста, поскольку примеси слюды и толченой раковины исключительно редки в тесте остальной керамики поселения Крутик. Необычны и способы орнаментации чашевидных сосудов. На 12 из них

(46%) орнаментальная схема включает в себя сочетание горизонтального пояса из оттисков веревочки или гребенчатых штампов на шейке с отпечатками различных вертикально поставленных штампов на плечике. На остальных сосудах эта схема отмечена лишь четыре раза (менее 1%). На плоскодонной керамике отпечатков решетчатых чеканов, мелкозубчатых штампов, петлевидных оттисков веревочки не встречено. Последнее наблюдение дает основание с большой долей вероятности считать мелкие фрагменты, украшенные подобными узорами (около 50 черепков), принадлежащими чашевидным сосудам, что несколько расширяет возможности топографического анализа материала. Выясняется, что фрагменты чашевидных сосудов найдены преимущественно в центральной и северо-западной частях поселения. На ряде участков они не найдены вовсе, из чего можно заключить, что не все обитатели поселения употребляли чашевидные сосуды.

Малые размеры, подлощенность и богатая орнаментика некоторых сосудов дает, казалось бы, основания видеть в них специальную столовую посуду. Против этого свидетельствует наличие сильного нагара на стенках многих сосудов, в том числе и небольших. Кроме того, целый ряд чаш имеет крупные размеры и шероховатую поверхность. Поэтому, хотя отдельные чаши и могли употребляться как столовая посуда, считать всю керамику столовой и объяснять этим назначением ее своеобразие нельзя.

Типология, предложенная для чашевидных сосудов поселения Крутик, может быть использована при классификации керамики других памятников, где эти формы представлены меньшими сериями. Так, в Белоозере найдены фрагменты пяти чашевидных сосудов⁷. Три из них принадлежат к варианту А типа I (рис. 2, 1, 3, 4). Диаметр их венчиков 20,5, 13 и 6,5 см, толщина стенок соответственно 0,8, 0,7 и 0,4 см. Тесто с примесью мелкой дресвы, поверхность заглажена. К типу II может быть отнесен сосуд с диаметром венчика 18 см, толщиной стенок 0,7 см, заглаженной поверхностью и такими же примесями (рис. 2, 2). Из Белоозера происходят также обломки шести сосудов, близких чашам типа II⁸, но отличающихся от них иной формой венчика, который немного отогнут или оттянут наружу (рис. 2, 5). Эти сосуды имеют диаметр венчиков 19—22 см, по составу теста и обработке поверхности они не отличаются от вышеописанных. Судя по обломкам, эти сосуды имели максимальное расширение в нижней части. Вероятно, обломки принадлежат чашам с округлым дном, но полной убежденности в этом быть не может из-за сильной фрагментированности.

Фрагменты чашевидных сосудов найдены в южной и центральной частях поселения (раскопы 24, 27, 37, 38), в горизонте X—XI вв. Исключение представляет миниатюрный сосуд, попавший скорее всего случайно в слой XIV в. (раскоп 32, пласт 2).

В коллекции из Тимеревских курганов содержится 14 чашевидных сосудов — целых и фрагментированных, что составляет 6,8% от всей определяемой керамики (205 сосудов)⁹. 12 из них относятся к типу I (9 — к варианту А (рис. 3, 1—4, 7) и 3 к варианту В (рис. 3, 5, 6, 8)), один к типу II, типологическая принадлежность еще одного сосуда не установлена из-за отсутствия верхней части. Диаметр венчиков сосудов 12—18 см, в двух случаях — 8 см, высота 8—11 см, одного сосуда — 13 см, толщина стенок 0,3—0,6 см. В тесте большинства сосудов содержится примесь толченой раковины, реже — мелко толченой дресвы, поверхность хорошо заглажена и имеет светло-серый, желтый или кирпично-красный цвет. Орнаментальная схема, включающая многорядные отпечатки веревочки на шейке сосуда и оттиски различных штампов и веревочки на палочке на плечике, встречена в Тимеревских курганах на 9 чашевидных сосудах (69% от всех сосудов с плавным переходом от стенок к днищу). На остальной керамике могильника она зафиксирована семь раз (3,4% от всех сосудов с четким переходом от стенок к днищу). Таким образом, в Тимереве, как и на поселении Крутик, эта орнаментальная схема характерна в основном для чашевидных сосудов.

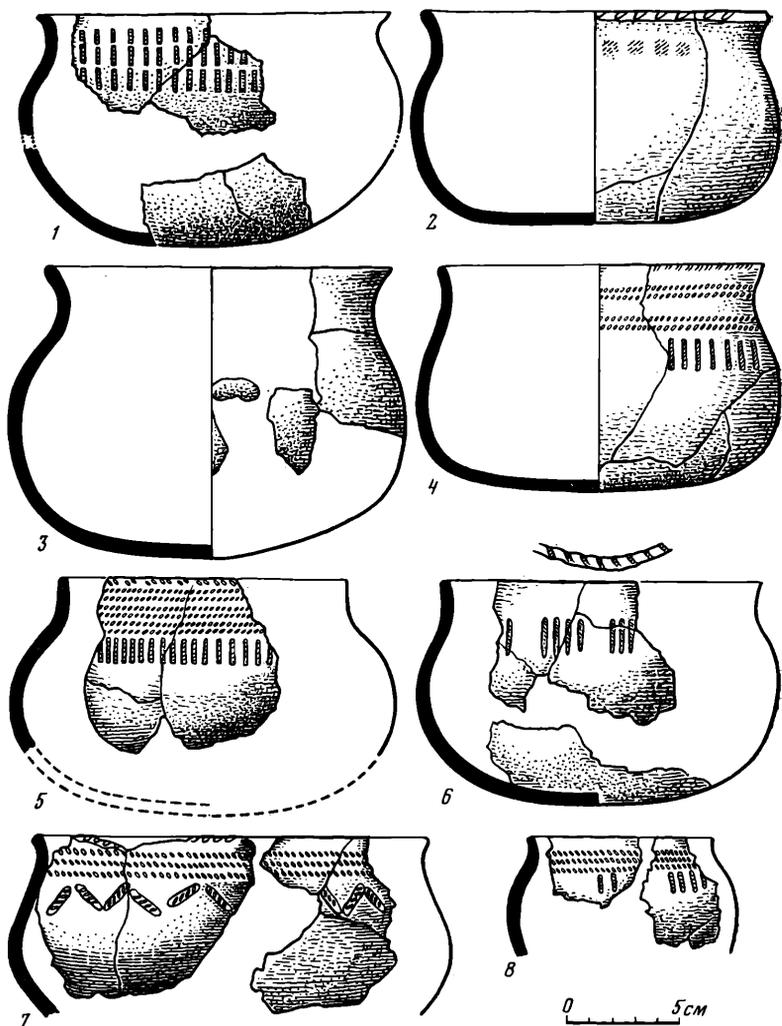

Рис. 3. Чашевидные сосуды Тимеревского могильника

Курганы, содержащие чашевидные сосуды, датируются, как и весь могильник, концом IX — первой половиной XI в. Они разбросаны по всему могильнику, с некоторым тяготением к его северной части. Два чашевидных сосуда находились в курганах с ингумациями (курганы 59, 76), остальные — в курганах, содержавших остатки кремаций, при этом чашевидные сосуды находились на кострищах или в насыпях среди кальцинированных костей, но не использовались как урны. В двух случаях они были перевернуты вверх дном (курганы 76, 192). По инвентарю и деталям обряда курганы с круглодонными чашами не отличались от остальных. В десяти курганах вместе с чашевидными сосудами найдены обычные плоскодонные горшки.

В коллекции керамики из Михайловского могильника содержатся обломки двух чашевидных сосудов, происходящие из раскопок И. А. Тихомирова¹⁰. Сосуд из кургана 15 относится к варианту А типа I, диаметр его венчика 17 см, толщина стенок 0,3–0,4 см, тесто с примесью ракушки, поверхность розовая, гладкая. Обломки сосуда найдены в яме вместе с кальцинированными костями и фрагментами двух скорлупообразных фибул. Погребение датируется X в. Фрагменты второго сосуда (место находки его неизвестно) принадлежат варианту В того же типа. Толщина стенок 0,3–0,4 см, в тесте примесь толченой ракушки.

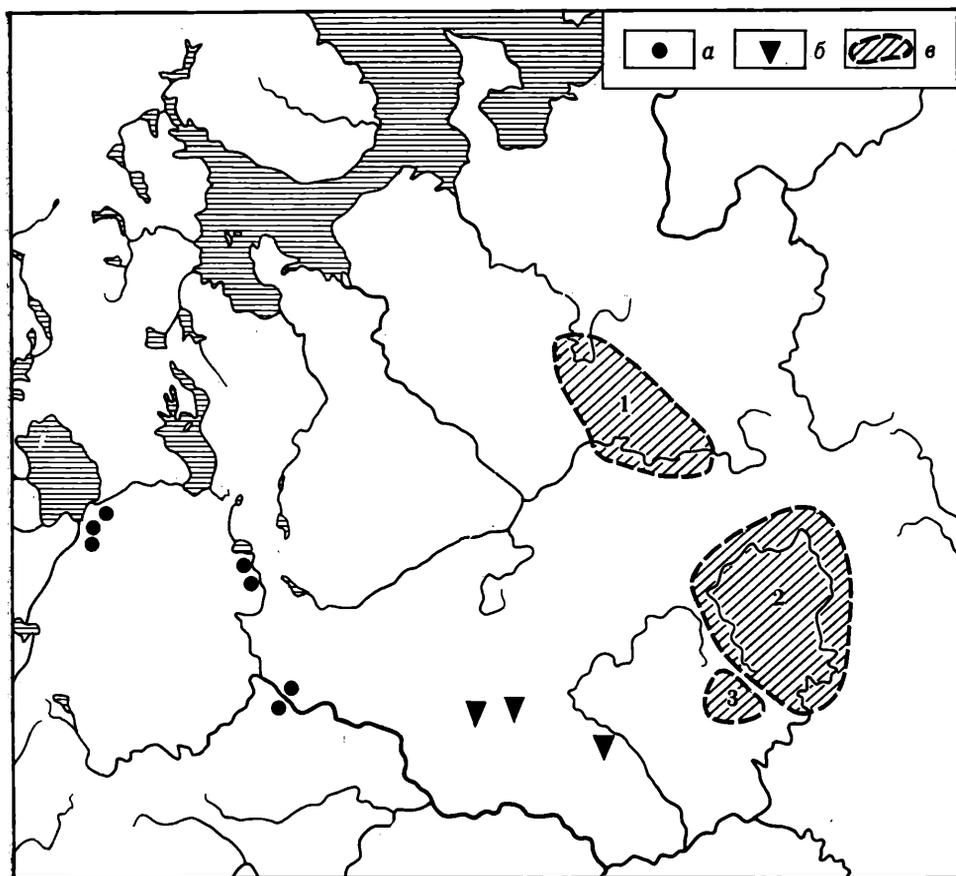

Рис. 4. Распространение чашевидных сосудов

а — памятники, содержащие чашевидные сосуды в Шексинско-Волжском районе; б — мотельники Ветлужско-Вятского междуречья, содержащие чашевидные сосуды; в — археологические культуры Камско-Вычегодского района: 1 — вымская культура; 2 — родановская культура; 3 — чепецкая культура

В Юго-Восточном Приладжье чашевидные сосуды встречены трижды. Первый происходит из кургана на правом берегу р. Кумбиты близ устья Паши¹¹. Сосуд не сохранился, на основании рисунка, изданного Н. Е. Бранденбургом, можно заключить, что он принадлежал к варианту В типа I, диаметр венчика составлял около 15 см. Сосуд стоял на очажке в основании насыпи и был накрыт железной сковородой, насыпь содержала два трупосожжения и труположение с инвентарем не позднее XI в. В том же кургане найдены лепные и гончарные горшки обычных типов. Обломок второго сосуда, происходящий из кургана 5 у дер. Акулова Гора на Ояти также не сохранился и известен по фотографии¹². Шейка сосуда была украшена многорядными оттисками веревочки, плечико — петлевидными оттисками веревочки. Курган содержал женское погребение по обряду труположения, при котором не было датирующих вещей, но остальные курганы этой группы датируются XI в. Третий сосуд найден в кургане 4 у дер. Новосельск¹³. Он может быть отнесен к слабо профилированным чашам типа II, но отличается от них наличием наклепного валика на плечике. Диаметр сосуда по венчику — 15,5 см, высота — 9,5 см, поверхность заглаженная, черного цвета.

Многочисленные аналогии чашевидным сосудам Волжско-Шексинского района и Приладжья имеются в Камско-Вычегодских древностях (рис. 4). Здесь такие сосуды — ведущая, а подчас и единственная известная керамическая форма. Судя по публикациям, наиболее распространен-

ными являлись сосуды типа I, известные в материалах ванвиздинской культуры¹⁴, в вычегодско-вымских могильниках¹⁵ и могильниках Ветлужско-Вятского района¹⁶, в памятниках полемской и чепецкой культур¹⁷, в позднеломоватовских и раннеродановских памятниках верхнего Прикамья¹⁸.

Сосуды типа II представлены в материалах вычегодско-вымских могильников¹⁹. Чаши типа III встречаются в материалах ломоватовской культуры²⁰ и в Вычегодском бассейне — на памятниках ванвиздинской культуры²¹.

Аналогии распространяются не только на формы, но и на орнаментальную схему, характеризующуюся сочетанием отпечатков многорядной веревочки на шейке сосуда и разнообразных узоров, украшающих его плечико — отпечатков гребенчатого штампа, решетчатого штампа, веревочки на палочке. Схема эта широко известна во всех перечисленных культурах. Широко представлена в Камско-Вычегодском районе и другая орнаментальная схема, встречающаяся на чашевидных сосудах Белозерья и Ярославского Поволжья — украшение верхней части сосуда многорядными поясами отпечатков различных штампов. Остается добавить, что толченая раковина — наиболее распространенная примесь в тесте прикамской керамики, как средневековой, так и более ранней. Для лепной керамики Волго-Окского бассейна конца I — начала II тысячелетия н. э. она не характерна.

Можно ли объяснить близость чашевидных сосудов Волжско-Шекснинского и Камско-Вычегодского районов общностью керамической традиции, как это делали Е. И. Горюнова и В. А. Мальм? Представляется, что нет. В Прикамье чашевидные сосуды преобладают, а в Волжско-Шекснинском районе они составляют незначительный процент от всей керамики. В Прикамье данная керамическая форма бытует начиная с ананьинского времени, что послужило основанием для выводов о непрерывности историко-культурного процесса в этом районе и отсутствии резкой смены населения²². В Волжско-Шекснинском районе эта форма не имеет местных корней, поскольку вся керамика второй половины — конца I тысячелетия н. э. здесь (городище Березняки²³, Попадьинское селище²⁴, Сарское городище²⁵, Шогдинское городище²⁶, Покрово-Мологское селище²⁷) плоскодонная²⁸. Чашевидные сосуды в этом регионе не могут считаться дальнейшим развитием керамических форм местных финно-угров. Появление их связано, вероятно, с проникновением небольших групп пермского населения далеко на запад — на северо-восточную окраину Руси. Судя по керамическому материалу, это население было немногочисленно и растворилось среди местных финнов и славян, оказав некоторое воздействие на формирование культуры Севера. Об интенсивности процесса смешения свидетельствуют находки чашевидных сосудов около очагов и в курганах совместно с плоскодонными горшками и отсутствие топографической обособленности комплексов с этой керамикой. Точное определение места, откуда вышли переселенцы, затруднительно, однако, если учесть, что сочетание многорядных оттисков веревочки с отпечатками решетчатого штампа характерно для чепецкой культуры²⁹, часть керамики поселения Крутик может принадлежать переселенцам с Чепцы.

Проникновение пермского населения в Волжско-Шекснинский район и Приладожье подтверждается и находками здесь других вещей Камско-Вычегодского происхождения, например калачевидных серег³⁰ и шильев с роговыми рукоятками Т-образной формы³¹.

¹ Станкевич Я. В. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X ст.— МИА, 1941, № 6, с. 72, табл. II, 5.

² Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, 1961, № 94, с. 132.

³ Мальм В. А. Культовая и бытовая посуда из ярославских могильников.— В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 47.

⁴ Дубов И. В. Тимеревский комплекс — протогородской центр в зоне славяно-финских контактов.— В кн.: Финно-

- угры и славяне. Л., 1979, с. 115, рис. 2, 7.
- 5 *Сузов П. А.* Славянское городище в южном Белозерье IX—X вв.—МИА, 1941, № 6, с. 89—92.
 - 6 *Golubeva L. A.* White Lake area and the Volga water-way.—In: *Fenno-ugri et slavi*, 1978. Helsinki, 1980, p. 42—48.
 - 7 ГИМ, инв. № 103199, оп. 2109, № 89, 428; инв. № 101056, оп. 2031, № 8.
 - 8 ГИМ, инв. № 103199, оп. 2109, № 50, 288, 438, 521, инв. № 101058, оп. 2033, № 38.
 - 9 В работе использованы материалы раскопок 1938—1939 и 1959—1961 гг. Ярославский областной краеведческий музей, инв. № 21677; ГИМ, инв. № 98561.
В статье В. А. Малым упомянуты чашевидные сосуды из 12 курганов: № 3, 76, 141, 165, 175, 180, 187, 192, 200, 224, 398, 420. (*Малым В. А.* Культовая и бытовая посуда..., с. 47). К этому перечню можно добавить чашевидные сосуды из курганов 59, 233, 299 и 376. Круглодонные сосуды из курганов 180 и 187 в фондах Ярославского музея найти не удалось.
 - 10 ГИМ, инв. № 44730.
 - 11 *Бранденбург Н. Е.* Курганы Южного Приладожья.—МАР, 1895, № 18, с. 100, табл. X, 6.
 - 12 Фотока сектора археологии Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР.
 - 13 Эрмитаж, ОИПК, колл. № 700/345.
 - 14 *Буров Г. М.* Древний Синдор. М., 1967, с. 215, табл. XXXI, рис. 8; *Савельева Э. А.* Пермь вычегодская. М., 1976, с. 135, 219, табл. 41.
 - 15 *Савельева Э. А.* Пермь вычегодская, с. 49, 50, 101, 102, табл. 4; 6, 2, 47; 7, 1, 35; 26, 9, 10.
 - 16 *Архилов Г. А.* Древние марийцы IX—XI вв. Йошкар-Ола, 1973, рис. 75, 8.
 - 17 *Генинг В. Ф.* Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958, с. 107, 108, рис. 43, 14, 15, 16; рис. 47, 7; *Он же.* Древнеудмуртский могильник Мыдлань-шай.—ВАУ, 1962, вып. 3, с. 62—65, табл. XIV, XV; *Он же.* Могильник чецепкой культуры у д. Вельякар (IX—XII вв.)—В кн.: Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. Ижевск, 1979, с. 97, 98, 105, 106; *Семенов В. А.* Из истории удмуртского народного орнамента.—В кн.: Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967, вып. IV, с. 288—291; *Иванова М. Г.* Хозяйство северных удмуртов в конце IX—начале XIII вв. н. э.—В кн.: Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. Ижевск, 1979, с. 58—67.
 - 18 *Талицкий М. В.* Верхнее Прикамье в X—XIV вв.—МИА, 1951, № 22, с. 55, 56, 75; *Оборин В. А.* Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья.—ВАУ, 1970, вып. 9, с. 10, 11; *Голдина Р. Д.* К вопросу о культурном единстве ломоватовских памятников.—В кн.: Древности Волго-Камья. Казань, 1977, с. 43, 44, рис. 1, 1, 2; *Генинг В. Ф.* Деменковский могильник—памятник ломоватовской культуры.—ВАУ, 1964, № 6, с. 116, 117, табл. XI, 1, 2, 8; *Кананин В. А.* Исследование городища Шудья-кар в верховьях Камы.—КСИА, 1980, вып. 160, с. 95, 96, рис. 2, 1, 3, 4.
 - 19 *Савельева Э. А.* Пермь вычегодская, с. 50, 101, 186, табл. 5, 2, 3, 4; 9, 1, 2; 26, 12, 15.
 - 20 *Талицкий М. В.* Верхнее Прикамье..., с. 75, рис. 34, 9; *Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Приуралья.—МИА, 1952, № 28, с. 196, табл. XLVIII, 2; *Голдина Р. Д.* К вопросу о культурном единстве..., с. 44, рис. 1, 4, 6; *Оборин В. А.* Памятники родановской культуры у села Таборы.—КСИИМК, 1956, № 65, рис. 37, 8; *Кананин В. А.* Исследование городища, с. 96, рис. 2, 6.
 - 21 *Буров Г. М.* Древний Синдор, табл. XXXI, 7, 11; XXXII, 5, 6.
 - 22 *Талицкий М. В.* Верхнее Прикамье..., с. 55, 56, 75; *Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории..., с. 195, 196.
 - 23 *Третьяков П. Н.* К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э.—МИА, 1941, № 5, с. 124—126.
 - 24 *Горюнова Е. И.* Этническая история..., с. 85—87.
 - 25 *Эдинг Д.* Сарское городище. Ростов, 1928, с. 47, 48; *Горюнова Е. И.* Этническая история..., с. 106, 107.
 - 26 Вологодский областной краеведческий музей, колл. № 20348.
 - 27 *Аркасова М. Е.* Отчет о раскопках Покров-Мологской стоянки близ ст. Пестово-Мга Рыбинской железной дороги в августе 1926 г.—Арх. ЛОИА АН СССР, ф. 2, оп. 1, 1926, № 175. Материалы хранятся в Череповецком краеведческом музее.
 - 28 Исключение составляют круглодонные сосуды памятников эпохи железа в бассейне озер Лача и Воже (Кубенино, Веретье, Кинема, Попово, Селище, Лисицынская, Каравайха). Считается, что жизнь на этих поселениях прекратилась в IV в. до н. э. (*Фосс М. Е.* Древнейшая история севера европейской части СССР.—МИА, 1951, № 29, с. 118, 119; *Ошибкина С. В.* Краткая характеристика позднекаргпольской культуры.—КСИА, 1975, вып. 142, с. 23). Нам представляется, что эта дата несколько занижена и нуждается в пересмотре. Однако вне зависимости от решения вопроса о верхней дате этих памятников, круглодонная керамика их имеет мало общего с волжско-шекнинской.
 - 29 *Семенов В. А.* Из истории..., с. 290, 291.
 - 30 *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере. М., 1973, с. 46. Литейная форма для отливки калачевидной серги найдена в 1980 г. на поселении Крутик.
 - 31 *Голубева Л. А.* Весь и славяне..., с. 126—128. Шило с Т-образной рукояткой найдено в 1980 г. на поселении Крутик. Обломок рукоятки шила найден в кургане 191 Тиммеревского могильника (Ярославский областной краеведческий музей, инв. № 21677).

К ВОПРОСУ О МЕТОДЕ ПОСТРОЕНИЯ АРХИТЕКТУРНОЙ ФОРМЫ ДРЕВНЕРУССКИМИ ЗОДЧИМИ¹

Исследователи уже неоднократно делали попытки выявить рабочий метод, которым пользовались древнерусские зодчие при разбивке планов и определении высот храмов. Особый интерес в этом отношении представляет работа К. Н. Афанасьева, который впервые попытался полностью реконструировать строительный метод древнерусских мастеров². Следует отметить огромную заслугу К. Н. Афанасьева в том, что он предложил рассматривать размер подкупольного квадрата как модуль в системе построения храмов. Однако переоценка значения архитектурной композиции в плане культового сооружения привела К. Н. Афанасьева к ряду неправильных выводов³. В результате метод, предложенный К. Н. Афанасьевым, можно рассматривать лишь как метод современного искусствоведческого анализа, но не как метод, который применяли древние зодчие. Между тем можно сделать попытку выявить и рабочий метод древнерусских строителей. При этом начинать следует с анализа письменных источников.

Византийский историк VI в. Прокопий, описывая постройку в Константинополе церкви Двенадцати апостолов, писал: «... были проведены две прямые линии, посредине пересекающиеся друг с другом в виде креста; первая прямая шла к востоку и к западу, пересекающая ее вторая линия была направлена к северу и югу... На этих прямых там, где соединяются, а это как раз приходится посредине... помещено место, доступное только для священнослужителей, которое как и подобает называют священным»⁴. Иными словами, прежде всего определялось место алтаря и разбивались взаимно перпендикулярные оси здания. Значительно позднее, уже в XV в., нечто подобное зафиксировал и русский летописец: «... пресвященный митрополит Филипп со всем освященным собором... поидоша на основание церкви... и прежде всех своима рукама митрополит начало полагает, идеже олтарю быти, таже по странам и по углам, и по сем мастера начинают дело зданию»⁵. Иными словами, сначала определялось то место будущего храма, где устанавливался престол, который являлся в христианском храме центральным местом не композиционным, а культовым. Если в церкви Двенадцати апостолов священное место в центре композиции, то в крестовокупольном храме оно сильно смещено к востоку относительно композиционного центра по продольной оси. На принцип разбивки плана это, видимо, не влияло. Поэтому начало разбивки плана крестовокупольного типа, очевидно, было следующим: сначала служитель культа определял на подготовленной площадке место для алтаря, а затем зодчий проводил относительно этого места основные оси, к востоку и к западу, а затем к северу и югу (см. рис. 1, а). Дальнейшая разбивка осуществлялась путем вычерчивания в плане габаритных размеров, которые являлись исходными для последующих построений. Это подтверждается, во-первых, «по углам» (в Никоновской летописи) и, во-вторых, свидетельством Киево-Печерского патерика, где отмечено, что при строительстве Успенского собора киевского Печерского монастыря (70-е годы XI в.) зодчим были указаны основные размеры будущего храма: ширина, длина и высота⁶.

Анализ планов русских храмов XI в. показал, что план крестовокупольного типа основан на прямоугольнике, причем на поперечной оси задается ширина так, чтобы пересечение осей (место алтаря) приходилось посредине, а затем длина определялась суммой ширины и $\frac{1}{4}$ частью ширины, т. е. отношением 4 : 5. Данная разбивка могла осуществляться как геометрическим, так и арифметическим способом. Геометрический

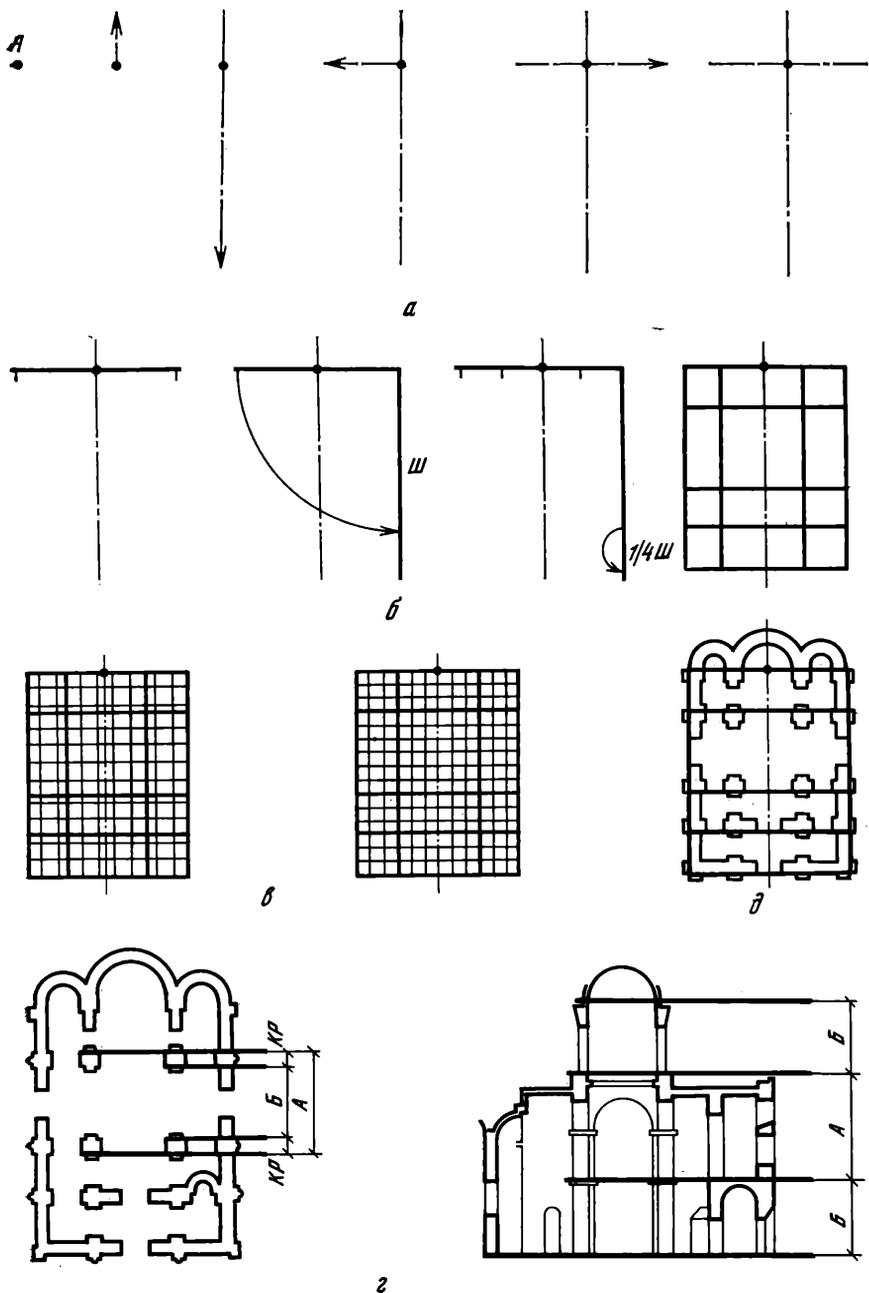

Рис. 1. Метод построения архитектурной формы

а — последовательность построения осей храма (по Прокопию); б — последовательность построения габаритных размеров храма и модульной сетки; в — конструктивная и модульная сетки; г — определение основных высотных отметок на основании размеров подкупольного квадрата «А» и «Б»; з — план храма на основании модульной сетки и конструктивного размера

способ мог основываться на использовании веревки, где длина веревки была равна ширине здания; путем последовательного складывания веревки пополам получали искомую величину части ($\frac{1}{4}$ ширины). Арифметический способ основан на первоначально избранной мере, при помощи которой определялась ширина будущей постройки, выраженная в числе. Существование арифметического способа подтверждает Киево-Печерский

патерик, где габариты храма имеют числовое выражение, а мерой избран локоть. Так или иначе зодчий в итоге получал прямоугольник, в процессе вычерчивания которого длина и ширина делились на 5 и 4 части, что давало возможность получить пропорциональную сетку, служившую основой для вычерчивания плана крестовокупольной системы (см. рис. 1, б).

Помимо разбивки пропорциональной сетки для строящегося здания зодчие применяли конструктивный размер, который равнялся толщине стены или столба. Причем конструктивный размер мог включать в себя одну или две избранные меры. Исследования русских храмов XI—XII веков показали, что для анализа удобнее пользоваться конструктивной сеткой, которая наглядно иллюстрирует связь между габаритными размерами модульной сетки и конструктивными размерами. В храмах XI в. и частично в храмах XII в. сетки не совпадают, однако в храмах XII в. они преимущественно совпадают. Этот факт можно истолковать следующим образом: первоначально при разбивке плана строители пользовались конструктивным размером, включающим в себя столб с лопатками, позднее лопатки стали исключаться из конструктивного размера, в результате чего сетки совпадали. Следует добавить, что первоначально отношение конструктивного размера к ширине храма соответствовало в основном $\frac{1}{10}$ и позднее $\frac{1}{12}$ ширины храма. Таким образом, конструктивный размер укладывался в общие габариты плана, но был независим от пропорциональной сетки (рис. 1, в).

С помощью пропорциональной и конструктивной сеток полностью определяли разбивку плана храма. Процесс разбивки велся в следующей последовательности: сначала определяли место алтаря и проводили оси, причем продольная ось была направлена не на восток, а на восход, т. е. на первый луч восходящего солнца⁷. На поперечной оси откладывали ширину здания, а длина определялась суммой ширины и $\frac{1}{4}$ части ее. Размер в $\frac{1}{4}$ ширины определял членения пропорциональной сетки, при помощи которой определялось место подкупольного квадрата, лопаток на стенах и пр. Но для того чтобы их вычертить, зодчий задавался конструктивным размером. На основании пропорциональной сетки и конструктивного размера строитель мог полностью вычертить на подготовленной площадке план храма. Таким образом, зодчий получал те необходимые размеры подкупольного квадрата, которые ему были необходимы для определения основных вертикальных размеров. Основные размеры, полученные из последовательной разбивки от общего к частному, зависят от модульной сетки и конструктивного размера. Большой размер равен стороне подкупольного квадрата со столбами, малый размер — без столбов (см. рис. 1, д).

Обосновывая свою концепцию свидетельством Константина Родосского, К. Н. Афанасьев пишет: «...размер центрального купола или подкупольного квадрата неизменно является тем начальным звеном цепи построения соразмерностей, которое мы вправе называть модулем всего построения — модулем не как единицы, служащей для кратного сопоставления со всеми размерами сооружения, а как исходный размер в цепи геометрических соотношений»⁸. С таким утверждением трудно согласиться. Во-первых, ни в одном свидетельстве нет упоминания, чтобы храм начинали строить, задаваясь размерами подкупольного квадрата или диаметром купола. Наоборот, всегда говорится о габаритных размерах. Во-вторых, Прокопий зафиксировал начало разбивки храма, а именно: определение местоположения стен относительно святого места при помощи осей, а Константин Родосский писал в X в. и, видимо, сосредоточил свое внимание на подкупольном квадрате не как на исходном размере сооружения, а как на модуле перехода от горизонтальных размеров к вертикальным. Он дает название этому квадрату «месамфалос», т. е. сердцевина, средоточие, подчеркивая этим не первостепенное значение главного купола, как считает К. Н. Афанасьев, а только особенность церкви Двенадцати апостолов, где соединены вместе алтарь и центр подкупольного квадрата, чего нет в крестово-купольном типе.

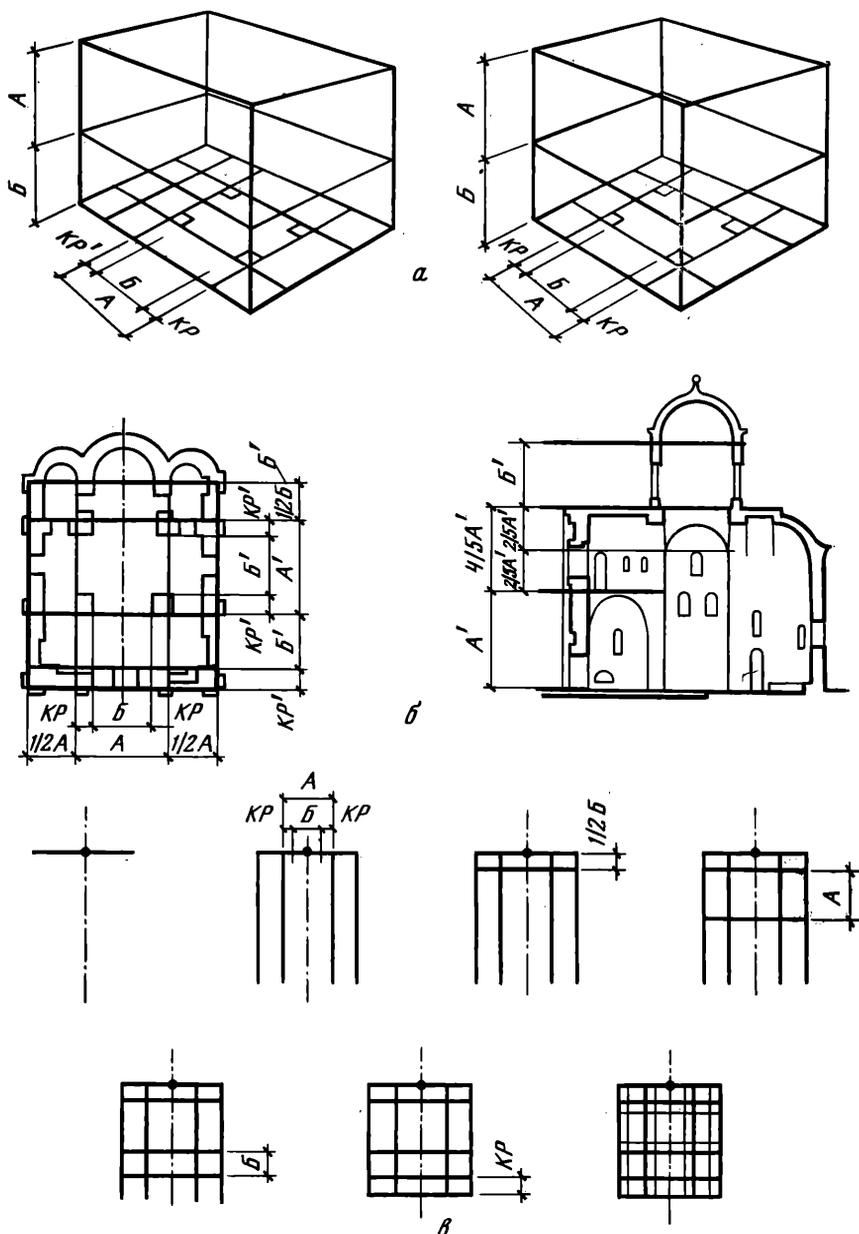

Рис. 2. Метод построения архитектурной формы

а — варианты структуры русских храмов; б — отклонения в разбивке плана и определение вертикальных размеров; в — последовательность построения габаритных размеров храма и модульной сетки

Говоря о принципах строительного метода, нельзя не упомянуть о технологическом процессе, прежде чем разговор перейдет к методу вертикального построения. Речь пойдет о последовательности возведения сооружения, в которой особое место занимает ярусность (этажность). Принцип ярусного построения византийские строители использовали и в «проектировании». Опираясь ярусами, которые включают в себя достаточно большой размер, средневековый строитель значительно упрощал стоящую перед ним задачу определения высоты будущей постройки. В храмах XI—XII вв. два яруса: от пола храма или верхнего обреза фундамента до пола хор и от пола хор до основания барабана.

Исследования показали, что в храмах XI—XII вв. высота ярусов соответствует размерам подкупольного квадрата. Размеры подкупольного

квадрата выводятся в результате ряда построения, как уже говорилось выше, в связи с чем достигается согласованность, стройность в сочетании размеров (рис. 1, *з*). А связь между горизонтальными и вертикальными размерами дает возможность достаточно просто согласовать пространственное строение храма, состоящего из системы материальных отнoшений поверхностей, объемов, имеющих определенную величину.

В результате всего вышесказанного можно выделить структуру храма крестовокупольного типа, при помощи которой средневековый строитель мог представить себе основные размеры будущей постройки, и не только представить, но и осуществить свой замысел в натуре. Эта структура также является и способом передачи строительного ремесла из поколения в поколение. Состоит структура из параллелепипеда, в основании которого лежит прямоугольник с отношениями сторон 4:5 или квадрат со стороной, равной 4 частям. По вертикали параллелепипед делится на две части, соразмерность которых достигается простейшей комбинацией размеров, принятых за модуль, предназначенный для перехода от горизонтальных размеров к вертикальным. Очевидно, средневековый строитель не имел в виду структуру в таком виде, как она представлена в настоящей работе (см. рис. 2, *а*). Он, вероятно, знал только последовательность строительства и руководствовался ею. Такой принцип построения храма по вертикали, как уже говорилось, дает возможность определить только основные размеры, включающие в себя ярусы постройки. Но храм по вертикали, как и по горизонтали насыщен значительно большим числом промежуточных размеров, под которыми следует понимать размеры, находящиеся в границах ярусов. Исследования показали, что зодчий для нахождения нужного размера делил высоту яруса. При этом пользовался системой простейших дробей: $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{3}$, которые были известны с незапамятных времен и играли большую роль во всей хозяйственной жизни. Путем деления пополам этих основных в обиходе дробей возникли два ряда дробей: двоичный и троячно-двоичный. Эти два ряда были: а) $\frac{1}{2}$; $\frac{1}{4}$ (четь или четверть), $\frac{1}{8}$ (полчети или полчетверти), $\frac{1}{16}$ (пол-полчети), $\frac{1}{32}$ (пол-полчети или малая четь) и т. д. б) $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{18}$ (полтрети), $\frac{1}{12}$ (пол-полтрети), $\frac{1}{24}$ (пол-полтрети или малая треть) и т. п. Деление высоты ярусов для определения отметок пят арок, сводов, низа оконных проемов и т. д. очень удобно в процессе строительства, так как не противоречит общим принципам технологии. Причем промежуточные размеры не влияют на восприятие пропорций всего сооружения, а только обогащают его вид. Поэтому в процессе «проектирования» средневековому зодчему не обязательно было уточнять абсолютно все размеры будущей постройки. При такой системе он только прикидывал габаритные размеры для общего представления о соразмерности составных частей и больше уделял внимания художественному образу.

Метод строительства крестовокупольного храма был, очевидно, принят как канон. Однако это не мешало строителям менять пропорции зданий в известных пределах, не нарушая принятых правил. Исследования показывают, что свобода творчества зодчих, хотя и ограничивалась общими принципами построения храма, но была все же достаточно широкой. Это видно даже при исследовании на чертежах в масштабе 1:250, где хорошо видны отклонения от правил, связанные с творчеством зодчего, а в иных случаях строительные ошибки. Чертежи в таком масштабе вполне достаточны для объяснения выдвинутой гипотезы. Исследования, проводимые на чертежах в масштабе 1:50, увеличивают количество неизбежных строительных ошибок и, несомненно, уточнят творческие приемы, но незначительно. В качестве примера творческого приема можно привести высоту хор. Обычно высота верхнего яруса (над хорами) была больше, чем высота нижнего яруса. Для этого использовали, как отмечалось выше, размеры подкупольного квадрата. При этом размер между столбами (малый — «Б») соответствовал размеру от пола храма до пола хор, а размер, включающий столбы (большой — А), соответствовал размеру от пола хор до основания барабана. Несомненно, это достаточно жесткое

правило, и оно соблюдается в ряде памятников. Однако уже в Новгородской Софии, сохраняя общий принцип, было сделано значительное изменение. Чтобы храм не уступал в высоте Киевской Софии, которая была сделана по описанному способу и имела в плане размеры, значительно превышающие размеры плана новгородской Софии, строители взяли высоту хор как больший размер, а высоту над хорами сложили из большего размера и половины малого. Таким образом, сохранилось правило, но изменился способ, удовлетворяющий этому правилу. На данном примере хорошо видно, как могут сосуществовать такие два противоположных друг другу понятия, как канон и творчество.

Очевидно, система построения не была неизменной, поскольку в процессе строительной практики, несомненно, возникали новые решения, связанные с новыми требованиями. Так, на Руси в середине XII в. появились храмы без нартекса, у которых план был основан на квадрате. Исследование таких храмов второй половины XII в. показало, что в ряде памятников прослеживается тенденция к увеличению западного поперечного нефа. Практически это осуществлялось так. Вычерчивалась по описанному принципу пропорциональная сетка, только квадратная. Конструктивный размер к этому времени уже был достаточно четкий — $\frac{1}{12}$ от ширины. Наряду с этим толщина западной стены откладывалась с внешней стороны модульной сетки и значительно превышала конструктивный размер. Более того, новгородцы пошли дальше. Они не только увеличивали западный поперечный неф, но и уменьшили восточный поперечный неф до размера, равного $\frac{1}{2}$ «А» или $\frac{1}{2}$ «Б». Налицо стремление усилить разницу расстояния между лопатками, что уже относится к ритму. Тут интерес представляет сам прием. На первый взгляд новгородцы применили систему, не связанную с той, которая применялась ранее. Похоже, что к концу XII в. длина храмов в плане набиралась (складывалась) из размеров, которые, в свою очередь, были определены из ширины храма. Ранее уже говорилось, что высота храма определялась суммой размеров «А» и «Б» и т. д.; в данном способе длина определяется суммой размеров. Сходство очевидно. Такой прием возможно осуществить наиболее просто только при помощи арифметики. Геометрический способ будет намного сложнее. Вспомним, что когда речь шла о построении пропорциональной сетки, возник вопрос: чем пользовались средневековые строители — геометрическим способом построения или арифметическим? Если раньше это выяснить было трудно из-за пропорциональной сетки с одинаковыми размерами стороны ячейки, то теперь ясно видно, что строитель пользовался арифметическим способом. Но это не значит, что исключается связь с приемами, характерными для геометрии. Зодчий использовал широко известную и привычную в быту систему простых дробей, заменяя, например, «А» и «Б» числовыми значениями. А=3 ед. изм., Б=5 ед. изм. Следует отметить, что в Успенском соборе в Старой Ладогe высота хор равна «А», а над хорами — $\frac{4}{5}$ «А» (исключение из правила: см. рис. 2, б). Это говорит о том, что более сложные дроби, как $\frac{4}{5}$, стали использовать не только в плане, но и в вертикальных измерениях. Такой прием с использованием более сложных дробей при определении основных пропорциональных зависимостей дает более богатую пластику и является следующим этапом в развитии формообразующего процесса (см. рис. 2, в).

Остается только сказать, что высота барабана определялась в XI—XII вв. по одному принципу. Она была равна стороне подкупольного квадрата «А» или «Б» (от основания барабана до пяты купола). Следует отметить, что подкупольный квадрат в ряде памятников не является квадратом. И если чертить пропорциональную и конструктивную сетки, то стороны как малых, так и больших ячеек не будут равны между собой. На стадии гипотезы это можно объяснить предположением, что зодчие пользовались двумя мерами. Одно мерило предназначалось для поперечных измерений, а другое — для продольных. Разница между этими мерилami, как и сами мерилa, была непостоянна и равнялась

3—4 см, что давало возможность в результате получить разницу, равную 1,5—2,0 локтям. Если же предположить, что зодчий использовал одно мерило для поперечных и продольных измерений, а разницу вводил на глаз из художественных соображений, то получается, что в каждом конкретном случае при измерении хотя бы малого размера он должен был сделать эту поправку, причем всегда одинаковую и соразмерную с поправкой большего размера. Это очень усложняет расчет пропорциональной сетки, конструктивного размера и измерений по высоте (см. рис. 2, б).

Подводя итог, следует отметить, что в настоящей статье была сделана попытка ответить на те вопросы, на которые так или иначе не отвечали ранее предложенные гипотезы о строительном методе средневековых зодчих. А именно строительный метод должен быть достаточно прост для того, чтобы его можно было использовать в массовом строительстве. Более того, строительный метод должен был иметь единую основу как для творческого процесса, так и для практического осуществления и в полной мере отвечать технологии строительства. При анализе он должен выявлять общие черты, характерные для памятников и в то же время раскрывать творческие приемы, а также должен дать возможность проследить процесс развития строительного метода в целом⁹.

¹ Доклад на Секторе славяно-финской археологии ЛОИА СССР 16 апреля 1981 г.

² Афанасьев К. Н. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961.

³ Критика работы К. Н. Афанасьева и других работ на эту тему см.: Горяев Р. К вопросу об измерении красоты в архитектуре.— Архитектура СССР, 1979, № 8, с. 25.

⁴ Зубов В. П. Архитектурные теории и трактовка архитектуры в средние века.— Цит. по: Данилова И. Е. О категории времени...— Из истории культуры средних веков и возрождения. М., 1976.

⁵ ПСРЛ, СПб., 1901, т. 12, с. 144.

⁶ Абрамович Д. Киево-Печерский патерик. Київ, 1930, с. 3, 7.

⁷ Раппопорт П. А. Ориентация древнерусских церквей.— КСИА, 1974, вып. 139, с. 43.

⁸ Афанасьев К. Н. Построение архитектурной формы..., с. 209.

⁹ Выводы настоящей статьи построены на детальном анализе следующих памятников: Спасо-Преображенский собор в Чернигове, 1036 г.; Церковь Георгия в Каневе, 1140 г.; собор Бориса и Глеба на Смядныи близ Смоленска 1145 г.; Успенский собор Елецкого монастыря в Чернигове, начало XII в.; собор Спасо-Преображения в Переславле Залесском, 1152 г.; Церковь Спаса-Нередицы в Новгороде, 1198 г.; Успенский собор в Старой Ладoge, середина XII в. Кроме того, ряд памятников использован в более общей форме.

Е. А. РЯБИНИН

О РАЗВИТИИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

В 1977—1980 гг. Ижорская экспедиция ЛОИА продолжила изучение археологических памятников в северо-западной части Ижорской возвышенности (Волосовский район Ленинградской обл.). После завершения раскопок Бегуницкой курганной группы, где вскрыто 52 насыпи¹, основным направлением работ явились поиски и исследование могильников, тяготеющих к летописному погосту в Копорье. К юго-востоку от него и к северо-западу от Бегуниц зафиксировано пять погребальных памятников, сконцентрированных в радиусе 2—2,5 км (рис. 1). Это скопление находится на окраине Ижорского плато, отмечая северную границу ареала древнерусских курганов; далее по направлению к Финскому заливу, вплоть до Копорья, тянутся заболоченные и, очевидно, не заселявшиеся средневековыми земледельцами пространства.

Экспедицией осуществлено частичное исследование четырех могильников: вскрыто 92 кургана и жальника, изучено 12 погребений внутри каменной оградки жальничного типа. Основные раскопки проведены на двух наиболее крупных некрополях — у дер. Лашковицы (изучено 45 по-

гребальных комплексов) и у дер. Теглицы (38 насыпей). Эти памятники, расположенные недалеко друг от друга, имели довольно длительный период функционирования, что нашло свое отражение в изменении погребального обряда.

Выделяются следующие разновидности погребальных сооружений.

1. Курганы с погребениями в вытянутом положении на горизонте. Встречены в Лашковицком и Теглицком могильниках. Это самые крупные насыпи в группах; их диаметр составляет обычно 7—9 м, высота — 0,7—1,1 м. Известны курганы с каменным венцом по основанию и без обкладки, причем преобладают насыпи с поверхностными каменными конструкциями. Наряду с одиночными погребениями нередко встречаются парные, а в двух курганах (Лашковицы 40, Теглицы 24) захоронено по четверо умерших. В кургане 8 Лашковицкого могильника зафиксирован единственный случай биритуальности: рядом с двумя скелетными захоронениями обнаружены скопления кальцинированных костей, частично перекрывающие и сами костяки.

2. Курганы с погребениями на горизонте в сидячем положении дважды встречены в Теглицкой группе. Высота их 0,8—1 м, диаметр 6—7,5 м; один курган имел каменный венец по основанию. Погребения одиночные, характер обряда определяется по положению останков умерших: нижние конечности и тазовые кости захоронений расположены в анатомическом порядке, верхняя часть костяка и череп сдвинуты в область таза.

3. Курганы с ямными погребениями в вытянутом положении. Представлены крупной серией в обеих группах. Такие насыпи имеют несколько меньшие размеры, чем курганы с захоронениями на горизонте. Обычный их диаметр составляет 5—6 м, известны и курганы диаметром от 4 до 5 м; высота насыпей 0,5—0,8 м. Могильные ямы имели подчетырехугольные очертания и глубину 0,2—0,4 м. В некоторых могилах прослежен глени от сгнившего дерева, зафиксировано и покрытие дна ямы мхом. Курганы содержат, как правило, одиночные захоронения. Наличие под насыпью двух могильных ям, отмеченное в единичных случаях, связано с переходным характером погребального обряда, о чем сказано ниже.

4. Курганы с ямными захоронениями в сидячем положении. Пять таких насыпей исследовано в Теглицах и пять — в Лашковицах. По своим параметрам они близки к предыдущей. Все курганы окружены каменной кольцевой обкладкой, глубина могил 0,2—0,4 м. Выявлены интересные конструктивные детали — канавообразные углубления у восточных стен могил, в ногах погребенных. С этой особенностью постоянно сочетается другая деталь — Т-образное расширение в восточной части самой могилы (иногда такие расширения встречаются и на другом конце ямы). Их назначение хорошо документировано: ступни умершего опускались в канавку и фиксировались деревянными плахами или досками, укреплявшимися в углах Т-образного расширения. Спина погребенного поддерживалась с помощью подсыпки из мешаного грунта, чаще всего аналогичного заполнения могил. Лишь в кургане 27 Лашковицкого могильника, где такая земляная «стенка» была сооружена из грунта, отличающегося от засыпки ямы, удалось установить ее форму и размеры. В могиле общей длиной 2,3 м она образовывала приступок протяженностью 0,6 м и высотой 0,25 м. Такая опора, разумеется, была недостаточной для по-

Рис. 1. Курганные могильники в округе Копорья

1 — Лашковицы, группа I; 2 — Лашковицы, группа II; 3 — Теглицы, группа I; 4 — Теглицы, группа II; 5 — Рукулицы; 6 — Бегуницы

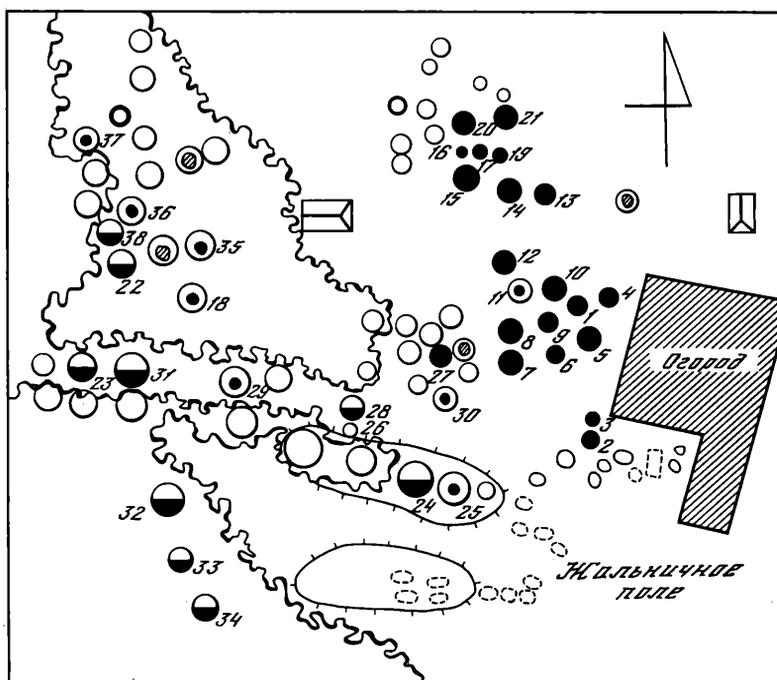
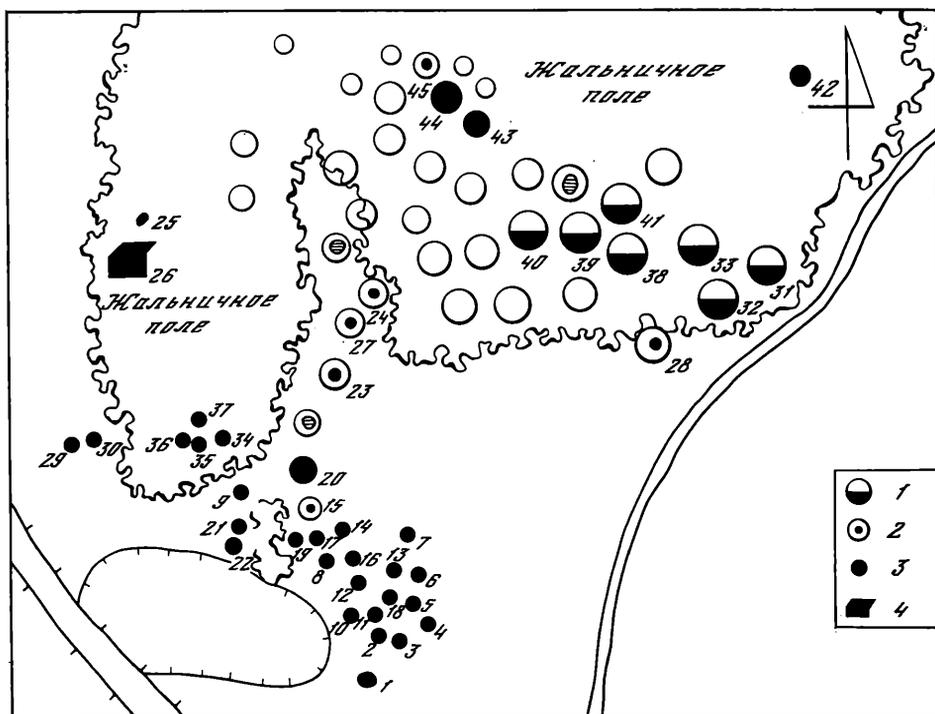

Рис. 2. План могильника у дер. Лашковицы

1 — курган с погребением на горизонте в вытянутом положении; 2 — с погребением в сидячем положении; 3 — с ямным захоронением в вытянутом положении; 4 — исследованная жальничная оградка

Рис. 3. План могильника у дер. Теглицы (условные обозначения те же, что на рис. 2).

гребения умершего в том традиционном сидячем положении, который хорошо известен по графическим реконструкциям Н. К. Рериха². Об этом же свидетельствует и само размещение останков большинства захоронений: их верхняя часть оказывается сдвинутой не к тазовым костям, как это следовало бы ожидать при вертикальном помещении умершего, а локализуется обычно или у юго-западной стенки могилы, или находится на 10—20 см выше нижней части грудной клетки, сохраняющейся в анатомическом порядке. Следовательно, основная часть рассматриваемых погребений была совершена лишь в несколько приподнятом, «полусидячем» положении.

5. Курганы-жальники — погребальные сооружения, занимающие промежуточное положение между курганами с ямными захоронениями и жальничными могилами. Основной признак «курганов-жальников» — сокращение диаметра насыпи до 2—3 м при высоте 0,2—0,6 м. Даже в небольших курганах с могильными ямами основания их значительно превышают размеры могилы. «Курганы-жальники» представляют собой искусственные земляные холмики над грунтовыми могилами, окруженные кольцом из валунов. Наличие насыпей является единственным признаком, отличающим их от жальничных захоронений.

Глубина подчетыреугольных могил в «курганах-жальниках» — 0,2—0,6 м. В них встречены только одиночные захоронения в вытянутом положении.

6. Жальничные могилы, отмеченные на поверхности каменными кольцами круглой или овальной формы, и коллективные усыпальницы, которые имеют общую наземную оградку, разделенную перегородками из валунов на отдельные секции. Могилы достигают глубины 0,7—0,8 м, однако для некоторых погребений, особенно детских, довольно типичны и более мелкие ямы. В них представлены только одиночные, вытянутые труположения; известны лишь случаи захоронений с женщинами детей грудного возраста.

Для выяснения вопроса о месте выделенных разновидностей погребений большое значение имеет их топографическое размещение в могильниках (рис. 2, 3). В обеих группах наблюдается наличие компактного «ядра» из крупных курганных насыпей с захоронениями на горизонте. В Лашковицком могильнике, где исследовано лишь несколько курганов с ямными вытянутыми труположениями (курганы 42—45), последние примыкают с северо-запада к массиву погребений в основании насыпей. В юго-западной части кладбища сконцентрированы «курганы-жальники», его периферию занимают жальничные могилы. У дер. Теглицы захоронения на горизонте локализованы в юго-западной части некрополя. «Курганы-жальники» располагаются на восточной окраине в непосредственной близости от курганов с ямными вытянутыми погребениями. Как и в Лашковицкой группе, жальничные оградки образуют внешнее окружение могильника.

Курганы с сидячими захоронениями в Лашковицах занимают центральную часть группы, примыкая, с одной стороны, к скоплению «курганов-жальников», а с другой, судя по кургану 27, топографически сближаются с насыпями, содержащими погребения на горизонте. В Теглицком могильнике наблюдается несомненное тяготение таких курганов к «ядру» захоронений в основании насыпи; более того, само их размещение указывает на положение сидячих захоронений между вытянутыми труположениями на горизонте и такими же погребениями в подкурганных могильных ямах.

Вещевой материал позволяет установить место разновидностей погребального обряда в динамике его развития. Древнейшую группу образуют курганы с захоронениями на горизонте, причем и лашковицкие и теглицкие комплексы характеризуются несомненной культурной близостью и относятся к единому хронологическому периоду (табл. 1, 2). Для ранних погребений типично помещение бытовых предметов (ножей), орудий труда и предметов вооружения рядом с умершим. Женские украшения пред-

ставлены пластинчатыми серебряными венчиками, известными в курганах X—XII вв.³, щитковоконечными височными украшениями с «классическим» орнаментом на 4—5 ромбических расширениях, к которым прикреплялись трапециевидные подвески (XI—XII вв.)⁴, витыми обрубленоконечными (XII—XIII вв.)⁵ и пластинчатыми браслетами с геометрическим узором, широкосрединными незамкнутыми и ложновитыми перстнями, подковообразными фибулами сегментного сечения с плоскими четырехугольными или невысокими гранеными головками (вторая половина XI—XII и частично XIII вв.), пластинчатыми подковообразными фибулами с выступающим вдоль дуги рубчиком и плоскими головками (XI—XII вв.)⁶. В состав нагрудных ожерелий входили хрустальные шарообразные бусы, распространенные в XI—XII вв.⁷, шарообразные бусы из желтого прозрачного стекла, датируемые по новгородским аналогиям концом XI — началом XIII в.⁸, и бронзовые боченкообразные бусы с рельефными «глазками», бытовавшими, судя по материалам Ижорской экспедиции, во второй половине XII — первой половине XIII в. В ранних погребениях обоих могильников впервые встречены своеобразные пластинчатые обоймицы, служившие разделителями в сложных ожерельях из спиральных бронзовых трубочек и разнообразных бус. По всей совокупности находок курганы с захоронениями на горизонте датируются второй половиной XII — началом XIII в.

Следующий этап в развитии обряда отмечен появлением могильных ям под курганными насыпями. В этот период исчезает обычай помещать вместе с умершими орудия труда, оружие и бытовой инвентарь. Заметно меняется и сам облик материальной культуры. Из находок, представленных в погребениях на горизонте и в подкурганных могильных ямах, но неизвестных в «курганах-жальниках», выделяется серия неорнаментированных подковообразных фибул ромбического сечения с плоскими четырехугольными головками; дата таких застежек — конец XII—XIII в.⁹ Впервые появляются петлеконечные витые (тройные и 2×3) и пластинчатые браслеты с плетеным ленточным орнаментом, хрустальные 14-гранные, зонные с гладкой спирально-волнистой орнаментацией и цилиндрические ребристые синие бусы. Все они имеют аналогии в «курганах-жальниках». Большинство перечисленных находок бытовало длительное время, что затрудняет определение хронологических рамок второго этапа. Так, ребристые синие бусы относятся к XII—XIII вв.¹⁰, бусы с гладкой спирально-волнистой орнаментацией — к XII—XIV вв.¹¹, тройные петлеконечные браслеты представлены в новгородских слоях середины XI—XIV в., хотя наиболее характерны для XII—XIII вв.¹² Уточнить дату курганов с ямными погребениями позволяет сопоставление встреченного в них материала с инвентарем «курганов-жальников».

При исследовании «курганов-жальников» в Лашковицах открыта серия женских погребений с богатым и устойчивым набором украшений. Он включает многобусинные височные кольца, пластинчатые браслеты с ленточным плетеным орнаментом, кольцевидные пластинчатые фибулы и подковообразные застежки круглого или овального сечения с плоскими головками. Многобусинные кольца появляются в Новгороде с середины XIII в., кольцевидные пластинчатые фибулы бытовали в основном в XIII—XIV вв.¹³ Этим же временем можно датировать и браслеты с ленточным узором, обнаруживающие устойчивую корреляцию с кольцевидными фибулами и многобусинными кольцами. Еще более показательны наличие в ряде «курганов-жальников» бус со спирально-волнистой рельефной орнаментацией; последние появляются в Новгороде лишь со второй половины XIII в. и бытуют в следующем столетии¹⁴. Одно из женских погребений сопровождалось серьгой в виде вопросительного знака — украшением, приобретшим известную популярность у древнерусского населения лишь после татаро-монгольского нашествия (в Новгороде такие серьги появляются с конца XIII в.)¹⁵. В целом «курганно-жальничный» пласт лашковицких захоронений может быть датирован второй половиной XIII—XIV вв.

По составу инвентаря курганы с ямными захоронениями близки «курганам-жальникам», но в них отсутствуют такие поздние категории находок, как многобусинные кольца, серьги в виде вопросительного знака и бусы с рельефной орнаментацией. Есть все основания отнести период бытования таких погребений к XIII в. Преемственная связь захоронений на горизонте и в могильниках ямах выразилась в появлении курганов, содержащих несколько труположений, одни из которых располагались в основной насыпи, а другие — в очень мелких (глубиной 7—15 см) могилах (Теглицы 22, 24).

Крайне трудной задачей является определение относительной хронологии ямных вытянутых и сидячих погребений. Интересно, однако, следующее обстоятельство. В инвентаре труположений, совершенных в могильных ямах, представлены некоторые категории древностей, отсутствующие в курганах с сидячими захоронениями, но известные в «курганах-жальниках». Это кольцевидные пластинчатые фибулы и подковообразные витые застёжки с плоскими головками, датируемые В. А. Мальм XIII—XIV вв., а также близкие последним фибулы со спиральными концами (в основном бытовали в XIII в.)¹⁶. Иначе говоря, вытянутые погребения в подкурганных ямах характеризуются наличием инвентаря в целом более позднего облика. Это может быть поставлено во взаимосвязь с наблюдениями над топографическим размещением в могильниках рассматриваемых разновидностей погребений, но, возможно, свидетельствует лишь о непродолжительности самого обряда захоронения в сидячем положении, переставшего практиковаться в первые десятилетия XIII в.

На заключительном этапе функционирования кладбищ появляются жальничные могилы. Большинство раскопанных жальников содержало безынвентарные останки умерших, вещевой материал встречен лишь в трех погребениях, исследованных в оградке 26 Лашковицкой группы. Он представлен серьгами в виде вопросительного знака, ленточными сомкнутыми перстнями, витыми (2×4) браслетами и кольцевидной нагрудной пряжкой, изготовленной из перевитой бронзовой проволоки. Инвентарь жальничных могил не позволяет датировать их временем более ранним, чем XIV в.¹⁷

Изученные памятники расположены в зоне смешанного славяно-финно-угорского населения. Летопись фиксирует наличие в Копорье (несомненно, также и в его округе) «Чюди и Вожан»¹⁸. Яркая «чудская» культурная подоснова характеризует, в частности, Бегуницкий могильник XI — начала XIII в. Примечательны в связи с этим общие черты, сближающие с ним рассмотренные памятники. К их числу относится восточная ориентировка захоронений (курганы 23 и 31 Теглицкого могильника с погребениями на горизонте), посыпание несожженного трупа кремированными останками умершего (захоронение в основании насыпи 38 у дер. Лашковицы), «огненные кольца» на курганной площадке (курган 24 Лашковицкого могильника, содержащий сидячее погребение в могильной яме), находки трубчатых пронизок от накосника (ряд захоронений на горизонте и в подкурганных ямах, раскопанных в обеих группах). Эти признаки свидетельствуют, по-видимому, и о культурном и этническом родстве населения, оставившего Бегуницкий могильник и основанного кладбища в окрестностях Теглиц и Лашковиц. Но если первый памятник прекращает свое функционирование в начале XIII в., то материалы анализируемых некрополей позволяют проследить развитие форм погребальных сооружений и материальной культуры обитателей сельской округи Копорья на протяжении двух последующих столетий. Намечается единая эволюция обряда, выразившаяся в постепенном переходе от захоронений в основании насыпи к погребениям в подкурганных ямах и далее, через «курганы-жальники», к грунтовым жальничным могилам. Получает свое объяснение и такой интереснейший факт, как внезапное на первый взгляд появление вполне сложившейся и самобытной «областной» культуры Водской земли. В действительности это формирование

носило характер длительного процесса, начавшегося еще в период погребения умерших на горизонте, усилившегося в эпоху распространения курганов с могильными ямами и в целостном, законченном виде проявившегося на материалах «курганно-жальничных» захоронений второй половины XIII—XIV вв. (табл. 2). Субстратные черты финно-угорского происхождения, присущие даже наиболее ранней группе рассматриваемых погребальных комплексов, свидетельствуют в пользу активного участия местного «чуждого» населения в генезисе региональной культуры Водской земли, в придании последней ряда специфических особенностей.

- ¹ *Рябинин Е. А.* Исследования в Ленинградской области.— АО 1977 г. М., 1978, с. 32, 33; *Он же.* Ижорская экспедиция.— АО 1978 г. М., 1979, с. 33, 34; *Он же.* Древнейший памятник воды в Новгородской земле.— В кн.: Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. М., 1981; *Он же.* Славяно-финно-угорские взаимоотношения в Вотской земле (по материалам работ Ижорской экспедиции).— КСИА, 1981, вып. 166.
- ² *Спицын А. А.* Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского.— МАР, 1896, № 20, с. 8, рис. 20.
- ³ *Левашева В. П.* Венчики женского головного убора из курганов X—XIII вв.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 91—97.
- ⁴ *Левашева В. П.* Височные кольца.— Труды ГИМ, 1967, № 43, с. 24, 42.
- ⁵ *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода.— МИА, 1959, № 65, с. 247, 248.
- ⁶ *Мальм В. А.* Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы.— Тр. ГИМ, 1967, 43, с. 167.
- ⁷ *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей.— СА, 1958, № 2, с. 103, 105, рис. 7.
- ⁸ *Щапова Ю. Л.* Стекланные бусы древнего Новгорода.— МИА, 1956, № 55, с. 165, 166.
- ⁹ *Мальм В. А.* Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы, с. 167.
- ¹⁰ *Колчин Б. А.* Хронология..., с. 102—105, рис. 7.
- ¹¹ *Щапова Ю. Л.* Стекланные бусы..., с. 177.
- ¹² *Седова М. В.* Ювелирные изделия..., с. 247.
- ¹³ *Мальм В. А.* Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы, с. 170.
- ¹⁴ *Щапова Ю. Л.* Стекланные бусы..., с. 176, 177.
- ¹⁵ *Седова М. В.* Ювелирные изделия..., с. 226.
- ¹⁶ *Мальм В. А.* Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы, с. 157.
- ¹⁷ *Рябинин Е. А.* Исследования 1975 г. на Ижорской возвышенности.— КСИА, 1980, вып. 160, с. 76—81.
- ¹⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 295.

Р. Ф. ВОРОНИНА

ПАРНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ СРЕДНЕЦНИНСКОЙ МОРДВЫ VIII—XI ВВ.

Парные захоронения, т. е. обычай одновременно погребать вместе с умершим мужчиной насильственно умерщвленную женщину, возникают на определенном этапе развития патриархального общества. В этом обществе уже далеко заходит процесс имущественного расслоения, выделяется и обособляется родовая и племенная верхушка. В среде кочевых племен с патрилокальным браком этот обычай более распространен.

Вероятно, причина подобного явления заключается в том, что основное богатство кочевников — скот является имуществом мужчины. Взятая из другого рода или племени жена не имеет подобного имущества и не играет почти никакой роли в производстве у кочевников. В силу этого женщина превращается в собственность мужчины и, как и всякая другая вещь, погребается после его смерти вместе со своим господином.

У мордвы парные захоронения впервые появляются в VI—VII вв. Наиболее ранними являются погребения 12, 47 и 48 Ивановского могильника¹, погребения 70 и 75 Селиксенского², Селикса-Трофимовского³ могильника. Известны они в могильнике у поселка «Красный Восток» (погр. 2)⁴. В среднем течении р. Цны первые подобные захоронения прослеживаются в VII—VIII вв. Это погребения 34, 35, 36 Серповского могильника⁵.

Отдельные парные погребения в VIII—XI вв. встречены в Крюково-Кужновском могильнике (118 и 551 — раскопки П. П. Иванова; п. 1 — раскопки автора за 1968 и п. 4 — раскопки 1969 г.)⁶.

Известны они и в Елизавет-Михайловском могильнике (п. 69, 86)⁷. Во всех этих могильниках процент парных захоронений невелик (табл. I).

По всей вероятности, незначительность распространения этого обряда коренится в ином земледельческом укладе хозяйства среднепечнинской мордвы. Свидетельством этого являются частые находки топоров, столь необходимых при подсечном земледелии; находки, хотя и более редкие, железных серпов, большого количества тканей, среди которых есть и льняные. Косвенным подтверждением может служить и материал погребения 4 Крюково-Кужновского могильника раскопок 1968 г.⁸ Это погребение, судя по размерам (140 см), тонким костям черепа и несросшимся черепным швам, размеру браслетов и наличию топора и ножа, принадлежало мальчику.

В то же время на грудь покойника был положен женский костюм — вплоть до обуви и головного убора — того типа, которые обычны для погребений взрослых и пожилых мужчин и, вероятно, клалась им вдовами. Находка подобного типа головного убора в погребении мальчиков, вероятно, является свидетельством раннего брака. Подобные явления известны из этнографии у земледельческих племен. Для того чтобы получить в семью лишние рабочие руки, мальчика женили на взрослой девушке. Следы существования подобного явления у мордвы нашли отражение в старинных мордовских песнях. Так, в одной из них говорится:

Замуж выдали в дом богатому. Не жену искал сыну малому свекор будущий, а работницу... Вот и спит всю ночь мужинек — дитя лицом к стеночке.	Не целуется, не ласкается. По утру встает муж красавицы, мал-малешенек, и спешит дитя к своим сверстникам играть в салочки ⁹ .
--	--

Таблица
соотношений парных и символических погребений
в среднепечнинских могильниках

№ п/п	Могильник	Мужские погребения, число	Парные погребения взрослых мужчины и женщины		Парные погребения мужчины и девочки		Символические погребения		Общее количество погребений
			число	%	число	%	число	%	
1	Крюково-Кужновский	237	4	0,61	3	0,42	43	18	653
2	Елизавет-Михайловский	66	2	1,5	—	—	10	15	132
3	Пановский	45	—	—	—	—	15	30	142

Т а б л и ц а 2

Распространение символических парных погребений по группам погребений

№№ пп	Могильник	Число мужских погребений	Общее число символических парных погребений	Символические погребения							
				Ориентиров на							
				С	Ю	В	З	СВ	СЗ	ЮВ	ЮЗ
1	Крюково-Кужновский	237	43	1	7	11	5	2	4	8	6
2	Елизавет-Михайловский	66	10	1	—	2	—	1	—	6	—
3	Пановский	45	15	—	2	5	—	—	—	7	1

А. А. Шахматов отмечал подобный обычай у мордвы еще в XIX в.¹⁰ Как говорилось выше, парные погребения не получили широкого распространения у среднецнинской мордвы, что связано с ее хозяйственным укладом.

Дело в том, что у земледельческих племен при патрилокальном браке основное имущество — земля, наследственная собственность рода. Взятая замуж из другого рода или племени женщина лишена этого имущества. (После ее замужества земля оставалась в роде.) И все же, войдя в новый род, женщина принимает довольно большое участие в земледельческом труде. Лишние руки ценятся в семье.

Именно этим, вероятно, и объясняется сравнительно небольшое распространение парных захоронений у мордвы и других угро-финских племен лесной и лесостепной полосы. Этот обряд, по всей вероятности, был распространен лишь в погребениях воинов, принадлежащих к родовой верхушке.

Мужские костяки в парных погребениях, как правило, содержат оружие, серебряные серьги, поясные наборы. Так, в парном погребении 69 Елизавет-Михайловского могильника (I тип парных погребений) оба покойника погребены по обряду трупоположения. Они положены вытянуто на спине, головой на ЮВ. У правого мужского захоронения лежали боевой топор-молот и наконечник копья. У левого костяка стояли 3 лепных сосуда, в один из которых положена серебряная серьга. Около сосудов лежали глиняное пряслице и нож¹¹.

В ряде парных погребений находилась и конская сбруя (погребение 1 Крюково-Кужновского могильника, раскопки 1968 г., погребение 4 того же могильника, раскопки 1969 г.)¹².

Встречаются парные погребения, совершенные по единому обряду, примером чего может служить вышеописанное погребение 69 и погребение 86 Елизавет-Михайловского могильника, содержащее парное трупосожжение¹³. Вероятно, у среднецнинской мордвы существовал обычай погребать мужчину по обряду трупоположения, а сожженный труп женщины завертывать в одежду и класть рядом с мужским в одну гробовину. Таково погребение 119 Крюково-Кужновского могильника¹⁴.

Таким образом, выявляется три типа парных погребений: первый, когда оба умерших погребены по обряду трупоположения; второй, когда оба покойника погребены по одному обряду трупосожжения; третий, когда мужчина погребен по обряду трупоположения, а женщина по обряду трупосожжения.

В среде конных воинов среднецнинской мордвы IX—XI вв., вероятно, существовал обычай погребать вместо жены рабыню. Так, в мужском погребении 4 Крюково-Кужновского могильника (раскопки 1969 г.) наряду с женскими украшениями, положенными вдовой в гробовину, как бы символизирующими ее смерть, в той же могильной яме, в ногах костяка, но за гробовиной, обнаружен детский костяк, принадлежащий, судя по зубам и украшениям, девочке 5—6 лет. Аналогичная находка, но с менее четко прослеженной границей могильной ямы сделана в погребении 1 Крюково-Кужновского могильника (раскопки 1968 г.) и в погребении

с разной ориентировкой

Символические погребения			
мужские с оружием	без оружия	с поясными наборами	без поясных наборов
35	8	33	23
4	3	7	8
14	1	8	6

551 того же могильника из раскопок П. П. Иванова¹⁵. Находка детского захоронения в той же могильной яме с символическим и мужским дает возможность говорить об их одновременности. Обычай замены погребения жены рабыней или ребенком, судя по этнографическим данным, существовал у многих народов, находящихся на раннем этапе развития общества вплоть до XX в.

Описывая обряды жителей Ново-Гибридских островов, в частности обычай

жителей острова Эфат, Р. Мосс, (Moss) рассказывает о покупке вождем племен маленькой девочки. По словам вождя, он купил ее у ее матери. Об этой девочке вождь сказал: «Когда я умру, эта девочка тоже умрет... Если после моей смерти никто не будет удупен, люди скажут — он не был вождем»¹⁶. Для того чтобы предотвратить подобный позор, вождь и купил этого ребенка у ее матери за большую свинью. По этому поводу Р. Мосс делает заключение, что, вероятно, это делалось с тем, чтобы заметить убийство вдовы.

В качестве подтверждения этой мысли приводятся сведения о том, что на другом острове (Рассел, Архипелаг Луизианы) в случае смерти вождя вместо его жены убивали меленького мальчика или девочку. Однако обряд насильственного умерщвления женщины и погребения ее вместе с умершим мужчиной не получил широкого распространения даже у родовой верхушки.

В основной же массе у среднеэццинской мордвы под влиянием иного уклада хозяйства обряд парных погребений получил весьма своеобразную интерпретацию — символическими парными погребениями стал обычай класть в могилу мужа женские вещи и украшения, порой целые женские костюмы вплоть до головных уборов и обуви (табл. 1, 2).

Как видно из таблиц, эта деталь погребального обряда довольно широко распространена и встречается в мужских погребениях знати воинов и рядовых мужских погребениях могильников.

Существование символических захоронений известно в этнографии. М. А. Итина приводит интересные сведения о существовании символических захоронений жены с мужем на ряде островов Океании. Так, по ее сведениям, на полуострове Газели (Новая Британия) женщина спит несколько недель на могиле мужа, а в северной части островов Д'Антракосто вдова лежит около трупа мужа в его доме, затем ее несут вместе с ним на могилу, но тут же забирают и относят к ней в хижину¹⁷.

Однако в среднеэццинских могильниках не всегда в мужские погребения клался полный набор женских украшений, головных уборов и костюмов. Это более характерно для погребений воинов и особенно конных воинов. В ряде случаев в мужских погребениях без оружия находят лишь отдельные украшения, положенные вдовой. Чаще всего бывают положены наконечники, что, вероятно, связано с магическим значением волос¹⁸. Этот обычай является, по-видимому, характерной особенностью среднеэццинских могильников.

Единичные случаи существования подобного обряда известны в Подболотьевском могильнике¹⁹.

¹ Воронина Р. Ф., Кольшиницына О. Д. Раскопки Ивановского могильника. — АО, 1971. М., 1972.

² Архив ИА АН СССР, Р-1; 1884.

³ Архив ИА АН СССР: Р-1; 3443; Р-1; 4097.

⁴ Алихова А. Е. Могильник у пос. Красный Восток. — КСИИМК, 1949, вып. XXIX, с. 76.

⁵ Алихова А. Е. Серповский могильник. — Археологический сборник. Саранск, 1953, вып. 2, с. 136.

⁶ Материалы по истории мордовского народа VIII—XI в. Моршанск, 1952, с. 45, 173; Воронина Р. Ф. Отчет о раскопках Крюково-Кужновского могильника в 1968 г. — Архив ИА АН СССР: Р-1; 4627, 4918.

⁷ Материальная культура среднеэццинской мордвы VIII—XI вв. — Археол. сборник. Саранск, 1969, вып. III, с. 59, 63.

⁸ Воронина Р. Ф. Отчет о раскопках Крюково-Кужновского могильника в

1968 г. — Архив ИА АН СССР; Р-1; 3759.

⁹ Мордовские народные песни. М., 1957, с. 175.

¹⁰ Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910, с. 35, 36.

¹¹ Материальная культура среднеэццинской мордвы VIII—XI вв., с. 59.

¹² Воронина Р. Ф. Отчет о раскопках Крюково-Кужновского могильника в 1968, 1969 г. — Архив ИА АН СССР: Р-1; 3959; 4228.

¹³ Воронина Р. Ф. Отчет о раскопках Крюково-Кужновского могильника в 1969 г. — Архив ИА АН СССР: Р-1, № 4228, рис. 63, 64.

¹⁴ Материалы по истории мордовского народа, с. 45.

¹⁵ Материалы по истории мордовского народа, с. 172.

¹⁶ Moss R. Life after death in Oceania. Milford, 1925, p. 202, 203.

¹⁷ Итина М. А. Отражение общественно-го строя в погребальных обрядах. — СЭ, 1954, № 3, с. 65.

¹⁸ Гаген-Торн Н. И. Магическое значение волос и головного убора.— СЭ, 1933, № 5/6, с. 83.

¹⁹ Городцов В. А. Археологические исследования в окрестностях города Муром в 1914 г.— В кн.: Древности. М., 1914, т. 24, с. 40—216.

Н. В. ХВОЩИНСКАЯ

К ВОПРОСУ О ДРЕВНИХ ЗАХОРОНЕНИЯХ ВОДИ

По историческим данным обширные районы северо-запада Новгородской земли были издревле заняты финно-угорским племенем води, остатки которого фиксировались этнографами еще в середине нашего столетия. Субстратные финно-угорские элементы на этих территориях ярко проявляются в характере древнерусской материальной культуры, которая нам хорошо известна по многочисленным курганным могильникам Ижорского плато и северо-восточного Причудья. Некоторые исследователи даже относили эти курганы к памятникам води¹. Однако еще А. А. Спицын убедительно показал, что в своей основе курганная материальная культура является древнерусской, несмотря на имеющиеся в ней финно-угорские компоненты, хотя не исключал, что отдельные могильники могли быть оставлены группами местного финского населения². Такая общая оценка материалов курганов выдержала проверку временем. В связи с этим неизбежно встает вопрос, а что представляли собой собственно погребальные памятники води, как хоронило своих умерших местное финно-угорское население до появления здесь славян?

Единственные памятники, которые исследователи относят к чисто водским, являются захоронения в бывшем имении Извары и у дер. Лисино, раскопанные Н. К. Рерихом в конце XIX в. Впервые изварско-лисинские сооружения были интерпретированы как погребения води самим Н. К. Рерихом³. В дальнейшем эта точка зрения вошла в археологическую литературу и в последнее время ее высказывали В. В. Седов, П. Н. Третьяков, Е. А. Рябинин, Г. С. Лебедев⁴.

Однако, несмотря на то что изварско-лисинские могильники давно привлекали внимание исследователей и даже существует достаточно единое мнение в отношении их принадлежности дославянскому финно-угорскому населению, многое в них остается до конца неясным. И прежде всего, как это ни парадоксально, не доказано самое главное положение: а имеют ли сооружения, раскопанные Н. К. Рерихом в имении Извары и у дер. Лисино вообще какое-либо отношение к погребальным памятникам, на что справедливо обратил внимание в последнее время В. А. Кольчатов. Этот вопрос заслуживает самого пристального анализа, тем более что он вызвал серьезные сомнения у самого автора раскопок. В рукописи, зачитанной на заседании Императорского Русского археологического общества, рассмотрение изварского могильника Н. К. Рерих предвяет фразой: «Если это могильник...». И показательно то, что после анализа материала сомнения Н. К. Рериха не исчезли и он снова повторяет ту же фразу, с которой начал изложение: «Опять-таки, если это могильник»⁵. В чем же здесь дело?

Сведения о находках в имении Извары и у дер. Лисино имеются в трех делах Императорской археологической комиссии. В деле 74 за 1894 г. находится отчет студента Н. К. Рериха о раскопках, произведенных им в бывшем Царскосельском уезде С.-Петербургской губернии. Среди описаний исследованных курганов и общих рассуждений о погребальных памятниках Водской пятины Н. К. Рерих упоминает, что им было раскопано две грунтовые могилы: одна — среди лисинской курганной группы, а другая — в лесу, вдали от курганов⁶. В деле 56 за

1896 г. в дополнении к отчету о раскопках 1896 г. Н. К. Рерих дал характеристику одиночному погребению, расположенному в Таракановском лесу имения Извары. В конце дела имеется рисунок этого захоронения, выполненный в акварели и туши⁷. И, наконец, основная часть изварского могильника была достаточно подробно описана в уже упомянутой нами рукописи, прочитанной Н. К. Рерихом в императорском археологическом обществе в апреле 1898 г. Наряду с конкретным материалом раскопок, в этой же рукописи Н. К. Рерих касается и ряда общих вопросов археологии Водской земли. Текст сопровождается красочными иллюстрациями, выполненными в акварели и туши, на которых изображены планы и разрезы раскопанных изварских могил. Таким образом, Н. К. Рерихом были исследованы три одиночные могилы: одна в Таракановском лесу имения Извары и две в разных местах у дер. Лисино, и, собственно, один могильник в имении Извары, причем только после раскопок последнего Н. К. Рерих решился интерпретировать найденные им ранее отдельные захоронения.

Что же собой представляла основная группа так называемых изварских погребений. В лесу недалеко от имения Извары в каменистой местности на площади « $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{3}$ десятины» (т. е. 2600—3400 кв. м.), как пишет Н. К. Рерих, «кое-где торчали едва заметные сверху булыжники» (д. 54, л. 9). Расположение некоторых булыжников показалось Н. К. Рериху симметричным, и он усмотрел в них определенные «каменные фигуры», являющиеся древними захоронениями. Всего Н. К. Рерих насчитал 24 фигуры. Их выделение было сопряжено с большими трудностями, поскольку, как отмечает автор раскопок, «легко принять за могилу два камня, лежащие в случайной симметрии» (д. 54, л. 9) — само по себе несколько странное заключение. Между самими фигурами не наблюдается никакой взаимосвязи — они были разбросаны по лесу «без всякой системы на расстоянии 5—15 шагов» (д. 54, л. 9). Из вываленных каменных фигур Н. К. Рерихом было раскопано 16. Шесть из них представляли собой просто два камня, лежащие на совершенно различных расстояниях друг от друга: в двух случаях — на расстоянии 74 см (№ 1, 10), в двух — на расстоянии 30—40 см (№ 3, 7), а в одном случае — даже на расстоянии всего 6 см (№ 13)⁸. Примечательно, что за захоронение № 14 Н. К. Рерих принимает вообще части расколовшегося надвое камня, находящиеся в 9—10 см друг от друга. Что же выделяет выбранные Н. К. Рерихом камни и чем они отличаются от случайных камней? Да, собственно, ничем — они ничего не отмечают и не ограничивают. В них не найдено ни костей, ни вещей, имеется лишь слой чистой золы, который, однако, выходит за пределы этих камней. Только то, что выбранные камни приблизительно лежат по линии запад—восток, а не иначе, и послужило Н. К. Рериху поводом для выделения их в каменные фигуры.

Что же собой представляли остальные фигуры — погребения. Их рассмотрение не проясняет картины. Фигурами Н. К. Рерих называл самые разнообразные по размерам и конфигурациям нагромождения валунов. Это и два крупных камня с несколькими мелкими камешками между ними, и четыре валуна, располагавшиеся по разным сторонам, среди которых также встречались более мелкие камни, и скопление нескольких валунов, лежащих в случайном порядке, и развалы из большого числа различных по величине камней. К последнему типу относятся и одиночная фигура в Таракановском лесу имения Извары. Конечно, при желании в некоторых из этих нагромождений камней можно увидеть какие-то геометрические фигуры, как это и сделал Н. К. Рерих, но надо сказать прямо — нет никаких серьезных оснований считать, что выделенные Н. К. Рерихом в каменистой местности так называемые фигуры имеют искусственное, а не естественное происхождение. Как и в случаях с фигурами из двух камней в остальных фигурах также ничего не было найдено — ни костей, ни углей, ни вещей и лишь в одной из них Н. К. Рерихом были замечены какие-то неопределенные железистые

остатки, «при высыхании развалившиеся» (д. 54, л. 14 об.). Указанные факты позволили самому Н. К. Рериху сделать достаточно важное заключение, что среди исследованных фигур «собственно могилы в буквальном значении не было» (д. 54, л. 10). Единственной причиной того, что Н. К. Рерих пытался увидеть в разнообразных развалах камней какие-то определенные фигуры, а в целом комплексе могильник, является слой золы, зафиксированный во всех без исключения фигурах. Его мощность достигала 2—13 см, причем, как отмечал Н. К. Рерих, в фигурах был обнаружен только слой чистой золы без углей. В результате проведенной шурфовки пространства между каменными фигурами Н. К. Рерих пришел к парадоксальному для себя выводу, что зола повсеместно покрывает всю площадь предполагаемого могильника, и, следовательно, исследованные им фигуры ничего не выделяют («слой золы почти никогда не ограничивается площадью, обложенную камнями, а выступает далеко в стороны» д. 54, л. 9). Для Н. К. Рериха оставалось неясным, откуда в лесу мог появиться мощный золистый слой, поэтому его происхождение он связывал с сожжениями. По мнению исследователя, с места «полного сожжения» собиралась лишь «наиболее чистая зола», которая отмечалась либо «двумя валунами на восход и на закат», либо, чтобы она не развеялась ветром, забрасывалась еще несколькими более мелкими булыжниками (д. 54, л. 10). Учитывая значительную толщину слоя золы, Н. К. Рерих был вынужден сделать еще одно предположение о том, что зола ссыпалась в одно место по нескольку раз. Однако все эти рассуждения Н. К. Рериха не объясняют главного установленного им факта, и это необходимо специально подчеркнуть, а именно того, что зола сплошным слоем покрывает всю поверхность исследуемого лесного участка.

При интерпретации Извар как могильника с сожжениями все исследователи указывают на незначительные остатки косточек, найденных Н. К. Рерихом на кострищах рядом с каменными фигурами, но и здесь далеко не все так просто, поскольку в отчетах Н. К. Рериха мы сталкиваемся с целым рядом противоречий и совершенно непонятных заключений. Во-первых, если Н. К. Рерих действительно обнаружил отчетливые кальцинированные кости, то почему у него возникают сомнения в том, что он исследовал могильник? Ведь наличие кальцинированных костей бесспорный признак любого погребения. Во-вторых, весьма странно, что при наличии костей Н. К. Рерих ищет объяснение их отсутствию и пишет о якобы существовавшем у племени води обряде «полного сожжения», при котором ничего не остается, кроме золы и угля (д. 54, л. 11). В-третьих, обращают на себя внимание неожиданные изменения, произошедшие в характеристике кострища у одиночной фигуры, расположенной вдали от основного комплекса. Это единственное кострище, которое было описано подробно. Сразу после раскопок в отчете 1896 г. Н. К. Рерих, характеризуя саму фигуру и кострище рядом с ней, состоявшее из двух небольших пятен, отмечал, что «ни костей, ни вещей нигде не видно» (д. 56, л. 33), т. е. из отчета вполне ясно следует, что костей не было ни в каменной фигуре, ни на кострище. И вдруг через год, завершив исследование всего комплекса Н. К. Рерих пишет, что расположенное рядом с фигурой кострище «дало мелкие угольки и бесформенные остатки перегоревших косточек, по-видимому, человеческих» (д. 54, л. 14). Совершенно невероятно, что Н. К. Рерих мог опустить такую принципиальную деталь при написании отчета сразу после раскопок.

Так называемые кострища, на которых по мнению Н. К. Рериха, происходило сожжение, являются существенным аргументом в построениях автора. Но, как ни странно, он никак не охарактеризовал их (ни графически, ни описательно), хотя на остальных деталях комплекса Н. К. Рерих останавливается достаточно подробно. Чем же вызвано это умолчание Н. К. Рериха, и что все же можно извлечь из его отчетов? У нас, как мы уже отмечали, все-таки имеется подробное описание и план одного кострища. Это самое первое кострище, исследованное в 1896 г.

в Таракановском лесу, еще до того, как Н. К. Рерих предпринял общую интерпретацию изварских могил. Оно примыкало к фигуре с северо-востока и состояло как бы из двух небольших угольных пятен неправильной формы. Первое пятно было «все усеянное золою, углями и мелкими обожженными булыжниками. Второе — продолжение первого или другое небольшое кострище» (д. 54, л. 33). Диаметр одного из пятен, как указывает Н. К. Рерих, до 1/2 аршина (35,5 см), а второе имело еще меньший размер. В отношении остальных кострищ ясно, что они располагались между фигурами и выделялись среди золы по концентрации мелких угольков. Исходя из приведенных размеров кострища у одной из фигур, вообще небольшого расстояния между фигурами, где находились кострища (5—15 шагов), на наш взгляд, нет оснований считать, что так называемые кострища в действительности являются остатками трупосожжений на месте.

Таким образом, суммируя все вышесказанное, можно сделать следующие выводы: 1 — выделенные Н. К. Рерихом в каменистой местности, так называемые каменные фигуры ничем не отличаются от случайных скоплений камней; 2 — фигуры ничего не ограничивают и не содержат — в них не найдено ни костей, ни вещей; 3 — обнаруженный в фигурах слой чистой золы покрывает всю поверхность данной лесной местности; 4 — углистые пятна, названные Н. К. Рерихом кострищами, — весьма не отчетливы и никак не могут рассматриваться как места полного сожжения; 5 — сведения о кальцинированных костях противоречивы и сомнительны.

В дальнейшем при публикации материала все оговорки и неясности Н. К. Рерихом были сняты, и изварский комплекс вошел в литературу как могильник воды⁹. Сам Н. К. Рерих, а вслед за ним и другие авторы, рассматривая Извары как погребальный памятник воды, обычно приводили в качестве аналогий каменные могильники эстов, а позднее исследователи также стали указывать на сходные, по их мнению, могильники западной Финляндии¹⁰. Однако сопоставление этих могильников с изварским комплексом показывает, что это далеко не тождественные вещи. Действительно, для финно-угорского населения Эстонии и Финляндии в конце I — начале II тысячелетия н. э. были характерны погребальные памятники, представляющие собой скопления камней без какой-либо определенной внутренней структуры (Эстония — Лахепера, Паюси, Мади, Энивере и др.; Финляндия — Каломяки, Эура, Пернион Юлискюля, Таскула и др.), но во всех представлены бесспорные захоронения по обряду трупосожжения в виде кальцинированных костей и многочисленного погребального инвентаря, а именно этого и нет в Изварах.

На наш взгляд, исследованный Н. К. Рерихом комплекс в имении Извары никакого отношения к археологическим памятникам и вообще к искусственным сооружениям не имеет. В лесу в каменистой местности Н. К. Рерихом были обнаружены разрозненно лежащие камни на обычном слое лесного подзола. Этим и объясняется тот факт, что белесый слой, который Н. К. Рерих определил как золу, сплошным горизонтом покрывает всю раскопанную площадь 3400 кв. м (и, видимо, продолжался и далее). Ошибка Н. К. Рериха в определении подзола в качестве золы традиционна для археологов. Начиная с XIX в., а порой и в настоящее время подзолистые прослойки в основаниях курганов принимались за подсыпки или зольно-угольные прослойки, связанные с погребальным ритуалом, хотя сомнения в этом высказывались уже давно. Благодаря квалифицированной специальной работе А. М. Рыука, посвященной сооружению и морфологии курганов юго-восточной Эстонии, естественный характер образования белесых прослоек под курганами выяснен окончательно¹¹. В этой же статье мы находим объяснения и некоторым другим деталям, которые Н. К. Рерих пытался связать с погребальным обрядом. Так, относительно отмеченной Н. К. Рерихом в некоторых местах прокаленности песка интересно заключение А. М. Рыука, что «постоянно наблюдаемый красновато-бурый или коричневатожелтый цвет песка под

„зольной“ прослойкой является результатом почвообразования, главным образом выпадения в осадок железосодержащих комплексных соединений»¹². В верхних частях подзола обычно встречаются скопления мелких угольков, которые также фиксировал Н. К. Рерих и интерпретировал их как кострища. Кстати, вообще невероятно, что можно было бы сплошным слоем «чистой» (по Н. К. Рериху) золы толщиной до 13 см покрыть огромный участок леса, поскольку содержание золы в древесине 0,6% и сжигание 1 м³ «чистой» древесины дает примерно только 3 кг золы, уже не говоря о том, что, как отмечают специалисты, за тысячу с лишним лет «зола, если она имела, непременно должна была полностью выщелочиться»¹³.

Вполне отдавая себе отчет в необходимости поисков памятников воды и открыв в один из первых своих археологических сезонов комплекс в имени Извары, Н. К. Рерих пытался увидеть в нем могильник, приводя совершенно различные и противоречивые соображения.

Обычно наряду с Изварами исследователи упоминают о двух «могилах» у дер. Лисино. Одна из них располагается в лесу и представляет собой отдельное скопление камней без костей и находок, т. е. действительно является таким же естественным образованием, как Извары. Вторая «могила» у дер. Лисино несколько отлична. Это круглая каменная вымостка между курганами древнерусского могильника. Характер вымостки до конца неясен, но нет сомнения, что он имеет какое-то отношение к погребальному ритуалу древнерусского населения.

Поиски могильников воды, особенно восходящих ко времени до прихода славян на территорию Ижорского плато, — безусловно, одна из актуальных и сложных задач современной археологии Северо-Запада; но, решая вопросы о погребениях воды, нельзя поддаваться соблазну увидеть за неотчетливыми объектами, особенно исследованными еще в дореволюционное время, искомые памятники¹⁴.

¹ *Aspelin J. R. Suomalais-Ugrilaisen Muinaistutkiminnon Alkeita Kirjoittanut. Helsingissä, 1875; Tallgren A. M. Les provinces culturelles finnoises de l'âge récent fer dans la Russie du nord. — ESA. Helsinki, 1928, III, S. 19, 20; Moora H. Wotische Altertümer aus Estland. — ESA, Helsinki, 1929, IV, S. 272—283; Равдоникас В. И. Ижорские могильники в Красногвардейске. — СГАИМК, 1932, № 11—12, с. 24—31.*

² *Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. — МАР, 1896, № 20, с. 37, 49.*

³ *Рерих Н. К. Экскурсия Археологического института 1899 г. в связи с вопросом о финских погребениях С.-Петербургской губернии. — ВАИ, 1900, XIII, с. 107, 108.*

⁴ *Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.). — СА, 1953, XVIII, с. 202—204; Он же. Новгородские сопки. — САИ, 1970, вып. Е1-8, с. 17, 18; Трегьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. — МИА, 1970, № 179, с. 146, 147; Рябинин Е. А. Финно-угорские элементы в культуре Северной Руси X—XIV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1974, с. 7; Он же. Древности воды и ижоры в Ленинградской области (историография вопроса). — В кн.: Проблемы истории и культуры северо-запада РСФСР. Л., 1977, с. 114, 115; Лебедев Г. С. Археологические памятники Ленинградской области. Л., 1977, с. 152, 153.*

⁵ О разрешении Н. Рериху производства раскопок в Петергофском уезде С.-Петербургской губернии. — Арх. ЛОИА, ф. 1, 1897, д. 54, л. 9, 11 (далее в тексте — д. 54).

⁶ О раскопках студента Н. Рериха в Изварской казенной даче Царскосельского лесничества. — Архив ЛОИА, ф. 1, 1894, д. 74, л. 50.

⁷ Прибавление к отчету о раскопках 1896 года, произведенных Н. К. Рерихом. — Архив ЛОИА, ф. 1, 1896, д. 56, л. 32 об. 33 (далее в тексте — д. 56).

⁸ Расстояния между камнями даны на основании чертежей Н. К. Рериха. — Н. К. Рерих указывает размеры фигур, часто включая диаметр самих камней.

⁹ *Рерих Н. К. Экскурсия Археологического института...*, с. 107, 108.

¹⁰ *Selirand J. Eestlaste matmiskombed varafeodaalsete suhete tärkamise perioodil (11—13. sajand). Tallin, 1974, lk. 37—64; Kivikoski E. Suomen rautakauden kuvasto. I. Porvoo-Helsinki, 1947, S. 11, 12; Hurre M. 9000 vuotta Suomen esihistoriaa. Helsinki, 1979, s. 132.*

¹¹ *Рыук А. М. Некоторые вопросы сооружения и морфологии курганов юго-восточной Эстонии. — Известия АН Эст. ССР, т. 28. Обществ. науки, 1979, № 3, с. 249—266.*

¹² Там же, с. 263.

¹³ Там же, с. 263.

¹⁴ При обсуждении данной статьи на заседании сектора славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР 22.V 1980 г. Е. А. Рябинин сообщил, что им было

предпринято специальное исследование местности близ бывшего имения Извара. Никаких остатков могильника обнаружить не удалось, а характер

местности, по мнению Е. А. Рябикина, свидетельствует в пользу естественного происхождения раскопанных Н. К. Рерихом конструкций.

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЖИТЕЛЕЙ НОВОГРУДКА

(КОНЕЦ X — 70-е ГОДЫ XIII ВВ.)

Древний Новогрудок был языческим городом со времени своего основания в конце X в. и вплоть до конца XI в. Многочисленные христианские реалии (кресты-тельники, энколпионы, образки, иконки и др.), найденные при раскопках его детинца и окольного города, относятся ко времени не ранее первой половины XII в. Кладбищем горожан-язычников был курганный могильник, находящийся в 1,5 км и востоку от Новогрудка. В 1956 г., когда этот могильник был открыт славно-литовским отрядом Прибалтийской экспедиции, в нем насчитывалось 160 курганов. В действительности их было больше, о чем можно было судить по пятнам от распаханных курганов. На этом могильнике в 1956, 1963 и 1965 гг. было раскопано 22 кургана¹.

В курганах встречены погребения по обряду трупосожжения и ингумации. Кремация умерших отмечается единично. Переходный обряд от трупосожжения к трупоположению отразился в одном из курганов, где лежал частично обожженный костяк², ориентированный головой на запад. Во всех остальных курганах были встречены погребения по обряду трупоположения. Погребения индивидуальные. Костяки лежали на горизонте или небольшой подсыпке на спине в вытянутом положении, головой на запад, юго-запад или северо-запад. О старом обряде кремации напоминали отдельные скопления золы, мелкие угольки и иногда обожженная почва³.

Почти весь инвентарь курганного могильника имеет параллели среди находок раннего Новогрудка. Это горшки с выступом на венчике и конусообразным туловом, почти сплошь покрытым рифлением, другой бытовой инвентарь (ножи, точильный камень, кресала) и украшения — бусы, височные кольца, пряжки, перстни и др. Интересно отметить характерные проволоочные височные кольца, конец которых загнут в форме спирали (рис. 1, 1). В предматериковом слое новогрудского посада найдено три таких кольца (рис. 1, 2) — специфического украшения новогрудских женщин⁴. Сходны также найденные в курганах и в Новогрудке маленькие спиральные кольца с S-овидным окончанием, перстни с завязанными концами и другие находки. Некоторые вещи из курганов не имеют аналогий среди городских находок. Ни в детинце, ни на посаде ни разу не встретился боевой топор, подобный оружию из кургана 9. Не было там и височных колец со сцепленными концами и бронзовых лировидных пряжек с железным шпеньком⁵. Правда, одна такая пряжка найдена в кургане у дер. Городиловка, отстоящей недалеко от Новогрудка⁶.

При несомненном сходстве керамики курганов и Новогрудка обращает на себя внимание тот факт, что в городском курганном могильнике нет наиболее архаичных горшков, типичных для поселения. Речь идет о тех из них, которые лишь в своей верхней части были подправлены на гончарном круге. Бытование этих горшков не выходит за пределы X в., и на посаде они встречены в постройке 15, сооруженной на материке⁷. Горшки новогрудского могильника характерны для второго строительного периода, который соответствует началу и первой половине XI в. В погреб-

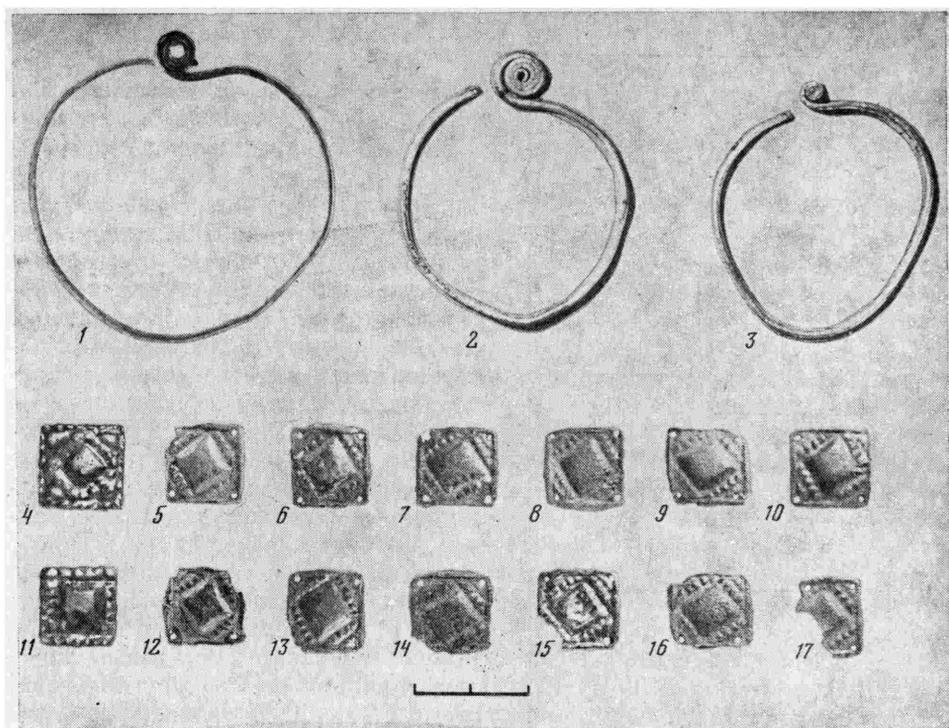

Рис. 1. Предметы из погребений и культурного слоя

1—5 — височные кольца; 4—5 — матрицы; 6—17 — бляшки; 1 — из курганного могильника; 2, 6—17 — из погребения раннего кладбища; 3 — из культурного слоя новгородского посада; 4, 5 — детинец

бальных сооружений, которые более консервативны, чем поселения, более уместно было бы встретить наиболее древние формы керамики данного поселения. Архаичные формы сосудов встречены нами в кургане у дер. Городиловка, о котором говорилось выше, а также в кургане у дер. Ладенники (недалеко от Новогрудка), где были найдены обломки лепного сосуда⁸. Возможно, что наиболее древние курганы новгородского могильника не были нами раскопаны, но не исключено, что первые поселения Новогрудка хоронили своих умерших в другом месте.

В XII в. Новогрудок становится христианским городом. За городскими укреплениями в то же время был построен храм Бориса и Глеба⁹. Фресковая роспись церкви сходна с росписью богатой гражданской постройки первой половины XII в. в окольном городе Новогрудка¹⁰, сменившим неукрепленный посад. На этом основании можно предположить, что Борисоглебский храм был сооружен в первой половине века. Одновременно в быту богатых горожан появляются предметы христианского культа.

Как же новая вера отражается на погребальном обряде городских жителей? В 1965—1967 гг., при исследовании южной площадки окольного города Новогрудка, было открыто христианское кладбище. На площади около 500 кв. м встречено 105 погребений. Христианские кладбища на территории древнерусских городов — довольно обычное явление. Особенность этого кладбища заключалась в его необычном сочетании с городским строительством. Большая часть погребений (83) открыта в культурном слое и среди строительных остатков неукрепленного городского посада (X—XI вв., рис. 2). Так, погребение 100 прорезало яму с печкой-каменкой и остатками бронзолитейного дела, погребения 85 и 86 — постройку 36, среди находок которой было шиферное пряслице и битрапециодная бусина. В восточной части кладбища погребение лежало на развале печи¹¹. Некоторые погребения прорезали хозяйственные ямы, вырытые в материке.

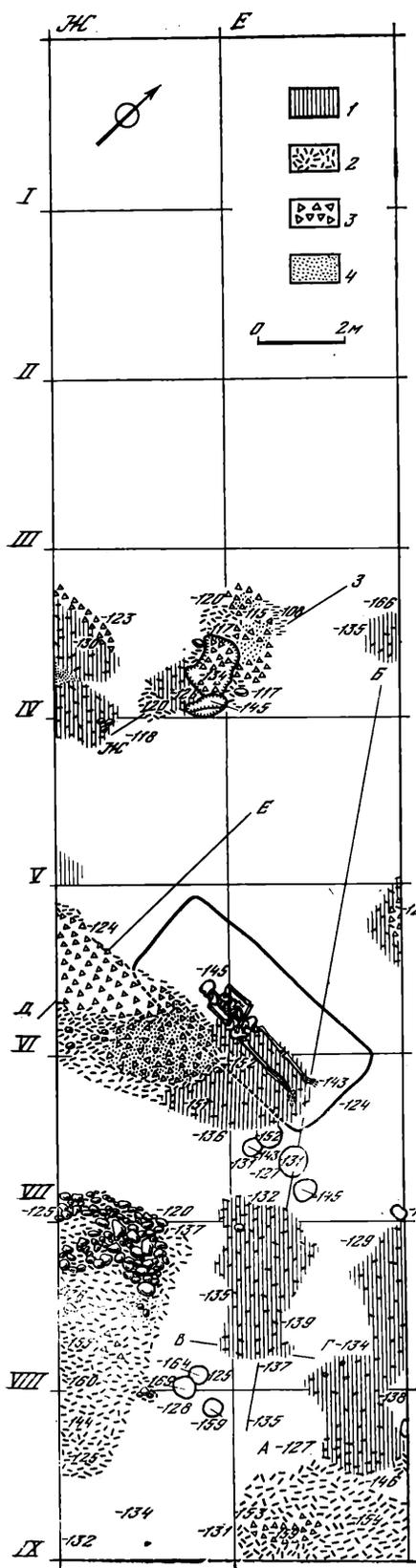

Рис. 2. Погребение раннего кладбища

Все 83 погребения были перекрыты более поздним городским строительством. Среди них истлевшая постройка 25, над которой была сооружена еще одна постройка с керамикой XII в. и стеклянными браслетами. В постройке 32, сооруженной над погребениями 91, 93, 96 и другими, найдены обломки амфор, стеклянные браслеты, книжная застежка и некоторые другие вещи. Культурный слой, в котором находились эти постройки, был, в свою очередь, прорезан более поздними погребениями.

Таким образом, перед нами открылось своеобразное сочетание периодов в истории посада — окольного города Новогрудка, когда раннее кладбище создается на участке, который был заселен до конца XI в. Затем территория кладбища заселяется в то время, когда в городе бытуют амфоры, стеклянные браслеты и некоторые другие вещи этого времени. Наконец, на этом участке вновь появляется небольшое кладбище.

Рассмотрим материалы обоих кладбищ. Значительная часть погребений раннего кладбища была сосредоточена в восточной и южной частях занятой им территории. Погребения там лежали особенно близко друг к другу. Так, постройка 26 площадью 30 кв. м перекрыла 10 погребений¹². На одном из участков кладбища, на площади 8 кв. м открыто 7 костяков. При таком плотном размещении погребений они лишь трижды перекрывали друг друга. При этом в одном случае оба погребения (41 и 42) лежали почти друг над другом. Возможно, что второго умершего положили в ту же могилу, что и первого. В другом случае разница в глубинах залегания костяков составила 65 см (погр. 66 и 103), по-видимому, в их захоронениях была определенная временная разница, наконец, одно погребение (90) прорезало могильную яму (погр. 98).

При 25 погребениях открыты могильные ямы. В большинстве случаев они были вырыты в культурном слое и очень редко в материке (погребение 1, 2, 8, 82). Могильные ямы имели овальную или прямоугольную форму (2—2, 40×0,8—1,20 м) с прямыми стенками и ровным дном.

Почти все погребения были индивиду-

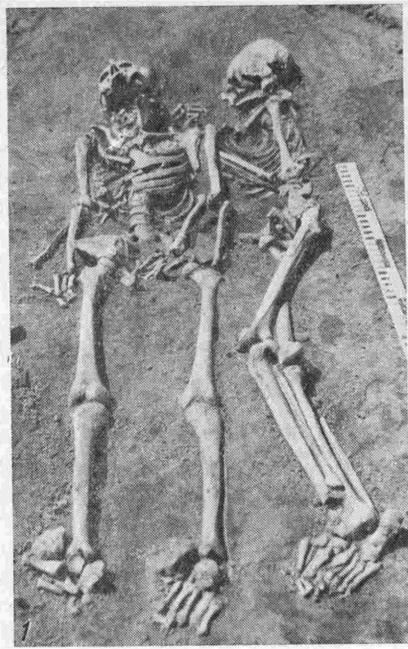

Рис. 3. Погребения

1 — парное погребение; раннее кладбище;
2 — погребения позднего кладбища, прорезавшие постройку XII в.

дуальными. Парные захоронения встречены лишь четыре раза. В одной могильной яме лежали два костяка (погребения 70 и 71). Погребение 44 принадлежало взрослому человеку. На груди его был скелет очень маленького ребенка. От погребений 75 и 76 сохранились лежавшие рядом костяки взрослого и ребенка, а на тазовых костях погребения 85 лежал череп ребенка.

При 15 захоронениях обнаружены остатки гробов. Иногда они сохранились в виде поставленных на ребро досок. В погребении 3 крышка гроба имела трапециевидную форму¹³. Возможно, что гробы крепили гвоздями, поскольку при отдельных погребениях лежали гвозди.

Большая часть погребенных лежала на спине в вытянутом положении. В отдельных случаях (погребения 15, 18, 80) обе или одна нога были согнуты. В 36 случаях голова костяка была ориентирована на запад, в 27 — на юго-запад и в двух случаях — на северо-запад (остальные костяки были смещены или сохранились частично). При этом в 14 случаях лица были повернуты направо или налево. В погребении 90 голова костяка лежала на камне. Положение рук довольно разнообразно. Они были скрещены на груди (14 погребений), в области живота (15 погребений), таза (10 погребений) и пригнуты к плечам (2 погребения). Иногда одна рука была вытянута, а другая на груди, тазу или в области живота. По своему положению выделялись три косячка. Это погребение 71, лежавшее в одной могиле с погребением 70. Скелет лежал на боку, головой на запад, а руки его на плече погребения 70 (рис. 3, 1). Погребения 6 и 7, принадлежавшие взрослому и ребенку, лежали на левом боку в скорченном положении головами на северо-запад и юго-запад. Руки их были согнуты и кистями прижаты к подбородку. Расстояние между этими погребениями 6 м. Погребение 7 было обложено камнями¹⁴.

Вещей при погребенных почти не было. В ряде случаев, когда вместе с ними были найдены отдельные изделия (пуговики, обломки бронзы и др.), не было уверенности в том, что они не попали сюда из культурного слоя посада X—XI вв. Поэтому мы отмечаем лишь те находки, которые, несомненно, являлись погребальным инвентарем. Таких погребений было всего шесть. Среди них найдено кольцо со спиральным завитком (рис. 1, 2) (погребение 98). Оно аналогично кольцам из курганного могильника и посада X—XI вв. К погребению 12 относилась серебряная округлая пряжка. К. В. Павлова находит ей аналогию в курганах бывшей Петербургской губ. и в Гнездове¹⁵. На черепе погребения 13 най-

дены квадратные тисненные бляшки. Они сделаны из серебра и покрыты позолотой и украшены рубчиками (рис. 1, 6—17). Такие бляшки в XII в. производились на новгородском детинце, о чем можно судить по находкам матриц для их теснения (рис. 1, 4, 5)¹⁶. У правого плеча погребения 15 встречена невыразительная бронзовая обоймочка, а на черепахе погребения 72 лежали обрывки ткани и плохо сохранившиеся бронзовые бляшки, а в области шейных позвонков — рассыпавшееся ожерелье из бисера. Бисер известен среди находок новгородского поселения главным образом до конца XI в. Отметим также два бронзовых височных кольца с заходящими концами, найденными на черепахе погребения 99. Такие украшения хорошо известны как в новгородских, так и в других русских древностях от X до XIII вв.¹⁷ В заключение отметим золотые нити, найденные у шейных позвонков погребения 100. Очевидно, это были остатки парчевой ткани.

Раннее кладбище на территории окольного города Новгорода не могло существовать длительное время. Оно возникает тогда, когда прекращается жизнь в постройках XI в. Об этом свидетельствуют погребения, прорезавшие постройку 36, которая по стратиграфическим данным относится к третьему строительному периоду в истории посада — окольного города Новгорода, датирующемуся второй половиной XI в. В то же время постройки, перекрывшие кладбище, по керамическому комплексу не выходят за пределы XII в. Таким образом, раннее кладбище служило жителям не более полустолетия, а именно в первой половине XII в. Этим объясняется то обстоятельство, что при плотности захоронений лишь в единичных случаях одно погребение перекрывало другое.

Кладбище на территории окольного города приходит на смену городскому курганному могильнику, о котором говорилось в начале настоящей работы. Преемственность с курганным погребальным обрядом можно отметить в том, что на кладбище, как и в курганах, были индивидуальные захоронения. Почти все немногочисленные парные погребения принадлежали женщинам, вероятно умершим вместе со своими детьми, и лишь в одном случае отмечено совместное захоронение двух взрослых людей. Сходно положение костяков в курганах и на кладбище. Что касается двух скелетов, лежавших в скорченном положении, то подобных погребений нет ни в новгородском курганном могильнике, ни в курганах, отдаленных от города. Неизвестны они и вообще в курганах дреговичей, к которым относятся курганы Новгорода и его околицы. В дреговичьих курганах лишь изредка были встречены сидячие погребения¹⁸. Что касается скелетов в скорченном положении, то, как нам любезно сообщил Е. А. Рябинин, подобное погребение со славянским инвентарем было встречено им в кургане дер. Бегуницы Волосовского района Ленинградской обл. Связь с курганным обрядом погребения проявляется, в частности, в обычае класть умершему его украшения и предметы убора, и, что особенно интересно, в костюме умершей горожанки продолжало бытовать височное кольцо со спиральным завитком. Такие кольца в XII в. на поселении уже не носили. Вместе с тем для кладбища на территории окольного города Новгорода характерен сформировавшийся христианский обряд. Однако если в курганном могильнике вблизи Новгорода хоронили всех горожан, то этого нельзя сказать про раннее кладбище на территории раннего города.

Примечательно, что это кладбище возникает в непосредственной близости от больших и богатых домов окольного города первой половины XII в., построенных на территории ранее неукрепленного посада. Эти дома, сосредоточенные на сравнительно ограниченной территории, составляли своеобразный богатый квартал этого древнерусского города¹⁹. Трудно себе представить, чтобы городская верхушка согласилась на существование общегородского кладбища вблизи своих домов. Такой погребальный памятник, который, вероятнее всего, возник рядом с храмом²⁰, был предназначен для узкого круга жителей богатого квартала.

Общезвестно, что новая религия внедрялась с трудом в языческую

среду и в городе, где до конца XI в. царило язычество, христианство в первую очередь распространяется среди социальных верхов, к которому принадлежали и жители новогрудского богатого квартала. Характерно, что предметы христианского культа первой половины XII в. найдены исключительно в богатых постройках. На раннем кладбище окольного городища Новогрудка могли быть погребены и жители детинца, где жил князь со своей семьей и его непосредственное окружение. Об этом можно судить по погребению 13, где были найдены бляшки, изготовленные княжеским ювелиром.

Кладбище первой половины XII в., открытое на территории окольного города Новогрудка, отражает, по нашему мнению, первый этап христианизации городского населения, охвативший лишь его социальные верхи. Пока неизвестно, где был и что представлял собой могильник массового новогрудского населения в XII в. На городском курганном могильнике открыт только один курган, который, судя по найденному в нем кресалу овальной формы, может датироваться XII в.²¹ Возможно, что курган этого времени был в могильнике не единственным.

Во второй половине XII в. территория, занятая кладбищем, вновь застраивается. Здесь возводятся не менее пяти построек, две из них, судя по строительным остаткам и инвентарю, относятся к категории богатых. Это время является периодом максимального расцвета окольного города, когда под дома отводятся земли, в недавнее время занятые могилами. Однако данный период длился недолго. С начала XIII в. застройка окольного города резко сокращается. Здесь насчитывается лишь три дома (вместо 15 во второй половине XII в.), которые гибнут в пожаре, что можно сопоставить с летописным свидетельством под 1274 г. сообщаемым, что рать волынского князя Льва Даниловича «взя окольный град» древнего Новогрудка²². Жизнь здесь замирает. Именно в это время здесь возникает второе, более позднее, христианское кладбище.

Это кладбище занимало небольшую территорию (около 150 кв. м) в южной части площадки окольного города. Здесь открыто 22 погребения, 6 из них прорезали постройку 32 (рис. 3, 2).

В 5 погребениях сохранились следы гробов. Все скелеты, за исключением одного, принадлежали детям. Единственный костяк взрослого человека лежал вплотную с двумя детскими костяками. Положение погребенных и их ориентация аналогичны тому, что было отмечено для раннего кладбища. От двух погребений (26 и 28) сохранились лишь черепа. Вещей при погребенных не было. Только на черепе и правой руке скелета взрослого человека имелись следы зелени от бронзы.

Позднее кладбище появилось на территории окольного города тогда, когда были разрушены его наиболее поздние постройки древне-русского периода, т. е. после 1274 г. Погребения были покрыты песком, отделявшим культурные слои древнерусской поры от слоев того времени, когда Новогрудок вошел в состав Литовского государства. Таким образом, позднее кладбище возникает здесь уже в конце 70-х годов XIII в. Небольшое по своим размерам и содержавшее почти исключительно детские погребения, оно могло появиться здесь в итоге какой-либо эпидемии среди городских детей.

Антропологическое исследование костяков обоих кладбищ показало, что они относились к одному и тому же поселению. По краниологическим данным новогрудские черепа имеют наибольшее сходство с черепами дреговичей и радимичей XI—XIII вв. Из горожан более близкой к новогрудской серии черепов оказалась смоленская серия, что, по предположению автора исследования И. И. Саливон, объясняется сходством антропологических особенностей серий черепов дреговичей, радимичей и кривичей — населения начала II тысячелетия н. э., за счет которого формировался антропологический состав западной ветви древнерусской народности²³.

Курганный могильник близ Новогрудка и раннее кладбище на территории его окольного города дают некоторое представление об эволю-

ции погребального обряда городского населения. Языческий погребальный обряд, господствовавший среди горожан вплоть до конца XI в., в первой половине XII в. сменяется христианским у привилегированной части жителей Новогрудка. Остается невыясненным, восприняло ли в это время массовое население новую религию и с нею новый обряд погребения. Что касается позднего детского кладбища, то его основание относится к концу существования древнерусского Новогрудка, когда христианство, безусловно, восторжествовало. Этим кладбищем новогрудцы пользовались кратковременно, что может быть объяснено необычайными обстоятельствами, о которых говорилось выше.

- ¹ *Гуревич Ф. Д.* Древности Белорусского Понеманья. Л., 1962, с. 97; *Павлова К. В.* Раскопки могильника близ Новогрудка.— КСИА, 1965, вып. 104, с. 99—105; *Гуревич Ф. Д., Павлова К. В.* Древний Новогрудок.— АО 1965 г., М., 1966, с. 165.
- ² *Гуревич Ф. Д.* Древности..., с. 179.
- ³ *Павлова К. В.* Раскопки..., с. 99—103.
- ⁴ *Павлова К. В.* Об одном типе височных колец из древнего Новогрудка.— КСИА, 1969, вып. 120, с. 120, 121.
- ⁵ *Павлова К. В.* Раскопки..., рис. 37, 2, 11; 38, 2.
- ⁶ *Гуревич Ф. Д.* Древности..., рис. 90, 3.
- ⁷ *Малевская М. В.* О датировке нижнего горизонта Новогрудка.— КСИА, 1965, вып. 104, с. 87, 89.
- ⁸ *Гуревич Ф. Д.* Древности..., с. 88, 1, 2.
- ⁹ *Каргер М. К.* Раскопки церкви Бориса и Глеба в Новогрудке.— КСИА, 1977, вып. 150, с. 79—84.
- ¹⁰ *Гуревич Ф. Д.* Дом боярина в древнерусском Новогрудке.— КСИА, 1964, вып. 99, с. 98, 99.
- ¹¹ *Павлова К. В.* Могильник на территории окольного города древнего Новогрудка.— КСИА, 1967, вып. 110, с. 38.
- ¹² *Павлова К. В.* Могильник..., с. 38.
- ¹³ *Павлова К. В.* Могильник..., с. 36.
- ¹⁴ *Павлова К. В.* Могильник..., рис. 10.
- ¹⁵ *Павлова К. В.* Могильник..., с. 36.
- ¹⁶ *Гуревич Ф. Д.* К истории культурных связей древнерусских городов Понеманья с Киевской землей (по материалам ювелирного ремесла).— В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 23.
- ¹⁷ *Левашева В. П.* Височные кольца.— Труды ГИМ. М., 1967, т. 43, с. 40.
- ¹⁸ Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1972, ч. II, с. 32.
- ¹⁹ *Гуревич Ф. Д.* Ремесленная корпорация древнерусского города по археологическим данным.— КСИА, 1972, вып. 129, с. 33.
- ²⁰ *Павлова К. В.* Могильник..., с. 39.
- ²¹ *Павлова К. В.* Раскопки..., с. 105.
- ²² ПСРЛ. М., 1962, т. II, стб. 873.
- ²³ *Саливон И. И., Тезако Л. И., Микулич А. А.* Очерки по антропологии Белоруссии. Минск, 1976, с. 30, 32.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Г. М. БУРОВ

ЛУКИ И ДЕРЕВЯННЫЕ СТРЕЛЫ

V—VI ВВ. Н. Э.

С ПОСЕЛЕНИЯ ВИС II В ПРИВЫЧЕГОДЬЕ

О луке, применявшемся племенами крайнего Европейского Северо-Востока в I тысячелетии н. э., до недавнего времени можно было судить только по изображению на бронзовой бляшке пермского звериного стиля из Подчеремского клада со Средней Печоры (рис. 3, 1) ¹ и костяным накладкам, найденным на соседних территориях ². Ручное же метательное оружие с сохранившейся деревянной частью (древком) ни в Северо-Восточной Европе, ни в Западной Сибири до сих пор не встречалось.

Поэтому исключительный научный интерес представляет богатая коллекция, собранная при раскопках торфяника в зоне долговременного поселения Вис II (Коми АССР) ³. В торфянике, куда попадали вещи с останца надпойменной террасы, на котором были расположены жилища ванвиздинской культуры, помимо огромного количества органических строительных остатков, найдены обломки глиняной посуды, костяные поделки, кремневые скребки и стеклянные бусы, а также свыше 220 изделий из дерева и бересты, в том числе луки и стрелы.

По керамике абсолютное большинство вещей относится к раннему этапу ванвиздинской культуры (V—VI вв. н. э.), незначительная часть материала имеет позднегладеновский возраст (первые века н. э.) ⁴.

Луки, представленные, как правило, обломками, делятся на простые (30 экз.) и сложные (42 пластины). Среди первых различаются изделия с сужением в средней части (рис. 1, 1, 3) и без него (рис. 1, 2). Концы оформлены по-разному. Наиболее распространены луки двух типов — с перехватом (рис. 1, 3; 2, 3) и с шипом, выделенным боковыми уступками (рис. 1, 1, 2). И *первый* и *второй* типы находят многочисленные параллели в памятниках различных эпох, начиная от неолита и кончая новым временем ⁵. Иногда встречаются изделия с выемкой изнутри или сбоку, с шипом и внутренним уступом или с заострением (тип 3). *Четвертый* тип имеет аналогию в памятниках X в. Северо-Западной Европы ⁶, *пятым* — близок таштыкскому луку из Оглахтов на Енисее ⁷, *шестой* — известен в разновременных древностях, от мезолита до средневековья и более поздней эпохи ⁸.

Сечение — овальное (рис. 1, 1), реже — прямоугольное (рис. 1, 2, 3) или сегментовидное при снятых ребрах (рис. 2, 3). Незавершенный экземпляр с перехватами на концах (рис. 1, 3) свидетельствует, что луки вытесывались из наиболее качественных слоев древесины, которые лежат между камбием и сердцевидной ствола, в отличие от мезолитических луков, сохраняющих со стороны спинки естественную поверхность ⁹. Конечно же, при этом требовалось тщательное выравнивание поверхности. Всегда применялась древесина хвойных пород, причем диагностический анализ, сделанный в двух случаях (рис. 1, 1), показал использование сосны ¹⁰. Ширина луков — 0,75—4 см, а в основном — не более 2,5 см.

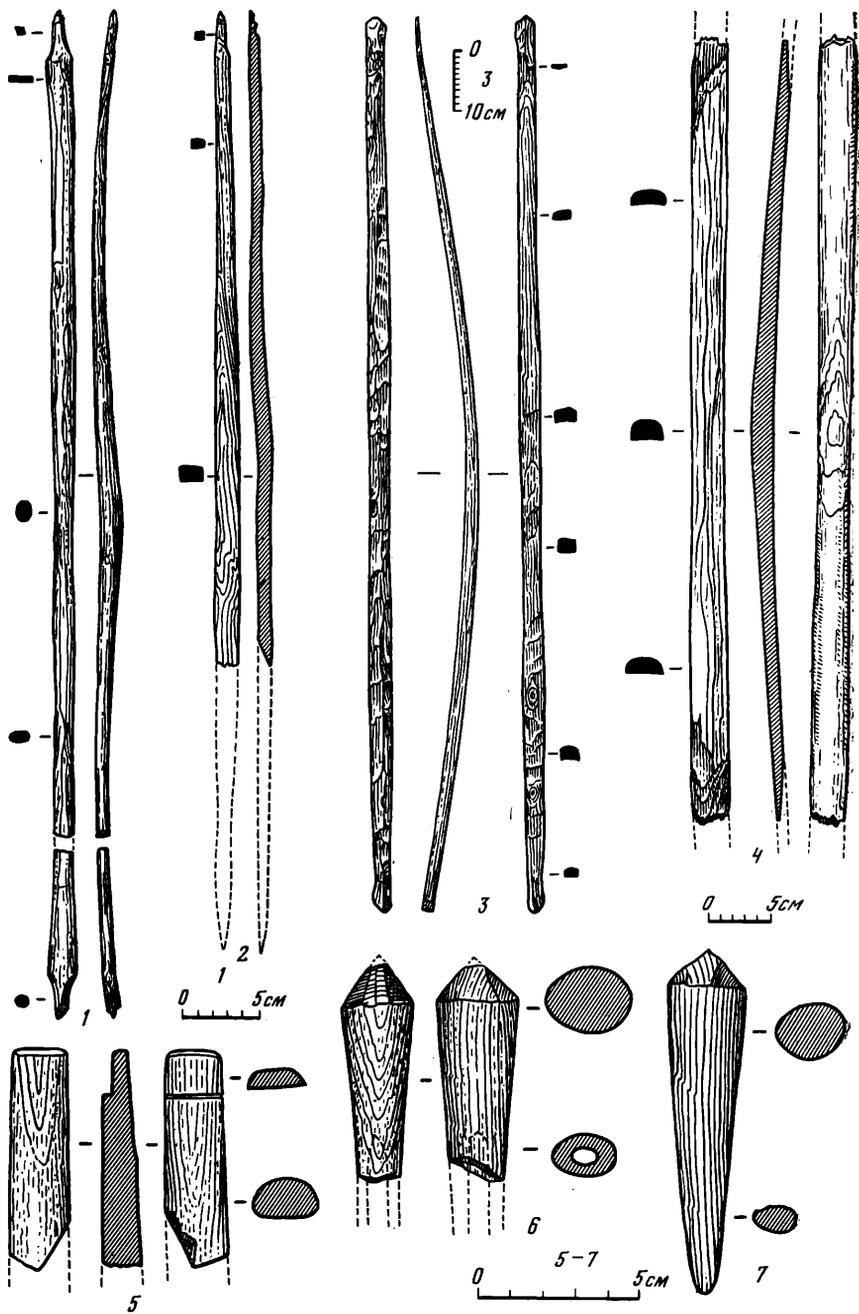

Рис. 1. Деревянные изделия с поселения Вис II

1-3 — простые луки; 4, 5 — пластины сложных луков; 6, 7 — наконечники стрел

Длина пяти хорошо сохранившихся готовых экземпляров — 52–74 см (рис. 1, 1, 2), а двух незаконченных — примерно 140 и 155 см (рис. 1, 3). Малые размеры некоторых предметов, причисляемых к простым лукам условно, позволяют предполагать, что они служили не для охотничьих целей, а для сверления, добывания огня или детской игры; отдельные экземпляры, может быть, даже являлись деталями циновок, верш и т. п.

Особенно интересны деревянные детали сложных луков, так как ископаемых изделий этой группы с сохранившейся деревянной основой обнаружено мало. Среди них — находки в гробницах Древнего Египта (Новое и Позднее царства)⁴¹, лук скифского типа из Трехбратнего кургана в

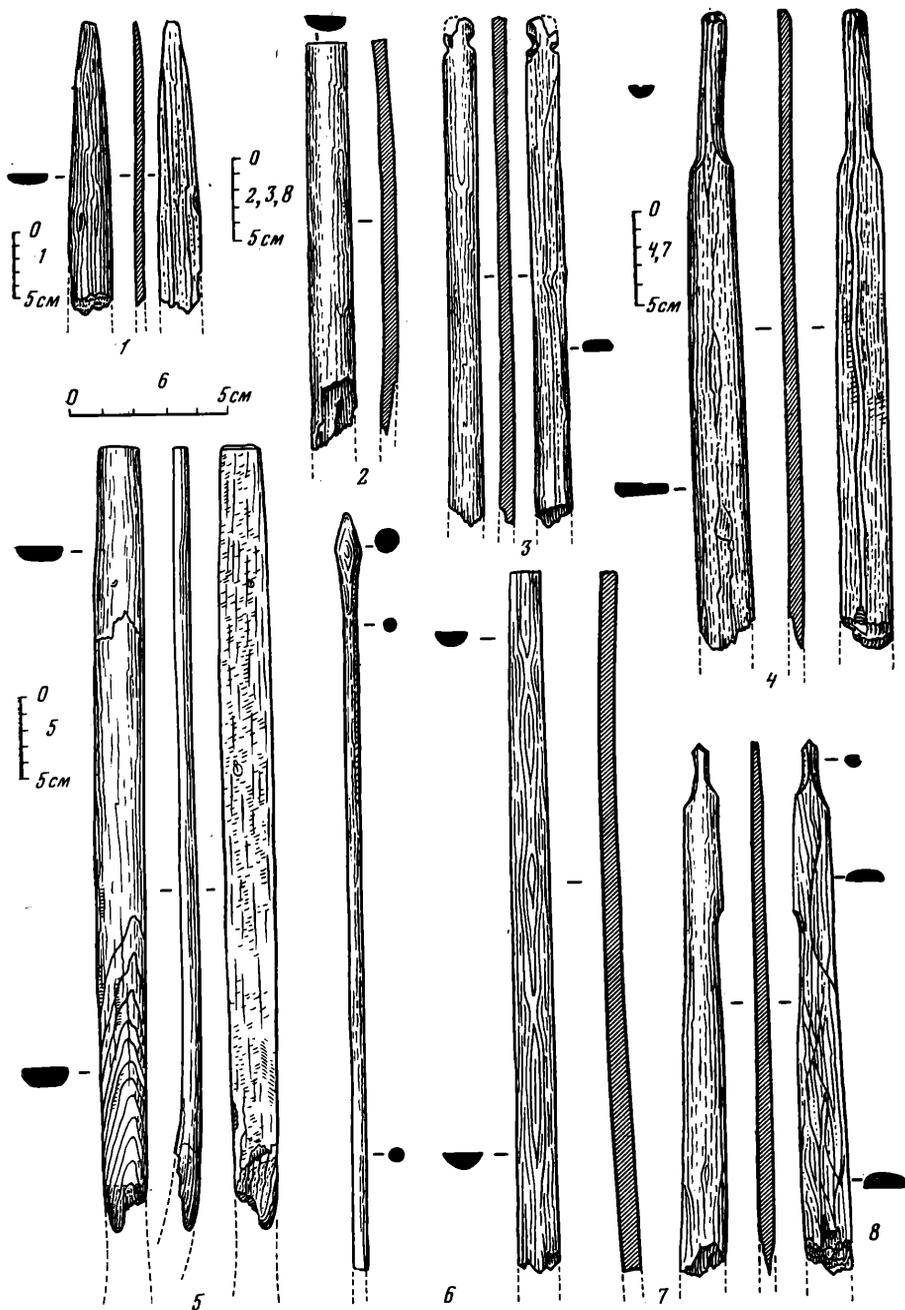

Рис. 2. Деревянные изделия с поселения Вис II

1, 2, 4, 5, 7, 8 — пластины сложных луков; 3 — простой лук; 6 — стрела

окрестностях Керчи (IV в. до н. э.)¹², хорезмийское оружие из Топрак-Калы (III—IV вв. н. э.)¹³ и древнерусское из Новгорода (XII и XIV вв.)¹⁴. Лучше известны сложные луки в этнографических коллекциях.

Найденные в Висе II предметы представляют собой скрепленные друг с другом ребристые пластины сегментовидного сечения. Изготавливались они из дранки с таким расчетом, чтобы выпуклая сторона пластины соответствовала наружной части древесины. Годовые слои обычно простираются вдоль плоской стороны и лишь иногда слегка скошены. Для прочности детали подвергались тщательной обработке: поверхность ста-

рательно выравнивали узкими продольными срезами, выскабливали ножом (о чем свидетельствуют участки мелкого рифления, связанного с вибрацией лезвия; рис. 1, 4, 5; 2, 4) и часто полировали с внешней стороны.

Плоская поверхность нередко особо подготавливалась для склеивания. Из 38 пластин, которые ее сохранили, 20 лишены специальной обработки (рис. 1, 5; 2, 2, 7), 10 имеют один продольный желобок (рис. 2, 4), четыре — пару (рис. 1, 4; 2, 1), одна — три. Кроме того, выявлена пластина с множеством продольных, прямых и кривых поперечных линий (рис. 2, 8). В одном случае вся плоская сторона покрыта косыми насечками (рис. 2, 5), в другом — поперечными, отмеченными также на двух изделиях с желобками (рис. 2, 1). Косые насечки обнаружены на всех поверхностях склеивания у лука из окрестностей Керчи, сочетаясь на внутренних сторонах внешних пластин с одиночными желобками. Три бороздки — у можжевелевой детали новгородского лука XII в. Средняя, утолщенная часть сохранилась у трех висских сложных луков, причем в двух случаях (рис. 1, 4; 2, 5) в этом месте прослеживается сужение.

Пластины делятся на несколько типов. Основной из них включает 14 изделий, плавно суживающихся к усеченным концам (торец слегка скошен внутрь; рис. 2, 2, 5, 6). Две другие усеченные полосы, из которых, по крайней мере, одна — с уступом изнутри (рис. 1, 5), снабжены коротким концевым срезом на выпуклой стороне. 17-й экз. — тоже с усеченным, но очень узким концом, от которого идет резкое расширение (рис. 2, 1). Как показывают незаконченные пластины, торец оформлялся с помощью ножа путем постепенного срезания небольших кусочков дерева. Второе место принадлежит 7 экз. с шипом и боковыми уступами (рис. 2, 4, 8). В 18 случаях тип не выяснен (рис. 1, 4). Большинство усеченных изделий имеет полукруглое сечение (рис. 1, 5; 2, 2, 7), остальные пластины (половина общего количества) — уплощены (рис. 1, 4; 2, 1, 4, 5, 8).

Все пластины, кроме одной (с уступом изнутри), сделаны из хвойной древесины. Во всех восьми случаях, когда производились определения, отмечена сосна (рис. 2, 4, 5). Дерево лиственных пород, из которого вырезана одна из половинок новгородского лука XII в., на изготовление висских изделий обычно не шло. Второе отличие — нет никаких признаков обматывания берестой. Однако при выделке лука мог применяться иной материал, животного происхождения, не сохраняющийся в условиях Висских торфяников. Это кожа, использованная при изготовлении комизрянского лука¹⁵. Полностью распались и не найдены также сухожилия, усиливавшие спинку, и клей. Ни разу не сохранилась тетива, которая, следовательно, вырабатывалась из сухожилий или ремня, а не из растительных материалов, служащих иногда для подобных целей¹⁶.

На многих пластинах встречены следы обжига (рис. 2, 5), которому они, вероятно, подвергались при нагревании над костром. Последнее было необходимо для придания древесине некоторой пластичности при монтаже лука и, может быть, для обезвоживания. Известно, что эвенки высушивали дерево, шедшее на лук, в течение двух лет¹⁷. На одном изделии со следами воздействия огня прослежены две необожженные скошенные полосы — следы винтообразной обмотки для защиты от влаги. Огонь использовался также при выделке сложных древнеегипетских¹⁸ и эскимосских¹⁹ луков.

Ширина пластин 1—4 см, но чаще всего — 1,75—3 см, т. е. они в целом крупнее, чем простые луки. Длина экземпляров с усеченными концами, измеренная в двух случаях, 102 (рис. 2, 5) и 106 см. Отсутствие очень мелких изделий показывает, что сложные луки в отличие от простых были только таких размеров, какие позволяли применять их на охоте. Это соответствует этнографическим наблюдениям: у хантов, эвенков, нанайцев, айнов и нивхов лук взрослых был сложным, а дети пользовались простым²⁰.

Восстанавливая висские сложные луки, необходимо использовать сравнительный материал. Египетские и хорезмийские изделия включали по несколько деревянных полос, керченское — две пластины сегментовидного разреза, между которыми была вклеена тонкая полоса, новгородский лук XII в. — лишь две аналогичные пластины. Из дерева двух пород, обычно хвойной и лиственной, склеивались луки у коми, манси, ненцев, иганасанов, эвенков, кетов и других сибирских народов²¹. Отсутствие в торфянике пластин с двумя поверхностями, предназначенными для склеивания, позволяет считать, что сложный висский лук состоял только из двух деревянных сегментовидных пластин, сложенных друг с другом плоскими сторонами, имея круглое, овальное или подпрямоугольное сечение, т. е. что он аналогичен новгородскому, к которому близок территориально и хронологически. Сближает висский лук с новгородским и то, что большинство его пластин снабжено торцами. Поэтому реконструкцию висских сложных луков можно дать с привлечением новгородских параллелей, поставив предварительно вопрос о том, характеризуют ли два основных типа пластин единый тип луков или два.

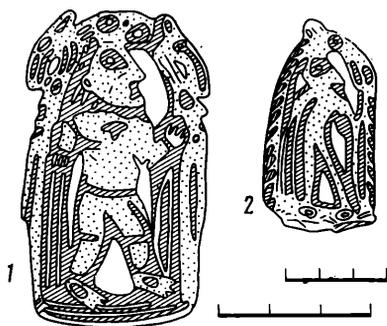
У лука XII в. из Новгорода одна пластина, имевшая усеченные концы, была можжевельная, а другая, с обломанными концами, — из березы. По предположению А. Ф. Медведева, она по форме не отличалась от первой, но слегка уступала ей по длине. В момент находки березовая планка была несколько уже (2,3—2,7 см) и тоньше (0,6—0,7 см), чем сделанная из можжевельника (2,7—3,4 и 5—9,5 см), причем берестяная обмотка оказалась хорошо приклеенной к первой, а между обмоткой и березовой полосой прослеживался зазор. Это дало основание исследователю рассматривать березовую пластину в качестве внешней, обложенной сухожилиями, не сохранившимися в культурном слое. Спаренные деревянные полосы, как считает А. Ф. Медведев, были дополнены специальными концами, имевшими вырезы для тетивы и два уступа, которые прилегали к торцам этих полос. Крепились концы с помощью особых костяных накладок с вырезом для тетивы, нередко встречаемых в средневековых захоронениях Восточной Европы²².

Исходя из этой реконструкции, мы должны допускать, что в торфянике представлены луковые древки двух основных типов — с усеченными, слабо суженными концами и с шипами для надевания тетивы, из которых второй не нуждался в концевых деталях и, вероятно, был лишен сухожилий, служащих для усиления упругости. Если же они употреблялись, то, скорее всего, в виде шнура, привязанного к шипам, как это мы видим у американских индейцев племени Ат²³. Не исключено, что использованием шнура объясняется уплощенность всех шипастых пластин, облегчающая его фиксацию без применения клея.

Иное дело — деревянные основы с усеченными концами. В зазоре между торцами пластин и примыкающего конца, а также в щели между самими пластинами могли быть зажаты и закреплены рыбьим или оленьим клеем концы сухожилий, придававшие луку рефлексирующую способность — свойство принимать С-образную форму при снятой тетиве. Только в этом мы видим техническую целесообразность усеченных полос, использование которых усложняло изготовление лука. Не случайно торец всегда скошен внутрь и снабжен ребром. Такая особенность, отмечаемая и у новгородского лука XII в., облегчала крепление сухожилий. В пользу того, что на поселении Вис II бытовали сложные луки двух основных типов, может свидетельствовать и резкое преобладание пластин с усеченными концами над теми, которые имеют шипы.

Реконструкция А. Ф. Медведева, таким образом, вполне подходит к большинству висских сложных луков, хотя не были обнаружены ни деревянные концы, полагающиеся к усеченной основе, ни костяные накладки. Это обстоятельство объяснимо тем, что при поломке оружия накладные детали не повреждались и могли сниматься для использования в составе нового изделия.

Если же предположить, что основой сложного лука служили склеенные друг с другом шипастая и усеченная пластины, то мы неизбежно должны признать существование особых деревянных или костяных концов, составлявших вместе с усеченной полосой такую конструкцию, которая по форме и величине была аналогична шипастой пластине. Подобных концов из дерева не найдено, и против их существования свидетельствует массовое количество сломанных пластин, вполне пригодных для быстрого изготовления деталей с шипом, но выброшенных в древнюю старицу: утилизации обычно подвергались только слабо поврежденные, длинные, изделия, шедшие на выделку более мелких пластин и простых

**Рис. 3. Бронзовые культовые
бляшки с изображениями лука и
стрел (бассейн Печоры)**

1 — Подчеремский клад (по В. А. Городцову); 2 — поселение Шиховское I (по В. И. Канивцу)

луков (встречены неудавшиеся экземпляры). Костяные поделки той формы и размеров, которыми должны обладать шипастые концы, не известные в торфянике, обнаружены в Новгороде и Киевской обл. (курганы 250 у с. Цезаровка и 366 у с. Зеленка, XII—XIII вв.) в комплексе с боковыми накладками без выреза для тетивы²⁴. Но поскольку новгородские находки, как хорошо показано А. Ф. Медведевым, составляют обкладку луковой рукояти, соответствуя ей и друг другу как по очертаниям, так и по размещению штриховки (обозначающей зону обклейки), использование усеченной и шипастой пластин в паре маловероятно.

Для луков с уступами на внутренней стороне полос требовались специальные концы, подогнанные к уступчатому торцу. Усеченным же пластинам, резко суженным к торцам, ни дополнительные концы, ни боковые накладки из кости, вероятно, не требовались, поскольку петля тетивы легко фиксировалась и без этого.

Висские находки убедительно свидетельствуют, что в эпоху великого переселения народов на Европейском Северо-Востоке наряду с простым получил распространение сложный лук, близкий древнерусскому. Происхождение последнего, равно как и ручного метательного оружия римлян и гуннов, германских и угорских племен, Франкского государства и Византии, связывается со скифским луком²⁵, который, по-видимому, лег и в основу ванвиздинского оружия.

Пластин найдено значительно больше, чем простых луков. Все же, если учесть, что среди вторых были вещи непромыслового назначения (по крайней мере, шесть изделий не шире 1 см), а на изготовление одного сложного лука шли две пластины, трудно говорить о преобладании среди ванвиздинского метательного оружия той или другой группы.

Возвращаясь к бляшке из Подчеремского клада, отметим, что на ней показан лук D-образной формы, с утолщенной внутрь рукоятью, простой или сложный, но, как у сибирских народов, без сухожилий: рефлексирующий лук должен иметь M-образный силуэт. Изображение звериного стилия, близкое подчеремскому, но несколько упрощенное, недавно обнаружено близ устья Ижмы, на поселении Шиховское I (рис. 3, 2)²⁶. В обоих случаях представлено человекообразное существо, движущееся вправо; впереди, у ноги, стоит лук, позади — две стрелы. Кажется, тот же мотив использован на бронзовой бляшке из Пешковского клада в Прикамье²⁷.

Деревянными деталями характеризуются также стрелы, от которых в Висе II сохранились многочисленные костяные наконечники. Выделяется цельнодеревянная сосновая стрела с биконической головкой диаметром 0,8 и длиной 2,3 см (рис. 2, б). Совершенно аналогичная стрела обнаружена в склепе 8 Уйбатского чаатаса I—II вв. н. э. (таштыкская культура)²⁸. Точно такие же стрелы, известные в этнографических материалах, например у обских угров, ненцев и кетов), предназначались для охоты на белку, шкурка которой не должна быть повреждена, а иногда для состязаний или для детской игры²⁹. Стрелы подобной формы коми-охотник для увеличения массы оснащал костяной вставкой³⁰.

Кроме того, найдены три биконических наконечника с короткой передней и длинной задней частями, два с плоским черешком (рис. 1, 7) и один с втулкой овального сечения (рис. 1, б); один черешковый наконечник — из лиственной древесины (рис. 1, 7), остальные — из хвойной. Втулкам соответствуют два заостренных древка диаметром 0,8—2 см, вырезанных из лучин. Древками же являются, видимо, четыре другие лучинные палочки, у которых обломаны оба конца, в поперечнике 0,5—1,6 см. Применялась древесина хвойных пород, способная, подобно осиновой древесине, хорошо раскалываться на лучины³¹. Кроме того, имеются три биконические головки из лиственного дерева, в которых можно усматривать наконечники описанных типов (в двух случаях — с черешком, в одном — с черешком или втулкой) либо обломки цельных стрел. Поперечник всех шести головок — в пределах 1—2,5 см.

Луки и стрелы составляют примерно 40% от общего количества деревянных вещей, найденных на поселении Вис II, и красноречиво говорят о большой роли охоты в хозяйстве ванвиздинского этноса, что хорошо согласуется с составом остеологического материала³².

¹ *Городцов В. А.* Подчеремский клад.— СА, 1937, II, табл. I, 3.

² *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв.— САИ, 1966, вып. Е1-36, приложение 1.

³ *Буров Г. М.* Древний Синдор. М., 1967. (Доклад о луках и деревянных стрелах прочитан 15 декабря 1977 г. на заседании сектора славяно-русской археологии Института археологии АН СССР).

⁴ *Буров Г. М.* Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды.— СА, 1966, № 1, с. 165—173; *Он же.* Результаты раскопок Висских торфяников в 1963—1964 гг.— Ученые записки Пермского гос. университета, 1968, № 191, с. 202—209; *Он же.* В гостях у далеких предков. Сыктывкар, 1968, с. 62—69.

⁵ *Collins H. B.* Archeology of St. Lawrence Island, Alaska. City of Washington, 1937, pl. 26, 27; *Clark J. G. D.* Neolithic Bows from Somerset, England, and the Prehistory of Archery in North-Western Europe.— Proceedings of the Prehistoric Society, 1963, XXIX, fig. 3, 4, 7; 7, 10; 8; 9, 17, 24; 10; 12, 14; 21, 1; pl. VIII, B; *Раушенбах В. М.* Новые находки на Четырехстоловом острове.— Труды ГИМ, 1969, вып. XXXV, табл. IV, 4.

⁶ *Clark J. G. D.* Neolithic..., Fig. 21, 5.

⁷ *Tallgren A. M.* The South Siberian Cemetery of Oglakhty from Hun Period.— ESA, 1937, XI, fig. 21; *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири.— МИА, 1949, № 9, с. 224; собрание ГИМ: № 43931.

⁸ Индейцы Америки.— Труды Института этнографии, 1955, т. XXV, рис. 56, 1, 2; *Clark J. G. D.* Neolithic..., pl. VI, 1; *Буров Г. М.* Археологические культуры Севера европейской части СССР (Северодвинский край). Ульяновск, 1974, с. 58, рис. 29, 1.

⁹ *Буров Г. М.* Археологические находки..., с. 159.

¹⁰ Анализ выполнен В. Е. Вихровым и Е. Г. Мельниковым (Белорусский технологический институт им. С. М. Кирова). В тех случаях, когда определения с использованием микроскопа не производились, хорошо сохраняющаяся хвойная древесина из торфяника легко отличалась от мягкой лиственной.

¹¹ *Bulanda E.* Bogen und Pfeil bei den Völkern des Altertums.— Abhandlungen des Archäologisch-epigraphischen Seminars der Universität Wien. 1913, XV (neue Folge, II), S. 20, 21; *Медведев А. Ф.* Из истории сложного лука.— КСИА, 1964, вып. 102, с. 3—5.

¹² *Бессонова С. С.* Погребение IV в. до н. э. из Трехбратнего кургана.— В кн.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 247, рис. 6, 1, 2.

¹³ *Толстов С. П.* Хорезмийская археологическая экспедиция.— Труды Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции, 1952, т. 1, с. 35, рис. 22.

¹⁴ *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого.— МИА, 1959, № 65, с. 138—144, рис. 9, 2—4; *Он же.* Ручное метательное оружие..., с. 10—12, табл. I, 1—6.

¹⁵ *Беллицер В. Н.* Очерки по этнографии народов коми.— Труды Института этнографии, 1958, т. XLV, с. 76.

- ¹⁶ *Василевич Г. М.* Эвенки. Л., 1969, с. 63.
¹⁷ *Василевич Г. М.* Эвенки..., с. 62.
¹⁸ *Bonnet H.* Die Waffen der Völker des alten Orient. Leipzig, 1926, S. 133.
¹⁹ *Анучин Д. Н.* О древнем луке и стрелах.— Труды V АС. М., 1887, с. 351.
²⁰ *Адлер Б.* Лук и стрелы Северной Азии.— Русский антропологический журнал, 1903, № 1, с. 189.
²¹ *Белицер В. Н.* Очерки по этнографии..., с. 76; *Анучин Д. Н.* О древнем луке..., с. 351; *Хомич Л. В.* Ненцы. М.; Л., 1966, с. 71, 72; *Попов А. А.* Нганасаны.— Труды Института этнографии, 1948, т. III, с. 20—22, рис. 2, а; *Василевич Г. М.* Эвенки..., с. 62; *Алексеев Е. А.* Кеты. Л., 1967, с. 54.
²² *Медведев А. Ф.* Лук и стрелы..., приложение 1, табл. 2, 1—7; 4, 10—12; 5, 1—9.
²³ *Анучин Д. Н.* О древнем луке..., рис. 10, а.
²⁴ *Медведев А. Ф.* Лук и стрелы..., приложение 1, табл. 3, 10; 6, 10—12.
²⁵ *Козуб Ю. И.* Модель лука из Ольвии.— В кн.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 271.
²⁶ *Канивец В. И.* Отчет о работах 1 Печорского археологического отряда в 1971 г.— Архив ИА: Р-1, 4447, 4447а, рис. 56, 3.
²⁷ *Спицын А. А.* Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых.— МАР, 1902, № 26, табл. XXXVII, 36.
²⁸ *Кыласов Л. Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М., 1960, с. 128, 129, табл. 4, 105.
²⁹ *Clark G.* Fowling in Prehistoric Europe.— Antiquity, 1948, 87, Fig. 1, 4; *Чернецов В. Н.* Быт хантов и манси по рисункам XIX в.— Сб. МАЭ, 1949, т. X, рис. 25; *Хомич Л. В.* Ненцы..., с. 72, рис. 3, а; *Алексеев Е. А.* Кеты..., с. 54, рис. 4.
³⁰ Дер. Вылиб Storожевского района Коми АССР (собрание Коми республиканского краеведческого музея, инв. № 943).
³¹ *Куксов В. А., Куксов Ю. В.* Древесиноведение для столяров и плотников. М., 1967, с. 74, 75.
³² *Бузов Г. М.* Древний Синдор, с. 154—160.

О. А. ЩЕГЛОВА, И. А. БАЖАН

ПОСЕЛЕНИЯ КУРОЧКИН-3 И КАРТАМЫШЕВО-3 НА ВЕРХНЕМ ПСЛЕ

В последнее время новые памятники, характеризующие археологическую культуру второй половины I тысячелетия н. э., в частности древности V—VII вв., в большом количестве открыты на лесостепном побережье Днепра, в том числе в верхнем течении Псла¹ и Курском Посеймье². К ним относятся и исследованные в 1980 г. два селища — Курочкин-3 в Беловском районе и Картамышево-3 в Обоянском районе Курской области³.

Поселение Курочкин-3 находится в 350 м к югу от хутора Курочкин близ с. Гочевы. Оно расположено на первой пойменной террасе (высота — 1,5—2 м) левого берега Псла, на песчаных дюнах. В настоящее время терраса занята лесопосадками, а в начале XX в. здесь находился Гочевский хутор, остатки сооружений которого во многих местах нарушили древний культурный слой. Селище вытянуто вдоль берега Псла полосой в 150—200 м при ширине 35—50 м. Общая площадь селища составляет 600 кв. м.

В культурном слое поселения толщиной 0,9—1,1 м выделяются отложения двух эпох: неолита⁴ и V—IX вв., причем слой эпохи неолита отделен от позднейшего прослойкой чистого песка толщиной до 0,1 м, которая прослеживается не на всей раскопанной площади. Мощность слоя второй половины I тысячелетия — 0,5—0,7 м. Это серый гумусированный песок, в котором встречаются кости животных и фрагменты глиняных сосудов. Здесь также была обнаружена небольшая (длиной 7,5 см) двузубая острога (рис. 1, 8) древнерусского времени⁵.

На поселении открыты остатки двух квадратных углубленных в землю построек (рис. 1, 1—4). Заполнение котлованов построек — темно-серый сильно гумусированный песок, содержащий обломки керамики и немногочисленные вещи.

Постройка 1 площадью 4,5×5 м опущена на 0,3—0,5 м ниже древней поверхности. В северном и западном углах ее обнаружены две овальные

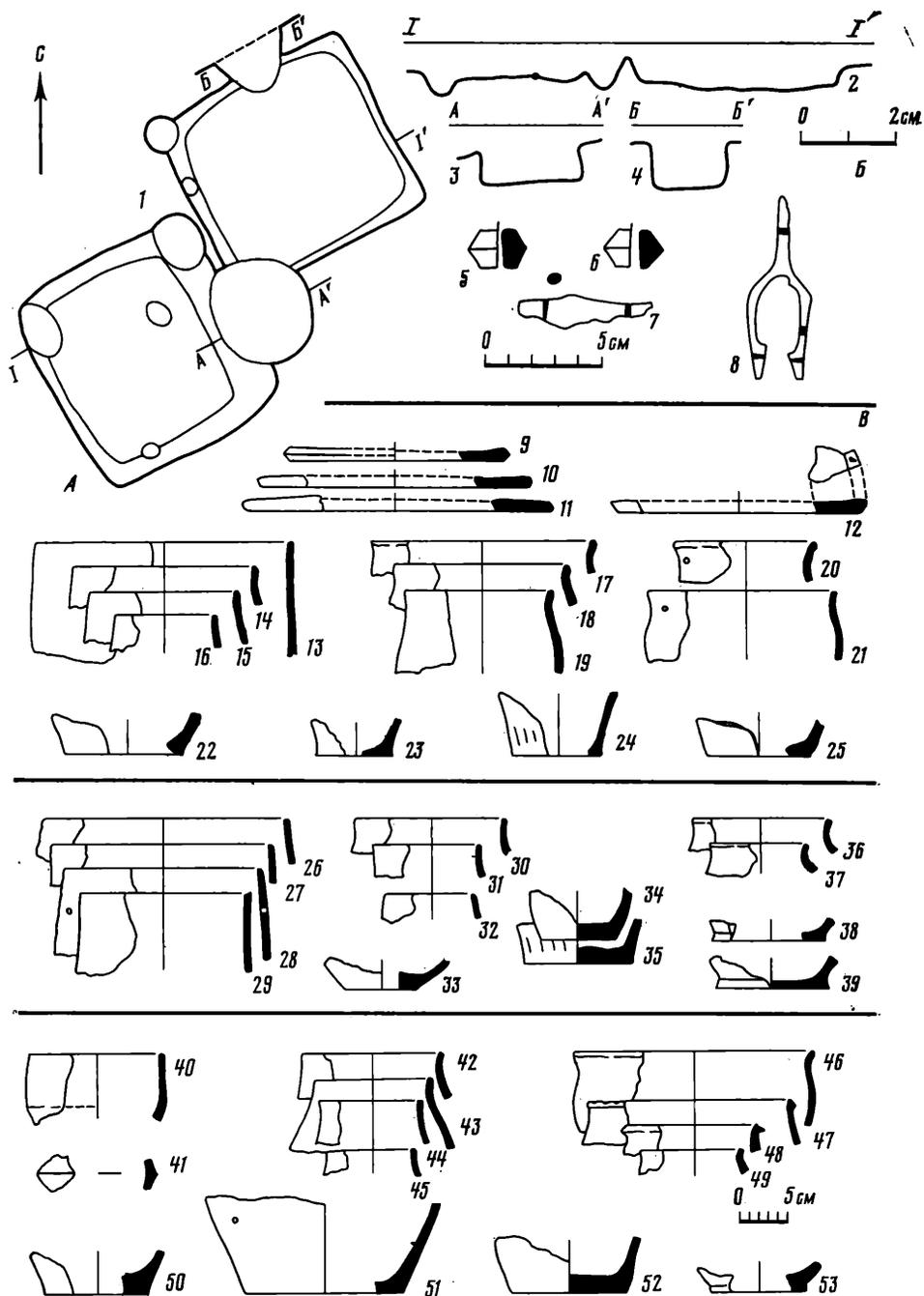

Рис. 1. Поселение Курочки 3

1—4 — план и разрезы построек и ям; 5, 9—25 — из постройки 1; 6, 7, 26—39 — из постройки 2; 8, 40—53 — из культурного слоя

ямы площадью $1,2 \times 0,7$ и $1,2 \times 1$ м, глубиной 0,3 м от пола постройки. В полу постройки, несколько севернее центра, находилась круглая столбовая ямка диаметром 0,4 м, глубиной 0,2 м. Вторая столбовая ямка расположена у южной стенки жилища. Ее диаметр 0,3 м, глубина — 0,3 м. Следов очага выявлено не было. В заполнении постройки найдено биконическое глиняное пряслице (рис. 1, 5) и 29 фрагментов лепной посуды.

Постройка 2 расположена рядом с первой в 0,2 м от северо-восточного края ее. Размеры постройки 4,1×4,4 м, глубина котлована — 0,4—0,6 м от древней поверхности. Так же как и в постройке 1, в западном углу находилась округлая яма диаметром 0,7 м, глубина 0,25 м от пола. Еще одна ямка, по-видимому, столбовая, расположена у юго-западной стенки постройки. Ее диаметр 0,3 м, глубина — 0,2 м. Остатков очага выявить не удалось. В заполнении постройки 2 обнаружены железный нож (рис. 1, 7), одно целое (рис. 1, 6) и два фрагментированных глиняных биконических пряслица и 34 керамических фрагмента.

Постройки по размерам, плану, конструктивным особенностям и находкам сходны с жилищами середины и третьей четверти I тысячелетия н. э., распространенными в Подесенье⁶, и определяются как жилые, несмотря на то, что в них не выявлено отопительных сооружений.

Керамика из построек представлена фрагментами лепных сосудов, сделанных из теста с примесью крупного шамота и кварцевого песка. Она имеет бугристую поверхность, на которой иногда улавливаются следы заглаживания, обычно вертикального. Особенно заметно заглаживание на фрагментах днищ сосудов (рис. 1, 24, 37). В заполнении построек преобладают фрагменты сосудов с цилиндрической или усеченно-конической верхней частью тулова, иногда с чуть намеченным венчиком. В культурном слое обнаружены фрагменты цилиндрических и биконических сосудов. Такая керамика характерна для древностей колочинского типа и широко представлена на памятниках Подесенья: в Ульяновке⁷, Посудичах⁸, Заярье⁹, Смольяни¹⁰ и в материалах селища Курган Азак на Пеле¹¹. В постройках также встречены венчики сосудов (рис. 1, 17, 18, 30), находящие аналогии среди корчакских (вариант 4 и 5 по И. П. Русановой)¹². Кроме того, обнаружены фрагменты небольших округлобочных сосудов с наибольшим расширением в средней части тулова и слабо отогнутым венчиком, подобных найденным в Ульяновке¹³, Лавриковом Лесу¹⁴, Заярье¹⁵ и др. В постройках найдены еще фрагменты керамических дисков, единичные из которых имеют едва намеченные бортики с насечкой (рис. 1, 9—12).

Керамический комплекс построек находит близкие соответствия в материалах раннеколочинских поселений V в. — Ульяновка, Заярье, Сенча¹⁶, Курган Азак. Однако в Курочкине-3 не встречены обломки черняховской гончарной посуды, присутствующие, хоть и в малом количестве, на этих памятниках. В то же время керамика построек Курочкина-3 представляется несколько более ранней, чем материалы наиболее близкого территориально и хорошо датированного памятника VI—VII вв. Лебязье I, поскольку имеет аналогии лишь среди сосудов второго, более раннего, типа (по Ю. А. Липкингу)¹⁷. Таким образом, с наибольшей вероятностью комплексы жилищ Курочкина-3 можно датировать второй половиной V—VI вв. Постройки 1 и 2 существовали одновременно, о чем свидетельствует их расположение, но большого разрыва во времени их существования, судя по керамике, не было.

Юго-западный угол постройки 2 и восточная стенка постройки 1 были нарушены округлой ямой А диаметром 2,3 м и глубиной 0,7 м. Вторая подобная яма Б диаметром 1,7 м и глубиной 0,85 м перерезала северную стенку постройки 2 и частично уходила за границы раскопа. С этими ямами связывается находка трех небольших фрагментов гончарных сосудов темно-коричневого цвета, с примесью блестящего песка в тесте, сформованных на песчаной подсыпке и имеющих следы вертикального лощения у дна. Эти фрагменты принадлежат сосудам вольтынецкого типа VIII—IX вв. В культурном слое поселения наряду с керамикой, идентичной найденной в заполнении жилищ, встречены единичные фрагменты сосудов, которые по профилировке и орнаментации находят аналогии в древностях вольтынецкого и роменского типов. Эти находки позволяют говорить о существовании здесь селища и в VIII—IX вв.

Поселение Картамышево-3 находится на правом берегу Псла, к югу от с. Картамышево и к востоку от поселения Картамышево-2¹⁸. Оно

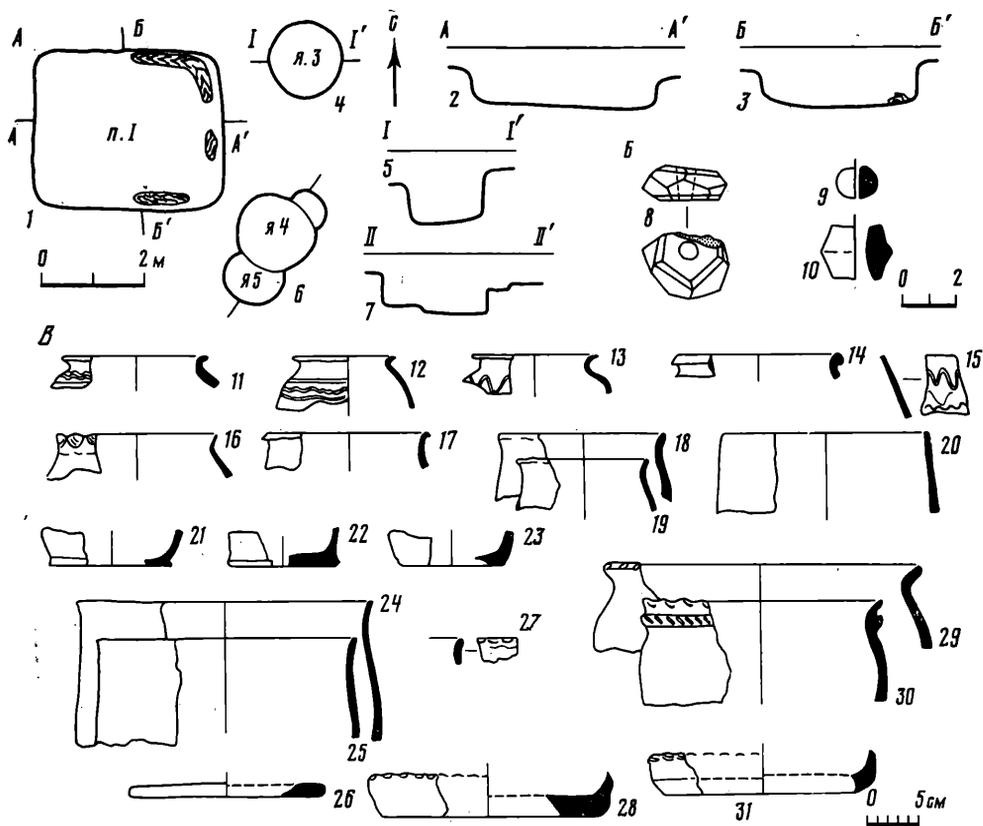

Рис. 2. Поселение Картамышево 3

1—3 — план и разрезы постройки 1; 4, 5 — яма 3; 6, 7 — яма 4; 8—13, 16—23 — из культурного слоя; 14, 15 — из ямы 2; 24—28 — из ямы 5; 27 — из ямы 4; 28 — из ямы 1; 29—31 — из постройки 1

8 — горный хрусталь; 9, 10 — глина; 11—15 — гончарная керамика; 16—31 — лепная керамика

располагалось на песчаной дюне первой пойменной террасы на высоте 1—1,5 м от уровня воды. Поселение протянулось вдоль реки с севера на юг полосой длиной 100—120 м, шириной от 20 до 40 м. Общая площадь составляет приблизительно 300 кв. м. Слой мощностью от 0,2 до 0,5 м состоит из гумусированного светло-серого песка и содержит культурные остатки трех периодов: колочинской культуры VI—VII вв., роменской VIII—X вв. и древнерусского времени. Стратиграфически слой не расчленяется. На поселении открыты постройка и пять хозяйственных ям, из которых происходит немногочисленный, но выразительный керамический материал.

Наиболее ранний материал представлен находками из культурного слоя и хозяйственной ямы 5. Яма 5 округлая, диаметром 1,2 м, глубиной 0,6 м, перерезана более поздней. Из нее происходят фрагменты дисковидной сковородки и двух больших открытых тюльпановидных сосудов (рис. 2, 24—26). К этому же культурному горизонту следует отнести фрагменты сосуда с цилиндрической верхней частью (рис. 2, 20) и двух слабопрофилированных, приближающихся к тюльпановидным (рис. 2, 25). Этот комплекс, без сомнения, определяется как колочинский. С ним, очевидно, надо связать крупную многогранную бусину из горного хрустала (рис. 2, 8). Она имеет аналогии в могильнике Суук-Су, где подобные бусы были обнаружены в богатых погребениях 46 и 86 нижнего слоя¹⁹. Погребение 46 датируется второй половиной VI в., погребение 86 — второй половиной VII в.²⁰ Подобные бусы встречаются и в Цебельде, которые датируются второй половиной VI в. и считаются продуктом

местного производства²¹. На основании многогранной хрустальной бусины и типологии керамики колочинский горизонт Картамышева-1 следует отнести ко второй половине VI—VII вв.

Керамика роменского времени, представленная фрагментами крупных сосудов с пальцевидными вдавлениями по венчику и сковородок с высоким бортиком, происходит из культурного слоя (рис. 2, 16, 17), ямы 1 (рис. 2, 28), ямы 4 (рис. 2, 27) и постройки 1 (рис. 2, 29—31).

Постройка 1, небольшое прямоугольное углубленное в землю на 0,5—0,8 м от уровня древней поверхности сооружение, была ориентирована по сторонам света (рис. 2, 1—3). Размеры ее — 3,7×3,0 м, следов печи не обнаружено. В восточной ее части вдоль стен на полу прослеживались следы древесного тлена. Близ постройки расчищены две хозяйственные ямы: 4-я — диаметром 1,5 м и глубиной 0,75 м перерезала более раннюю хозяйственную яму 5. Яма 3 имела диаметр 1,3 м, глубину 0,8 м и не содержала культурных остатков. Яма 1 диаметром 1,1 м и глубиной 0,9 м расположена поодаль.

Помимо фрагментов роменской керамики, в постройке 1 обнаружен фрагмент венчика лепного сосуда, украшенного одновременно и пальцевыми вдавлениями по краю, и валиком с насечками под венчиком. Традиция украшать сосуды валиками известна среди культур третьей четверти I тысячелетия н. э.: в Колочине²² и памятниках колочинского типа²³, в Корчаке²⁴ и Хотомеле²⁵, однако валиком украшались сосуды с невыраженным и неорнаментированным венчиком. Сочетание орнамента отогнутого венчика с валиком под ним встречено на одном из сосудов городища Новотроицкого²⁶, но его венчик был украшен штампом, а не пальцевыми вдавлениями.

К роменскому времени относятся, по всей видимости, круглая глиняная бусина (рис. 2, 9), имеющая аналогии в материалах Опошны²⁷, и биконическое глиняное пряслице (рис. 2, 10), происходящее из культурного слоя.

Самый поздний период существования поселения представлен фрагментами гончарных сосудов с волнистым и линейным орнаментом, найденными в культурном слое (рис. 2, 11—13) и в яме (рис. 2, 14, 15). Последняя яма, расположенная вдалеке от постройки 1, имела диаметр 1,6 м и глубину 1,1 м. Гончарная посуда из слоя и ямы изготовлена из хорошо промешанной глины с примесью мелкого песка и была тонкостенна. Подобная керамика известна в древнерусских слоях Полтавы²⁸, Сенчи²⁹, Воиня³⁰ и других памятников X—XIII вв. на Левобережье.

Поселения Курочкин-3 и Картамышево-3 во многом сходны. Смена древностей колочинского типа роменской культурой, прослеживаемая на обоих памятниках, очевидно, отражает закономерности культурного процесса, протекавшего в бассейне верхнего Псла во второй половине I тысячелетия и завершившегося сложением культуры Древнерусского государства.

¹ Горюнов Е. А., Казанский М. М., Усова Г. А. О работе Днепровской Левобережной экспедиции.— АО 1978 г. М., 1979, с. 57, 58; Горюнов Е. А. Исследования в Курской области.— АО 1979 г. М., 1980, с. 50.

² Липкинг Ю. А. Могильники третьей четверти I тысячелетия н. э. в Курском Посеймье.— В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1971, с. 136; Сымонович Э. А. Новые открытия в селищах Авдеево и Воробьевка 2 возле Курска.— В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 153; Он же. Курская новостроечная экспедиция.— АО 1978 г. М., 1979, с. 95; АО 1979 г. М., 1980, с. 81.

³ Поселение Курочкин-3 изучалось Степной неолитической экспедицией, возглавляемой Л. Я. Крижевской, поселение Картамышево-3 — Днепровским Левобережным отрядом под руководством Е. А. Горюнова. Авторы благодарят Л. Я. Крижевскую и Е. А. Горюнова за предоставленную возможность обработать и подготовить к публикации материалы раскопок.

⁴ Крижевская Л. Я. Работа разведочного отряда Степной неолитической экспедиции.— АО 1979 г. М., 1980, с. 59.

⁵ Мальм В. А. Промыслы русской деревни.— В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1966, с. 120, 121.

- ⁶ Горюнов Е. А. К истории Днепровского левобережья в середине и третьей четверти I тысячелетия н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977, с. 8, 12.
- ⁷ Максимов Е. В., Терпиловский Р. В. Поселение киевского типа у с. Ульяновка на Десне.— В кн.: Славяне и Русь. Киев, 1979, с. 26, 29.
- ⁸ Третьяков П. Н. Древности второй и третьей четверти I тысячелетия н. э. в верхнем и среднем Подесенье.— В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности, с. 87, 88.
- ⁹ Горюнов Е. А. Некоторые древности I тысячелетия н. э. на Черниговщине.— В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности, с. 133, 134.
- ¹⁰ Третьяков П. Н. Древности второй и третьей четверти..., с. 107, рис. 22.
- ¹¹ Сухобоков О. В. Славяне днепровского левобережья. Киев, 1975, с. 29, 36.
- ¹² Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. М., 1976, с. 18, 19.
- ¹³ Максимов Е. П., Терпиловский Р. В. Поселение киевского типа..., с. 27, рис. 2, 22.
- ¹⁴ Третьяков П. И. Древности второй и третьей четверти..., с. 107, рис. 22, 20.
- ¹⁵ Горюнов Е. А. Некоторые древности..., с. 123, рис. 3, 26, 27.
- ¹⁶ Горюнов Е. А. К истории..., с. 13.
- ¹⁷ Липкин Ю. А. Могильники третьей четверти..., с. 144.
- ¹⁸ Горюнов Е. А. Исследования в Курской области..., с. 50.
- ¹⁹ Репников Н. И. Некоторые могильники из области крымских готов.— ИАК, 1906, вып. 19, с. 48, табл. 3 (7, 8).
- ²⁰ Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— СА, 1971, № 2, с. 114—116.
- ²¹ Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. М., 1979, с. 83, 126, рис. 25.
- ²² Сымонович Э. А. Городище Колочин I.— МИА, 1963, № 108, с. 122, рис. 20.
- ²³ Горюнов Е. А. Древности I тысячелетия н. э. нижнего течения р. Снова.— КСИА, 1974, вып. 140, с. 69, рис. 1, 27.
- ²⁴ Русанова И. П. Поселение у с. Корчак.— МИА, 1963, № 108, с. 47, рис. 8.
- ²⁵ Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения в средней части южного Побужья.— СА, 1964, № 3, с. 189, рис. 2, 1, 2.
- ²⁶ Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое.— МИА, 1958, № 74, с. 34, рис. 19, 13.
- ²⁷ Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа.— МИА, 1961, № 104, с. 272.
- ²⁸ Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное левобережье..., с. 126, 127, рис. 69, 158.
- ²⁹ Пескова А. А. Древнерусское поселение у с. Сенча на Суле.— КСИА, 1978, вып. 155, с. 89, 90.
- ³⁰ Довженко В. И., Гончаров В. К., Юра Р. О. Древнеруське місто Воїнь. Київ, 1966, табл. VII, VIII.

А. В. ГРИГОРЬЕВ

ПОСЕЛЕНИЕ У СЕЛА ГОРБОВО

Поселение у с. Горбово (Новгород-Северский район Черниговской обл.) — это комплекс из городища и селища, примыкающих друг к другу. Оно устроено на высоком известняковом мысу правобережной террасы р. Десна, в урочище «Сельцо». Памятник известен с конца XIX в. и не раз обследовался археологами.

Городище «у села Горбово» впервые упоминается Д. Я. Самоквасовым в 1878 г.¹ П. С. Уварова отмечает, судя по всему, то же городище, но привязывает его уже к соседней дер. Горки². «Вторым Горкиевским» называли его М. В. Воеводский³ и О. Н. Мельниковская⁴.

Городище занимало выступ в юго-западной части мыса и было отделено от остальной части поселения валом и рвом. В 40—50-х годах оно почти целиком было разрушено карьером. В настоящее время сохранились лишь вал, ров и небольшая площадка поблизости.

Селище впервые зафиксировано М. В. Воеводским. В 1979 г. оно было «вновь открыто» В. П. Коваленко, назвавшим его городищем с несохранившимися оборонительными сооружениями⁵. Им же впервые снят глазомерный план и произведена шурфовка. Селище примыкает к остаткам городища с северо-востока и занимает всю южную часть мыса. Его площадка размером 250×230 м с юга ограничена крутым и высоким (до 40 м) склоном к пойме р. Десна, а с востока и с запада — широкими балками. С северной, напольной, стороны культурный слой доходит почти до полевой дороги из с. Горбово в дер. Горки, никаких следов укреплений здесь не отмечено.

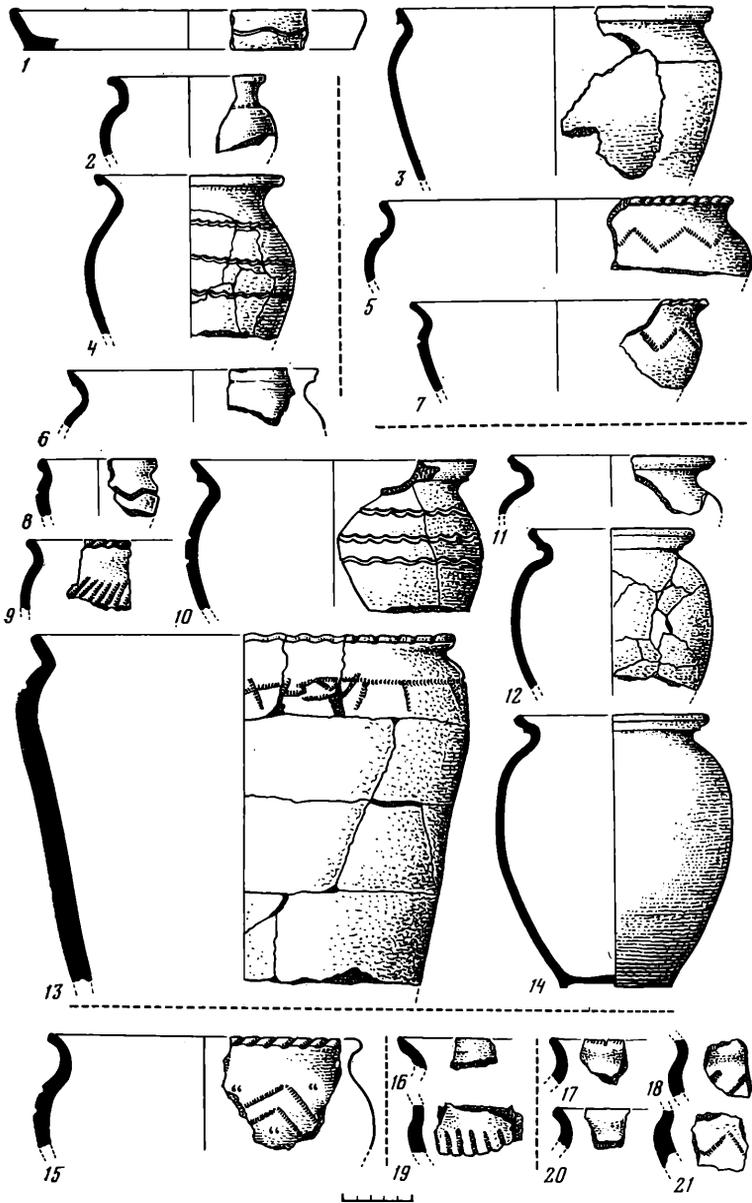

Рис. 2. Керамика первого и второго этапов

1—14 — этап II; 15—21 — этап I; 5, 7, 9—13, 15, 17—21 — лещная; 1—4, 6, 10—12, 14, 16 — круговая

В 1980 г. отрядом Новгород-Северской экспедиции на поселении произведены небольшие раскопки. Раскоп площадью 100 кв. м разбит в южной части селища и включил в себя шурф В. П. Коваленко. В результате вскрыто полуземляночное жилище, хозяйственная постройка, печь и ряд ям различного назначения (рис. 1, 1).

Культурный слой поселения в пределах раскопа серый, хорошо гумусированный суглинок. Верхняя его часть на глубину 20—30 см разрушена огородом. Мощность нетронутой части слоя колеблется от 10 до 35 см. Слой подстилается прослойкой погребенной почвы, материк — плотный желтый суглинок.

Несмотря на малую толщину сохранившейся части культурного слоя и небольшие размеры раскопа, удалось выделить три хронологических этапа в сооружении ям и построек. Это деление проведено на основании

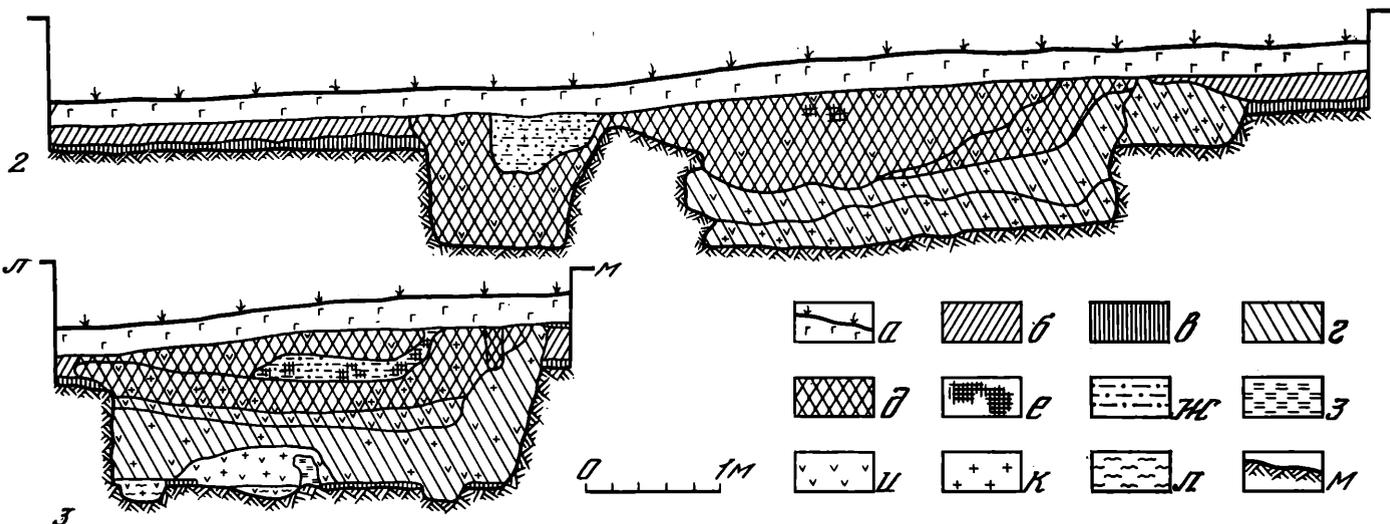
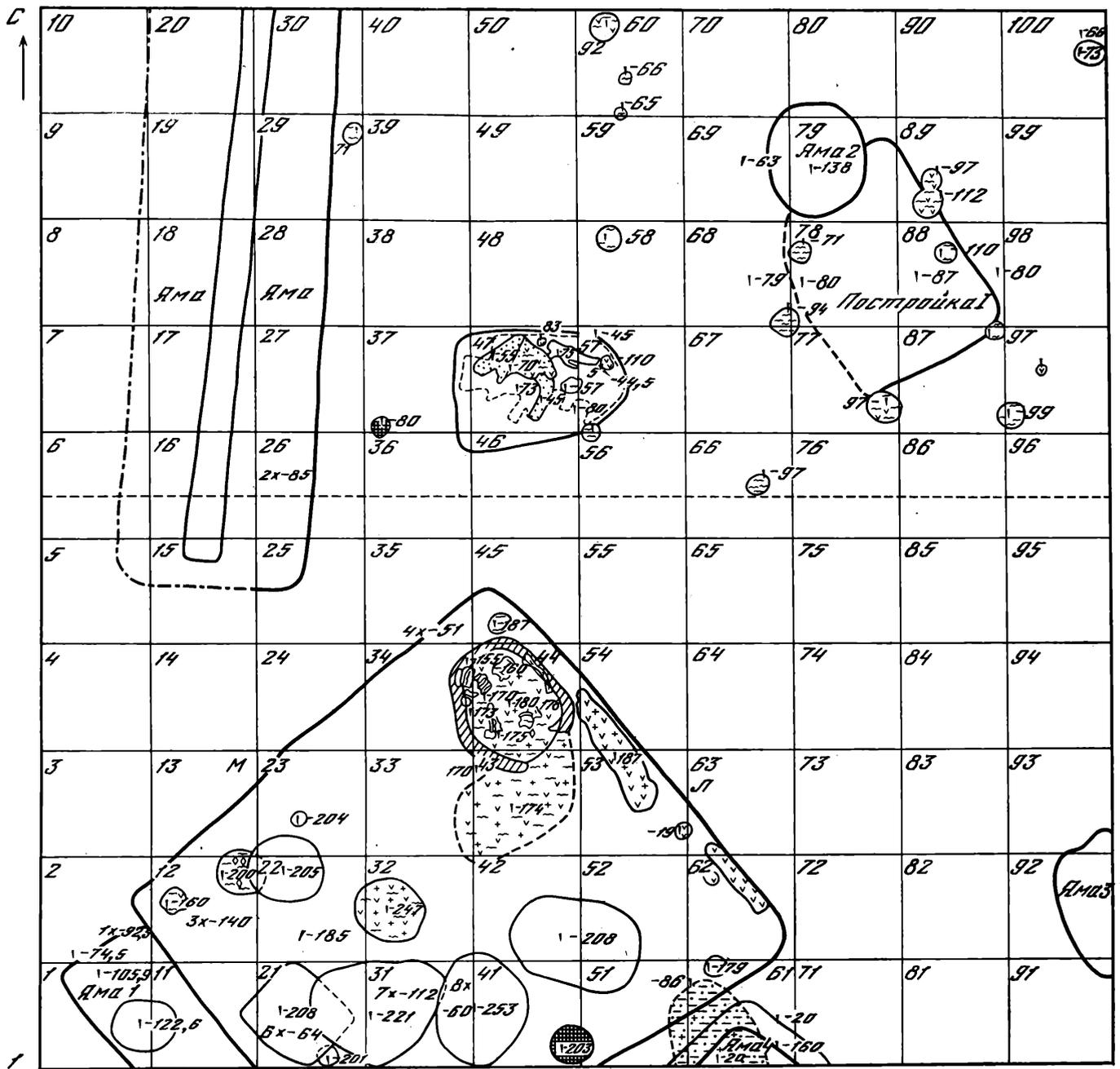

Рис. 1. Селище у с. Горбово

1 — план раскопа;
 2 — профиль южной стенки раскопа;
 3 — профиль жилища 1 по линии Л—М
 а — дерн;
 б — серый гумусированный слой;

в — слой погребенной почвы;
 г — темно-серый сильно гумусированный слой;
 д — черный, жирный сильно гумусированный слой;
 е — органическая прослойка;

ж — светло-желтый суглинок;
 з — обожженная глина;
 и — уголь;
 к — печина;
 л — зола;
 м — материк

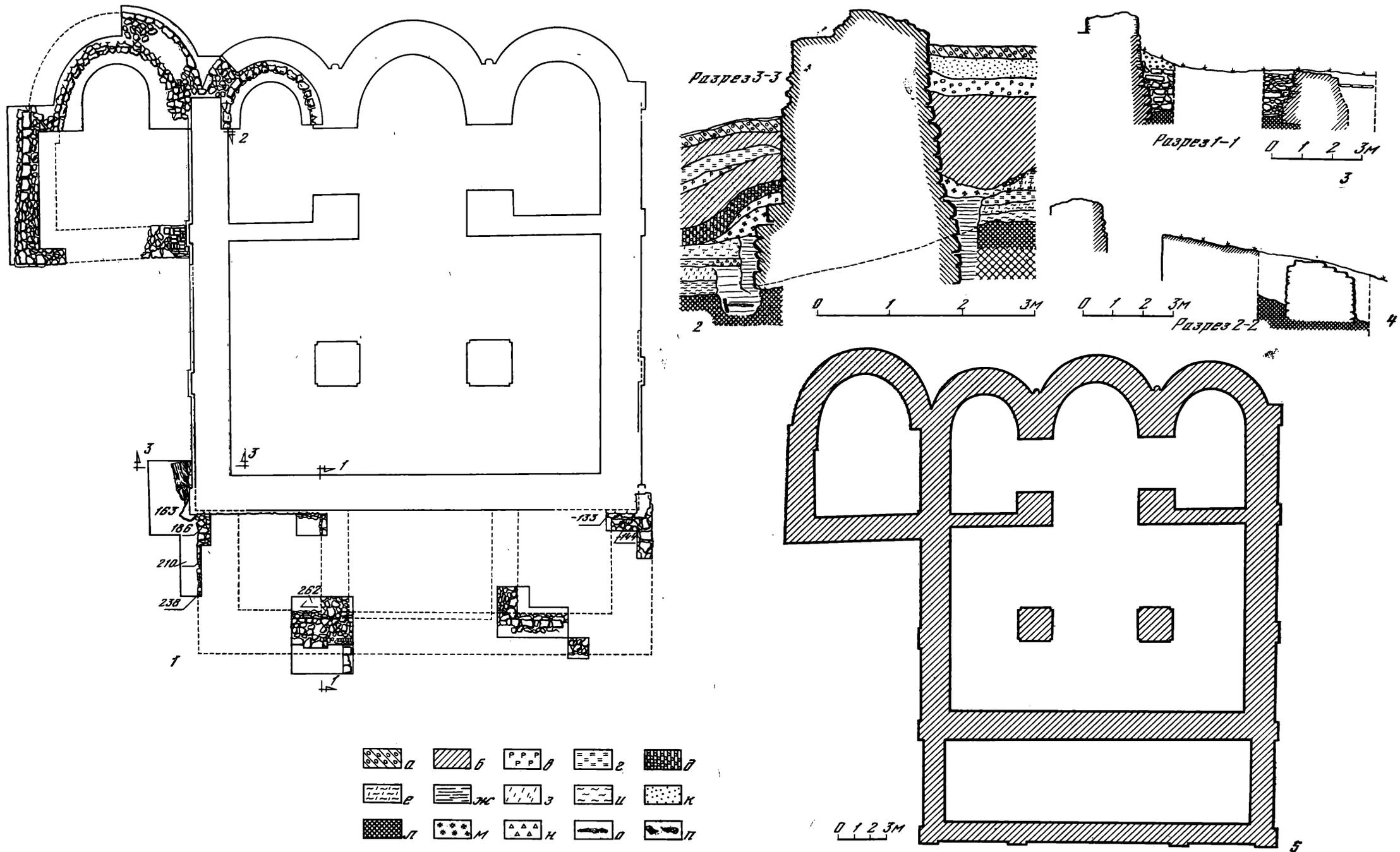

Рис. 1. Ухтогостровская Троицкая церковь 1690 г.

1 — план архитектурно-археологических шурфов;
 2 — разрез северной стенки собора по линии 3-3;
 3 — разрез западной стенки храма, первоначальной и поздней папертей по линии 1-1;

4 — разрез северной стены храма и притвора по линии 2-2;
 5 — реконструкция здания на конец XVII в.
 а — современный архитектурный разгал;
 б — раствор;
 в — глина светло-зеленая;

б — строительный мусор (в основном кирпич);
 в — глина с гнилым деревом;
 ж — засыпка фундаментного рва;
 з — глина темно-зеленая (ближайшая к глине материка);
 и — гнилое дерево;
 к — песок;

л — материк;
 м — горелый слой;
 н — древняя строительная прослойка;
 о — прослойка угля;
 п — дерево

стратиграфии и археологического материала. Отправной точкой послужила яма 1 и перекрывающая ее полуземлянка (рис. 1, 1-3).

К первому, самому раннему этапу относятся ямы 1 и 3, а также хозяйственная постройка. Яма 1 в раскоп вошла лишь северной своей частью. Она дает основание предполагать, что яма имела прямоугольную форму и ориентирована углами по сторонам света. Ее северо-восточная часть уничтожена котлованом более позднего жилища. Яма углублена в культурный слой и материк на 0,5 м и перекрыта непотревоженным слоем. Стенки ее отвесные, пол ровный, понижающийся в сторону жилища. Заполнение однородное: темно-серый гумусированный слой с включениями угля и пещины. Не исключено, что яма 1 является остатками полуземлянки.

Яма 3 также вскрыта неполностью. Часть ее в пределах раскопа имеет неправильную форму, размером 1,4×0,58 м, глубина в культурном слое и материке около 0,6 м. Заполнение по характеру близко к заполнению первой ямы.

Хозяйственная постройка отнесена к этапу I исключительно по найденным здесь материалам. Она имела прямоугольную форму (2,1×1,6 м), углублена на 30 см в культурный слой и в слой погребенной почвы, а в восточной части еще на 3-5 см в материк. По периметру сооружения прослеживаются столбовые ямки с золисто-углистым заполнением.

В заполнении последних и самой постройки встречена почти исключительно грубая лепная керамика с примесью шамота, реже — дресвы. Венчики и плечики сосудов орнаментированы различными сочетаниями веревочного штампа (рис. 2, 15-21).

Все объекты, относящиеся к этапу I на основании керамики роменского типа, могут быть в целом датированы IX-X вв. Однако пряслице из розового шифера, найденное в заполнении ямы 1, дает возможность сузить эту дату до середины — второй половины X в.

Второй хронологический этап представлен заполнением жилища и отдельно стоящей печью. Жилище — квадратная в плане полуземлянка размером 4,4×4,4 м, ориентированная углами почти по сторонам света. Котлован жилища прорезает культурный слой и материк на глубину 1,0-1,2 м. Стенки его отвесные, пол материковый, слегка понижающийся к центру. На полу, вдоль стен, на расстоянии 10-20 см от них, находилось несколько столбовых ямок глубиной 10-20 см. В заполнении они содержали золу и уголь. Вдоль северо-восточной стены прослежены углистые пятна — остатки сгоревших бревен.

В северном углу полуземлянки на расстоянии 20-30 см от стен находилась глинобитная печь. Она имела форму неправильного овала размером 1,05×1,2 м. Под печи углублен относительно пола жилища на 5-7 см. Под и ниже 5-10 см стенок — это сильно прокаленный, красно-рыжий материковый суглинок, обмазанный тонким в 1-2 см слоем глины. Стенки печи сохранились на высоту 20-25 см. Они сложены из глины и сильно прокалены. Толщина стенок у основания 10-15 см, выше они утоньшаются и переходят в свод. Сам свод почти полностью рухнул в печь. Устье шириной 40 см выходит на юго-восток. На полу залегал 4-5-сантиметровый слой золы и углей, не содержавший никаких находок. Выше начинался завал свода печи вперемешку с углем и черепками сосудов.

Вся южная часть котлована жилища изрезана большими ямами размером до 1×1 м и глубиной до 1,1 м. Самая маленькая из них (в кв. 12) содержала золу и рыбью чешую, другая (в кв. 32) имела колоколовидную форму и была заполнена углем, золой и большим количеством пещины. Остальные пять ям имели одинаковое заполнение с большим содержанием золы и органических остатков. Ямы в жилище не одновременны. К моменту гибели жилища функционировали лишь две из них — в кв. 41 и в кв. 45-52. Остальные ямы в разной степени перекрыты полом — десятисантиметровым слоем плотного, утрамбованного суглинка с большим содержанием золы.

Нижний горизонт заполнения котлована жилища — темно-серый, сильно гумусированный слой с включениями угля и пещины лежал относительно ровно над полом. Его верхняя граница начинается высоко вдоль стен полуземлянки и сильно понижается к центру жилища. Очевидно, слой повторяет форму рухнувшей крыши. По верхней границе его в северо-западной четверти хорошо прослеживается прослойка пожара — следы сторевшей кровли. Таким образом, вся нижняя часть заполнения котлована жилища может считаться достоверным закрытым комплексом.

Отдельно стоящая печь расположена к северу от жилища. Сохранилась она крайне плохо и потому сказать что-либо определенное об ее устройстве не представляется возможным. В углублении, вырытом на 40 см в культурном слое и заходящем в материк на 3—8 см, сохранились две параллельные стенки и часть материкового пода. Все углубление было плотно забито крупными фрагментами пещины и блоками из необожженной глины. По северной, восточной и южной его границам прослежены столбовые ямки. Очевидно, печь почти целиком рухнула в подпечную яму.

Керамика сооружений второго этапа характеризуется прежде всего сосуществованием лепной роменской и круговой древнерусской с преобладанием последней. Так, например, в завале печи в полуземлянке, т. е. в достоверно закрытом комплексе, встречены фрагменты трех лепных и пяти круговых сосудов. Такой же набор керамики был в нижнем горизонте заполнения жилища и под завалом отдельно стоящей печи (рис. 2, 1—14). Следует отметить, что круговая керамика этого этапа несколько отличается от керамики более поздней.

Для этапа II характерны сосуды, сделанные из глины с примесью песка, с неполным применением гончарного круга, т. е. на кругу производилось заглаживание поверхности сосуда и обработка его верхней части, тогда как формовка производилась методами скульптурной лепки. Венчики этих сосудов весьма разнообразны, среди них три основных типа: 1) стреловидный, со слабо выраженным «манжетом» в нижней части и с сужающимся верхом; 2) с ярким, иногда отогнутым «манжетом» и с небольшой «закраинкой» вовнутрь в верхней его части; 3) отличается от второго маленьким запылом внизу или даже отсутствием такового и тем, что к внутренней «закраине» прибавляется вогнутость внутренней части венчика.

Сосуды со «стреловидным венчиком» часто орнаментированы многорядным волнистым орнаментом. Судя по сочетанию керамики, эту группу можно предварительно датировать концом X в.

К третьему хронологическому этапу стратиграфически относятся лишь верхние горизонты заполнения жилища, а по материалам — ямы 2 и 5.

Верхние горизонты заполнения возникли уже после гибели жилища. В свою очередь, они делятся на несколько прослоек. Однако, учитывая малую площадь раскопа, было бы преждевременно давать более дробное деление последнего периода на этом основании.

Яма 2 перекрывает северо-западную часть хозяйственной постройки. Она вырыта в культурном слое и материке, имеет глубину 95 см. Яма в плане округлая, диаметром около 1 м, в средней своей части она немного сужается, в нижней — вновь расширяется. В заполнении ямы хорошо читаются три прослойки. Нижняя, наиболее мощная (до 50 см) — темно-серая гумусированная супесь с вкраплениями угля и пещины. Средняя представляет собой плотный слой пещины и угля. Верхняя — черный, жирный, сильно гумусированный слой с большим содержанием угля.

Яма 5 резко отличается от всех сооружений, рассматриваемых выше. Она имеет форму прямоугольника размерами 5,6×1,8 м, вытянутого по линии юг — север с небольшим отклонением к востоку. По двум ямы, почти по ее центру, с небольшим смещением к востоку, прорыта правильная канавка шириной около 30 см и глубиной около 10 см. Заполнение ее — светло-серый рыхлый слой — несколько возвышается над полом ямы. На дне ямы лежит тонкая, до 5 см, темно-бурая прослойка, явно орга-

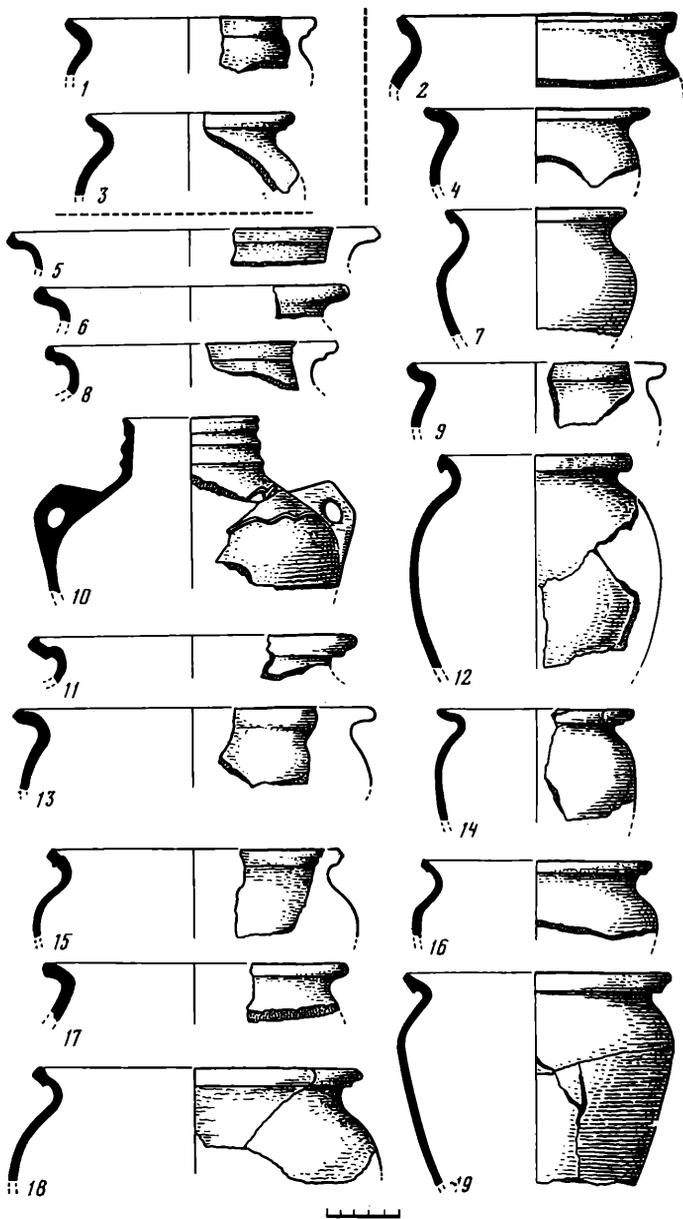

Рис. 3. Керамика третьего этапа (1—19)

мического происхождения. Основное заполнение — очень темный, почти черный жирный слой с большим количеством керамики, в основном гончарной, и наконечник броневой стрелы. Наличие в заполнении ямы большого количества древнерусской керамики еще не дает оснований для ее датировки.

Керамика, происходящая из комплексов третьего этапа, почти исключительно гончарная (лепная не превышает 4—5%). Она сделана из более качественного теста, чем в этапе II, часто вообще без примесей. По формам венчика эта керамика несколько своеобразна. Так, совершенно исчезают «стреловидные» венчики, резко снижается процент венчиков с ярко выраженным «манжетом». В то же время больше становится венчиков с закраинкой с внутренней стороны, а также венчиков новых форм (рис. 3). Орнаментируются сосуды редко, в основном линейным орнаментом.

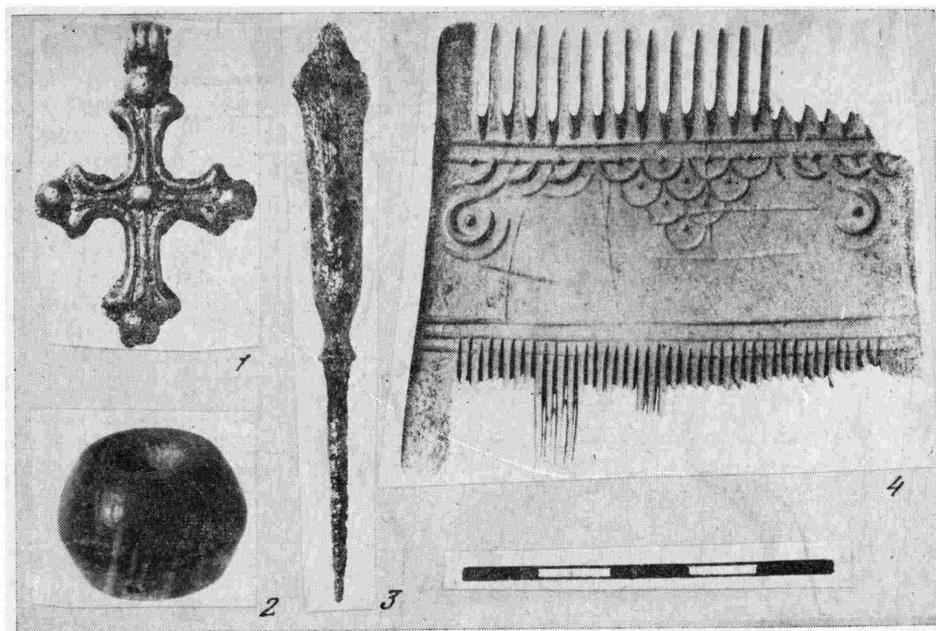

Рис. 4. Вещи с поселения у с. Горбово

1 — крестик из подъемного материала; 2 — шиферное пряслице из заполнения ямы 1; 3 — стрела из заполнения ямы 5; 4 — костяной гребень из «верхнего» заполнения жилища

Датируется этап III и, вероятно, весь верхний слой поселения на основании броневой стрелы типа 83 (по классификации А. Ф. Медведева, XI в.)⁶ и костяного двустороннего цельного гребня типа «Д» (по классификации Б. А. Колчина, XI — первая половина XII в.)⁷. Сюда же можно привлечь и бронзовый крестик из подъемного материала, имеющий ту же дату (рис. 4)⁸.

Таким образом, хронологические рамки существования поселения могут быть предварительно определены серединой X — первой половиной XII в.

В заключение необходимо остановиться на предполагаемой связи поселения с летописным «Игоревым селцом». Достаточного количества фактов для окончательного решения этого вопроса пока нет, но имеются косвенные данные.

Согласно Ипатьевской летописи, «сельцо» было разграблено князьями Изяславом и Владимиром Давыдовичами после неудачной осады г. Новгорода-Северского в 1146 г.

При этом были пожжены двор и церковь Георгия, построенные князем Игорем Ольговичем⁹. Судя по ходу действия, «сельцо» было расположено вблизи от города и, вероятно, по пути в Путивль, куда князья отправились сразу после «сельца». Местоположение поселения у с. Горбово вполне соответствует этим данным. Оно расположено приблизительно в 10 км от Новгорода-Северского, в наиболее удобном для переправы месте через р. Десна. Эта река в районе города имеет множество рукавов и болотистую пойму и пригодна для переправы лишь в районе с. Горбова. По мнению Е. А. Шинакова, дорога из Путивля на Новгород-Северский пролегла по берегу р. Шостки и пересекала Десну как раз в районе современного с. Горбово¹⁰.

Характер памятника также не противоречит гипотезе. находка в 1878 г. клада, состоявшего из 26 целых и 4 обрубленных гривен киевского типа¹¹, указывает на его незаурядность. Верхняя дата поселения не противоречит дате гибели «сельца».

Название урочища «Игорево сельцо», приведенное В. П. Коваленко и Р. С. Орловым¹², возникло лишь в конце 50-х годов XX в. в резуль-

тате деятельности краеведов. Первоначальное же название поселения — «сельцо».

С поселением связаны легенды о существовавшем некогда «великолепном дворце», записанные еще в конце XIX в.¹³ и живущие по сей день. Существовавшая до конца 30-х годов церковь в с. Горбово носила имя Георгия. На этот факт в свое время обратил внимание Филарет Гумилевский, указавший на с. Горбово как на возможное место локализации Игорева сельца¹⁴. Того же мнения придерживается и А. К. Зайцев¹⁵.

¹ Самоквасов Д. Я. Историческое значение городищ.— Труды III АС, Киев, 1878, т. 1, с. 229.

² Уварова П. С. Выборка из дел Черниговского статистического комитета, Общества Нестора Летописца и архива гр. П. С. Уваровой.— Труды Московского Предварительного Комитета по устройству XIV АС. М., 1906, вып. 1, с. 82.

³ Воеводский М. В. Важнейшие итоги Деснинской экспедиции 1946 г.— КСИИМК, 1948, вып. XX, с. 36—44; Он же. Городища верхней Десны.— КСИИМК, 1949, вып. XXIV, с. 67—77.

⁴ Архив ИА: Р-1, 3271, с. 2.

⁵ Коваленко В. П., Орлов Р. С. Работы Новгород-Северской экспедиции.— АО 1979 г. М., 1980, с. 282.

⁶ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие.— САИ, вып. Е1-36, с. 81, табл. 19, 11 (тип 83).

⁷ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей.— СА, 1958, № 2, с. 100—102, рис. 5, 6.

⁸ Фелгнер М. В. Крестовидные привески «скандинавского» типа.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 212.

⁹ ПСРЛ. М., 1962, т. II, с. 332.

¹⁰ Шинаков Е. А. Характер размещения

древнерусских памятников на территории «Воронежских лесов».— В кн.: Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Киев, 1981, с. 123, 124.

¹¹ Самоквасов Д. Я., Уварова П. С. Выписки из дел Императорской археологической комиссии 1860—1905 гг. и Черниговского губернского статистического комитета, 1901 г.— Труды Московского Предварительного Комитета по устройству XIV АС. М., 1906, вып. 1, с. 54.

¹² Коваленко В. П., Орлов Р. С. Работы Новгород-Северской экспедиции, с. 282, 283.

¹³ Уварова П. С. Выборка из дел Черниговского Статистического Комитета, Общества Нестора Летописца и архива гр. П. С. Уваровой.— Труды Московского предварительного комитета по устройству XIV АС. М., 1905, вып. 1, с. 82.

¹⁴ Филарет. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Чернигов, 1874, кн. 6, с. 29, 30.

¹⁵ Зайцев А. К. Порохный лес и окрестности Новгород-Северского в XII в.— В кн.: История географии и историческая география. М., 1975, с. 18.

Ю. Ю. МОРГУНОВ

ДРЕВНЕРУССКИЕ ГОРОДИЩА ТЕЧЕНИЯ р. РОМЕН

Посульской разведочной группой ИА АН СССР закончено обследование древнерусских городищ по р. Ромен (верхнее Посулье), в XII—XIII вв. входивших в состав Черниговского Задесенья.

На юге Задесенье ограничивалось средним и верхним течением р. Остра с городами Уненеж и Белавежей¹, на востоке крайним пунктом являлся летописный г. Глебль с прилегающими городками по р. Ромен, затем граница круто поворачивала к северу, к р. Сейм².

Результаты обследования пороменских памятников частично опубликованы или находятся в печати³. На очереди — издание последних из предварительно изученных городищ и обобщение полученного материала.

Всего по р. Ромен известно семь древнерусских укреплений (рис. 1). Некоторые из них, вероятно, являются остатками небольших крепостей (Верхний Самбор, Гайворон, Грицевка и Липовое) на восточной окраине пограничной волости Черниговского княжества. Другие, такие, как Красный Колядин, Медвежье и особенно Шевченково, скорее всего являются остатками крупных центров ремесла, сложившихся на оживленных торговых путях. Пороменские городища органически входили в пограничную

систему княжества, сложившуюся к XII в.: четыре укрепления, расположенные в среднем течении, продолжали общее направление южной черниговской границы, остальные закрывали «степной коридор» (безлесное пространство между верховьями Сулы и Сеймом), по которому проходил известный военный и торговый путь из степей к Чернигову и Переяславу.

Городище в с. Красный Колядин известно с конца XVIII в.⁴, документация и материалы раскопок Т. В. Кибальчича и Ю. Г. Гендуне утрачены⁵. В последнее время обследования проводились М. П. Кучерой и О. В. Сухобоковым⁶, а также Посульской разведочной группой ИА АН СССР под руководством автора.

Городище расположено на длинном высоком (24–26 м) мысу левого берега р. Ромен на южной окраине села (Уроч, Замок). Поперечный овраг отделяет от основания мыса останцовую часть. Останец, в свою очередь, топографически делится на две половины. Северная, прилегающая к основанию мыса, более высокая, длина ее 320 м, ширина от 50 до 100 м. Южная половина останца — стрелка — полого опускается к пойменному болоту и заканчивается у русла реки. Древнерусские укрепления сохранились в высокой части останца. План и подробное описание их опубликованы В. Г. Ляскоронским в 1901 г.⁷ В конце XIX в. укрепления состояли из двух частей — Замка и Гуляй-Городка. Разделялись они двумя валами с промежуточным рвом (от них сохранились лишь незначительные остатки). К югу от этих валов располагалось городище Гуляй-Городок площадью 0,58 га (сейчас это название исчезло). От южной части мыса городище защищено валом высотой более 5 м и заплывшим рвом. Вал округлой в плане формы (30×35 м) перегораживает мыс, оставляя на краю плато узкий разрыв для въезда со стороны реки. Вероятно, здесь остатки башни. Отсюда не только контролируется значительное пространство обширной поймы реки с расположенным напротив Грицевским городищем, но и просматриваются далекие правобережные отроги, на одном из которых размещено Медвежье городище (20 км по прямой). В конце XIX в. башня называлась Гуляй-Горой, а ныне Разрезанной могилой, поскольку верхняя треть насыпи вдоль оси запад — восток рассечена заплывшей траншеей Т. В. Кибальчича, начавшего раскапывать ее как курган.

Северную половину высокой части останца занимает городище Замок⁸, размер этой части 190 (С—Ю) × 75–100 м. От оборонительных сооружений сохранился незначительный отрезок вала в северо-восточном углу, при въезде. Высота его 2,6 м, ширина основания 11 м.

Вся возвышенная часть останца в 4–6 м ниже уровня площадки подчищена эскарпом, который выходит на пологую стрелку мыса в 10 м южнее рва Гуляй-Горы.

Останец на севере отделен от основания мыса поперечным оврагом шириной до 30 м и соединяется с плато узкой перемычкой.

Основание мыса в конце XIX в. носило ныне утраченное название «Большая красноколядинская крепость» и было полностью окружено мощным валом, грандиозные остатки которого частично сохранились в западной части. Крепость имела подпрямоугольную форму, площадь ее 11 га. Это действительно была поздняя крепость, на что указывают: конфигурация и размеры укреплений, форма вала и характер подъемного материала (керамика старше XVII в. встречается как исключение).

На мысовой, пониженной части останца поселение существовало в скифское время, в VIII–X вв., заселен мыс был и в XI–XIII вв.

На укрепленной площадке останца были сделаны две обширные зачистки и заложены три шурфа (2×2 м). Культурный слой перемешан практически до материка, мощность его от 0,7 до 1,8 м. Количественно преобладают изразцы и керамика XVII–XVIII вв. Встречен также материал скифской позднесольничной культуры и роменского времени.

Древнерусская гончарная керамика представлена двумя основными типами. В незначительном количестве встречены венчики сосудов из отно-

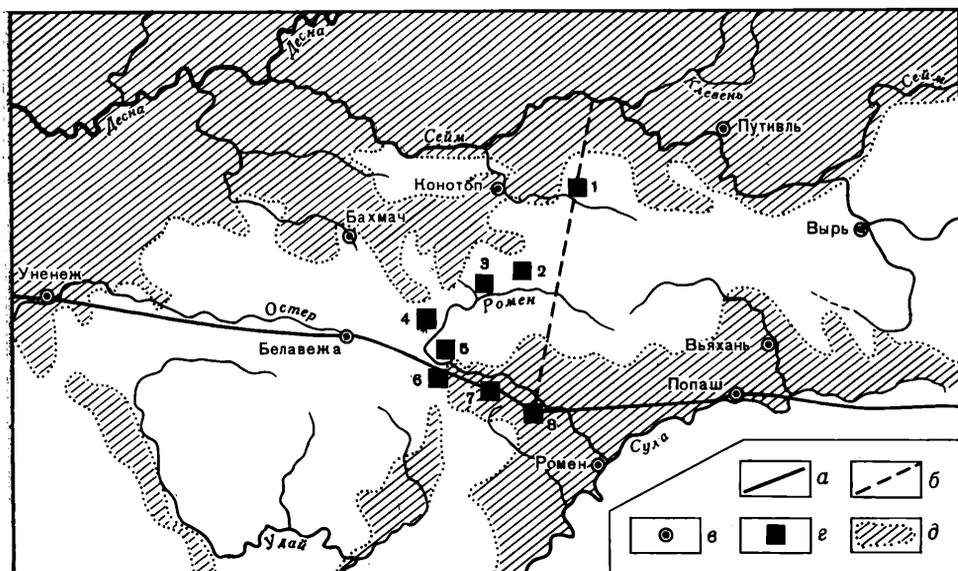

Рис. 1. Карта городищ

а — граница княжества; б — восточная граница Задесенья; в — летописные города; г — городища; д — древние леса;
 1 — Кросна; 2 — Шевченково; 3 — В. Самбор; 4 — Гайворон; 5 — К. Колядин; 6 — Грицевна;
 7 — Липовое; 8 — Медвежье

сительно грубого теста, иногда с примесью речного песка. Шейка сосудов резко отогнута наружу, а на внешнем фесе венчика имеется валикообразное утолщение — реликт хорошо известного более раннего «манжета» (рис. 2, 5). Подобная керамика датируется XI в.⁹

Значительная часть венчиков вылеплена из хорошо отмученного теста, без видимых примесей, черепок хорошо обожжен, звонкий и тонкий. Шейка плавно отогнута наружу (иногда вертикальна), венчик скошен внутрь и образует желобок для крышки. Подобные венчики относятся ко второй половине XII — первой половине XIII вв.¹⁰ Этим же временем датируются сосуды с вертикальной шейкой и венчиком (рис. 2, 6, 12). Подобной посуды на левобережье мало, она характерна для севера Руси, в частности для Новгорода¹¹.

В одном из шурфов на городище Замок, на материке сохранилась часть древнерусского культурного слоя. Здесь встречена керамика переходного типа (рис. 2, 2), которую можно отнести к рубежу XI и XII вв. или к началу XII в. Шейка менее отогнута наружу, чем у сосудов первого типа, и начинает вытягиваться вверх, на венчике появляется желобок для крышки, с внешней стороны еще есть утолщение валика, хотя оно стало значительно меньше, чем в XI в.

Наличие указанных трех типов керамики отражает время существования поселения. Поскольку венчики первой группы встречены в незначительном количестве, представляется, что возникновение поселения можно отнести к концу XI — началу XII в.

Городище у с. Кросна. Отмечено на карте Боплана 1650 г. под именем «Tarusza H.»¹², вновь обнаружено краеведом И. А. Лысым¹³. Оно расположено на правом берегу р. Езучь (левый приток р. Сейм), к западу от села, на низком пологом мысу заболоченной реки. Площадка полукруглой в плане формы, размером 145 (ЮЗ—СВ) × 100 м (1 га), по всему периметру окружена валом высотой более 3 м и рвом глубиной до 3 м. Площадка попорчена селитренным производством, ныне сnivelирована и засажена лесом. Из двух въездов один ведет в сторону болота, другой — напольный.

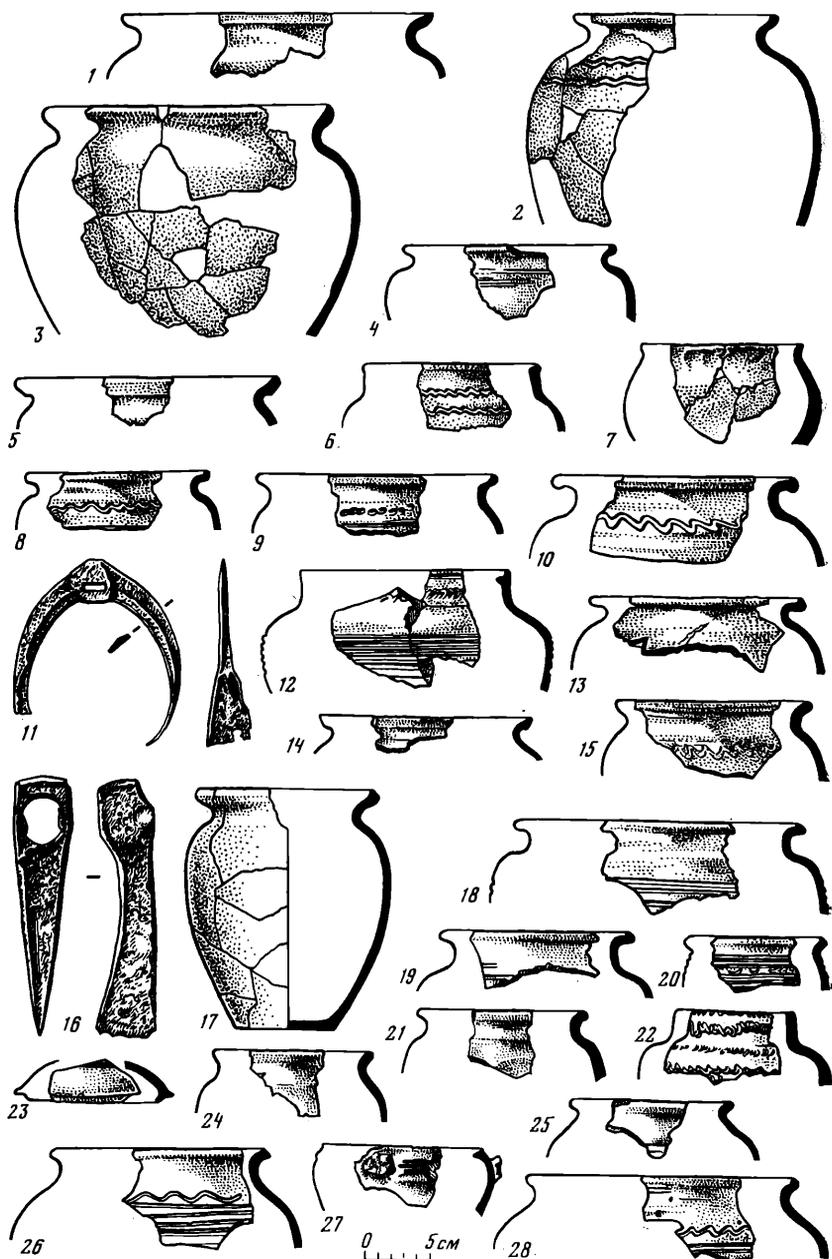

Рис. 2. Керамика

1—7 — К. Колядин; 8—15 — Медвежье; 16, 17 — В. Самбор; 18—28 — Гайворон

К северо-западу от городища расположено селище (300×200 м). Среди подъемного материала селища встречены железные и стекловидные плашки, куски шифера. Наиболее ранняя керамика относится к концу XI — началу XII вв. Сууществовало поселение до первой половины XIII в. Найден также фрагмент желтого стеклянного браслета (рис. 3, 1). Не исключено, что селище — это посад разросшегося к XII в. города.

Городище у с. Медвежье. Впервые упомянуто среди сведений 1873 г.¹⁴ Перед XI археологическим съездом обследовано В. Г. Ляскоронским, а в 1906 г. небольшие раскопки здесь проводил Н. Е. Макаренко¹⁵. Ф. Б. Копылов осмотрел городище в 1946 г.¹⁶, М. П. Кучера и О. В. Сухобоков — в 1971 г.¹⁷, затем памятник был обследован нами.

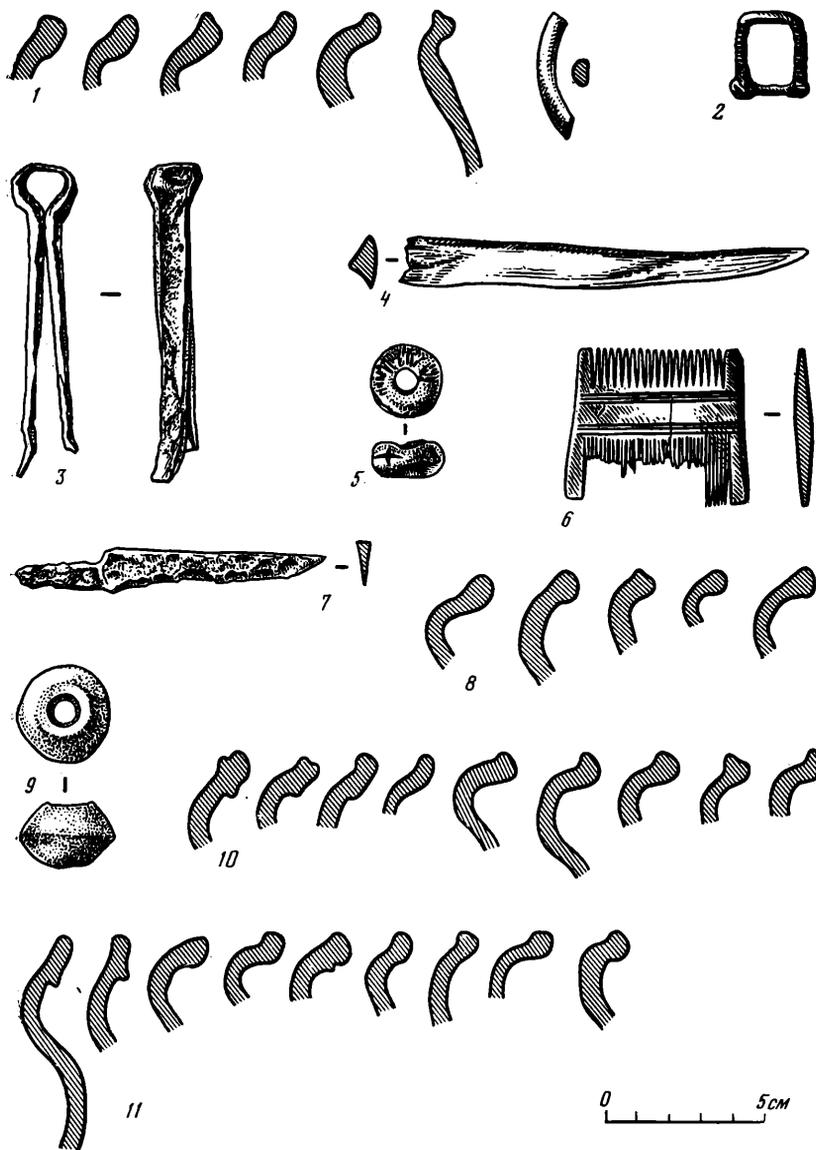

Рис. 3. Индивидуальные находки и мелкие фрагменты керамики

1 — Кросна; 2—4, 9 — Медвежье; 5—8 — Гайворон; 10 — В. Самбор; 11 — Липовое

Городище расположено на высоком (52—54 м) останце третьей надпойменной террасы правого берега р. Ромен, вытянутом с северо-запада на юго-восток, в 3 км к югу от с. Медвежье и в 0,5 км к северо-востоку от с. Посад¹⁸.

Оно имеет две системы взаимосвязанных укреплений — западную и восточную. Последняя, по-видимому, была первоначальной, основной, детинцем. Ее площадка на 2 м выше западной части, имеет лучше укрепленные въезды и выделяется в общей системе защиты городища.

Восточная часть укрепления в плане имеет форму трапеции, размеры ее 110 (СЗ—ЮВ) × 25—60 м. В настоящее время полностью занята старым кладбищем. Площадка с трех сторон защищена попорченным валом высотой от 1 до 2 м. С запада (со стороны второго укрепления) дугообразный вал имеет высоту до 3 м, ширина основания 17 м, за валом следует ров глубиной до 2 м при ширине 8—9 м, затем снова вал (высотой не более 1 м) и второй, неглубокий ров.

С северной и восточной сторон склон подрезан эскарпом с сохранившимися на нем фрагментами валов высотой от 1 до 2 м. С юга общим эскарпом защищены оба городища.

Восточное укрепление имеет два въезда. Один из них расположен в юго-восточной части. В 4 м ниже уровня площадки он защищен первой парой отрезков валов, тремя метрами ниже по склону — второй, затем пологим пандусом опускается вдоль крутого склона к реке. Второй въезд расположен в северо-западном углу и соединяет площадку с западным укреплением. Он имеет вид узкой тропы, ограниченной слева валом и вломом, а справа — обрывом.

Западное укрепление имеет в плане также форму трапеции размером 100 (СЗ—ЮВ) × 30—50 м; поверхность ровная, задернована. Подковообразный вал примыкает к восточному укреплению. Высота его различна: на севере 1—1,5 м (здесь склон к реке наиболее крут), с юго-востока — 2,5—3 м. На северо-западе высота вала достигает 4 м¹⁹, с этой стороны раньше склон был наименее крут (сейчас он размыт оврагом, а в конце XIX в. В. Г. Ляскоронский наблюдал на нем еще три ряда валов). На западе вал разрезан въездом, тропинка опускается в овраг, отделяющий останец от плато.

На плато, в 80 м от укреплений к западу, раскинулось неукрепленное поселение, поверхность которого распахивается и частично занята усадьбами с. Посад. Поселение занимает ровную поверхность мыса площадью 13,3 га, высотой над поймой около 50 м. Мыс имеет крутые склоны в овраги, впадающие в долину реки, и соединен с плато перешейком шириной 30 м. По-видимому, это остатки укрепленного природой посада. Следы селищ прослеживаются на соседних мысах и у подножья городища.

На плато располагался значительный курганный могильник, остатки которого заметны и сейчас²⁰. Другая группа курганов сохранилась на противоположном, левом берегу реки, в с. Медвежье, на территории школы.

Нами было зачищено 27 м обрыва над сильно углубленной дорогой в с. Медвежье, разрезающей посад поперек. Культурный слой имеет мощность от 20 до 40 см. Роменская керамика представлена отдельными стенками, круговая — единственным фрагментом венчика XI в. (рис. 2, 14) и большим количеством черепков середины XII — первой половины XIII вв. (рис. 2, 8—10, 12, 13, 15). Выявлена часть котлована жилища, углубленного в материк на 1,1 м и ориентированного с юго-запада на северо-восток (ни одна сторона полностью не сохранилась). Заполнение (черноземовидная супесь) аналогично культурному слою. В профиле прослежены следы разрушения — прослойки угля и глины, прогнутые к горизонтальному полу жилища (который также засыпан глиной и углем). В заполнении найдена железная прямоугольная подпружная пряжка (без язычка) с косой медной насечкой на лицевой стороне (рис. 3, 2) и арочное стремя с невыделенной петлей и полукруглой широкой подножкой (рис. 2, 11), которое датируется XIII—XIV вв.²¹ Керамика относится к концу XII — первой половине XIII вв. (рис. 2, 8—10).

На восточном городище среди подъемного материала встречено немного керамики середины XII — первой половины XIII вв.

На западном городище заложено два шурфа площадью 2×2 м и один — 4×4 м. Культурный слой насыщен чрезвычайно слабо: найдено несколько роменских стенок, немного гончарных венчиков середины XII — первой половины XIII вв. и железный ювелирный пинцет общерусской формы (рис. 3, 3). В Новгороде подобный инструмент встречен в слое начала третьей четверти XII в.²²

На внутренних склонах северо-восточного (№ 1) и северо-западного (№ 2) отрезков валов были заложены две траншеи для уточнения хронологии существования укрепления. Разрезами установлено, что древнейший вал был насыпан еще в скифское время, прослежен роменский строительный период с деревянной столбовой конструкцией, ремонт и увеличение мощности вала в середине XII в. Основным материалом для

многочисленных реконструкций вала являлся культурный слой городища²³. Из роменского материала найдена костяная проколка и глиняное пряслице (рис. 3, 4, 9), керамика датируется IX в.²⁴ Керамика из раскопок внешнего склона западного вала, произведенных Н. Е. Макаренко²⁵, аналогична нашей. Наиболее ранняя из гончарной относится к середине — второй половине XII в.

При изучении комплекса древних городищ, особенно пограничных, необходимо учитывать ландшафтную характеристику района того времени. Она не всегда соответствует современной. В левобережной лесостепи массовая вырубка лесов началась в XVII в.²⁶ Древнее соотношение лесной и степной растительности ныне восстанавливается по почвенным картам: сведенные леса сохраняют оподзоленность почвы сотни лет²⁷. Имеются ботанические карты восстановленной растительности²⁸. Однако они зачастую мелкомасштабны. В данном случае удобнее пользоваться более подробными почвенными картами²⁹, учитывая, естественно, относительную точность этого метода.

В интересующем нас районе древние лесные массивы служили естественным дополнением оборонительных функций крепостей (рис. 1).

Цепочка пограничных застав черниговского Задесеня на севере начинается городищем Кросна, расположенным вблизи посеймских пойменных лесов и болот. В начале XVII в. мимо этого мощного укрепления проходила дорога от Путивля на Беловежу и Киев³⁰.

Между городищем Кросна и Торговицким (у с. Шевченково) расстояние 20 км. Это самый большой промежуток между укреплениями и одновременно — тот самый «степной коридор» между Посеймьем и верховьями Сулы, которым кочевники могли пройти к Чернигову и Киеву. С севера коридор контролировался кросненским укреплением, на юге — городищем у с. Шевченково, защищавшем брод через перегораживавшую «коридор» заболоченную пойму р. Торговицы. Отсюда в начале XVII в. дорога шла на Прилуки и Киев³¹. Кроме того, общая пойма рек Торговицы и Куколки связывает бассейны Сулы и Сейма. На важную роль крепости указывают: остатки мощного вала, выгодное стратегическое положение, большая площадь укреплений, обилие находок, а также тот факт, что поселение на месте городища — наиболее древнее сравнительно с другими памятниками р. Ромен³².

Южнее, в промежутке между лесным языком и течением реки и на прямой дороге на Киев³³, стояло небольшое укрепление у с. Верхний Самбор³⁴. Здесь найдена керамика XI—XIII вв., а в 100 м от городища, в болоте — узколезвийный клиновидный топор XI—XII вв.³⁵ (рис. 2, 16, 17; 3, 10). Возникшая на рубеже XI и XII вв. крепость контролировала также водный путь³⁶.

Следующим рубежом по пути в «беловежскую степь» (термин XVII в.) было заболоченное течение р. Гайворона (Басака), которое автор Книги Большому Чертежу принял за истоки Ромена: «...а Ромень вытек от верху реки Остря, от городища Белые Вежи»³⁷. Между вторым лесным языком и течением Басака дорога охранялась гайворонским укреплением, ныне уничтоженным³⁸ (рис. 2, 18—28; 3, 5—8).

Красноколядинская крепость и расположенное напротив, через реку, грицевское укрепление с обоих берегов запирали течение реки. Кроме того, по правому берегу Ромена мимо Грицевки, Липового и Медвежьего шла сухопутная дорога из Белавежи на летописный г. Ромен. Между последними тремя городищами расстояние соответственно 6 и 8 км. Эти крепости продолжали общее направление проходившей через Уненеж и Белавежу устойчивой границы Черниговского княжества с Переяславским.

Существенной в условиях пограничья особенностью перечисленных укреплений является возможность устроить почти между всеми соседними крепостями визуальную огневую сигнализацию.

Суммируя итоги предварительного обследования района, необходимо отметить, что наиболее раннее поселение появилось на месте шевченковского городища, укрепления здесь были возведены в конце XI в. На ру-

беже XI и XII вв. построены крепости у нынешних сел Верхний Самбор, Гайворон, возможно, Липовое и Красный Колядин. В первой половине (до середины) XII в. появилось кросненское укрепление. И, наконец, Медвежье и Грицевка получили оборонительные сооружения около середины XII в.

Неясен вопрос о локализации летописного Глебля³⁹. События осени 1147 г. позволяют отождествить его с любым памятником среднего течения р. Ромен⁴⁰. В 1838 г. Н. С. Арцыбашев предложил локализовать Глебль на городище Красного Колядина⁴¹. М. П. Погодин выразил удивление отсутствием аргументации, но вынужден был согласиться⁴². Эта локализация была принята Н. П. Барсовым и Филаретом (Гумилевским)⁴³. В то время Красноколядинское укрепление было известно как единственное, достойное внимания. Вопрос показался полностью решенным после публикации путевых заметок Павла Алеппского (середина XVII в.), где описан город Красный «с большим укреплением и цитаделью, висящей на краю горы, больше той, на вершине которой расположен город»⁴⁴. Локализация удовлетворила П. В. Голубовского и А. Н. Насонова⁴⁵.

Однако современные исследователи не считают решение вопроса окончательным⁴⁶. Вероятно, окончательно решить его невозможно в силу ограниченности летописных сведений и полного отсутствия топонимических данных. Но результаты обследования позволяют предположить иной вариант, локализацию Глебля на городище у с. Шевченково.

Топонимика отсутствует в обоих вариантах. Расстояние от ближайших летописных городов почти одинаково. Площадь укреплений (Шевченково — 2,1 га, Красный Колядин 1,6+0,58 га) почти одинакова (хотя и неизвестно, какую часть в Красном Колядине занимало древнерусское городище). Много говорилось об оборонительных свойствах рельефа останца, на котором размещено красноколядинское городище, ибо Глебль не был сожжен после целого дня осады большой ратью. Шевченковское городище размещено на топком болоте, и, поскольку события 1147 г. происходили осенью, крепость можно считать неприступной. Вспомним хотя бы летописный г. Вяхань: в том же году это «болотное» укрепление не могли взять объединенные войска черниговских князей⁴⁷.

И все же археолог предпочел бы Шевченково: поселение на месте городища — наиболее раннее на р. Ромен, укрепления построены также раньше, чем на других крепостях. Обилие находок в культурном слое свидетельствует об интенсивности жизни. Городище окружено обширным открытым поселением; в конце XIX в. невдалеке еще существовал курганный могильник. Все это отсутствует в Красном Колядине, за него выступает традиция, основанная на сведениях о том, что в селе есть «земляной, обвалившийся вал и внутри одного особливый земляной же замок»⁴⁸.

¹ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, с. 60.

² Зайцев А. К. Черниговское княжество.— Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 80.

³ Моргунов Ю. Ю. Разведки в Черниговской области.— АО 1974 г. М., 1975, с. 329; Он же. Три древнерусских городища верхнего Посулья.— КСИА, 1977, вып. 150, с. 74—79; Он же. Разведка на Посулье.— АО 1978 г. М., 1979, с. 374.

⁴ Подробную библиографию общих сведений о памятнике см.: Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа.— МИА. М.; Л., 1961, № 104, № 250, с. 262.

⁵ Кибальчиц Т. В. Древности. К., 1876, с. 11, 12, 14; о раскопках Ю. Г. Гендулене см.: Макаренко Н. Е. Городище Мо-

настырище.— Науковий збірник за рік 1924. (Київ, 1925, т. XIX, с. 5); В. А. Городцов. Древности.— Труды МАО. М., 1914, с. 203, некролог.

⁶ Кучера М. П., Сухобоков О. В. Звіт про роботу Лівобережного загону ІА АН УССР за 1971 р.— НА ІА АН УССР, ф. э., № 5994; Сухобоков О. В. Славяне днепровского Левобережья. К., 1975, с. 14.

⁷ Ляскоронский В. Г. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы в бассейне р. Сулы.— Труды XI АС. М., 1901, т. I, с. 453. Для сравнения см. инструментальный план: Моргунов Ю. Ю. Отчет о работе Посульской разведочной группы ИА АН СССР в 1979 г.— Арх. ИА АН СССР.

⁸ Сейчас это название распространилось на всю территорию останца.

⁹ Раппопорт П. А. Археологические за-

- метки о двух русских оборонительных сооружениях XII века.— КСИИМК, 1954, 54, с. 185; *Кучера М. П.* Давньоруські городища в західній частині Переяславщини.— *Археологія*, 1978, 25, с. 25.
- ¹⁰ *Кучера М. П.* Давньоруське городище в х. Маклашевському.— *Археологія*, 1962, XIV, с. 105; *Довженко В. И., Гончаров В. К., Юра Р. О.* Давньоруське місто Воїнь. Киев, 1966, с. 82, табл. VII, X.
- ¹¹ Любезное сообщение Г. П. Смирновой.
- ¹² *Кордт В. А.* Материалы по истории русской картографии. Киев, 1910, вып. II, № 2.
- ¹³ *Лисий И. А.* Звіт про обстеження курганів городищ і оборонних валів Котопщини.— *НА ИА АН УССР*, ф. э., № 7666.
- ¹⁴ Принято считать, что городище впервые упомянуто в Книге Большому Чертежу (*Ляпушкин И. И.* Указ. соч., с. 8). Это понимание текста представляется нам преждевременным и требует дополнительных исследований: по р. Ромен городами (городками) названы памятники с культурными отложениями XVII—XVIII вв.; кроме того, в одной и той же фразе книги четко разделяются понятия «городок» и «городище» (Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950, с. 109).
- ¹⁵ Библиографию см. у И. И. Ляпушкина (Там же, № 72, с. 8).
- ¹⁶ *Копилов Ф. В.* Звіт про роботу Посульської археологічної експедиції в 1946 р.— *НАИА АН УССР*, ф. э., № 431; *Он же.* Посульська експедиція 1945—1946 р. АП УРСР, Київ, 1949, т. I, с. 248.
- ¹⁷ *Кучера М. П., Сухобоков О. В.* Указ. соч., с. 44; *Сухобоков О. В.* Указ. соч., с. 14.
- ¹⁸ План городища публиковался дважды: В. Г. Ляскоронским в 1901 г. (Там же, с. 422) и О. В. Сухобоковым в 1975 г. (Там же, с. 58).
- ¹⁹ Н. Е. Макаренко раскапывал внешний склон этой части вала. На это указывает глазомерный план 1919 г. из фондов Ромеянского краеведческого музея, свидетельство очевидца (уроженца с. Медвежье Г. Л. Бабки) и сравнение находок из культурного слоя и разреза вала.
- ²⁰ *Русанова И. П.* Курганы полян X—XII вв.— *САИ*, 1966, вып. Е1-24, с. 37.
- ²¹ *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 16, тип. Д-II, рис. 1; *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.— *САИ*, 1973, вып. Е1-36, с. 107; тип II, № 261.
- ²² *Колчин Б. А.* Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа.— *МИА*, 1963, № 55, с. 119.
- ²³ *Моргунов Ю. Ю.* Отчет о работе Посульской разведочной группы ИА АН СССР в 1978 г. на территории Полтавской и Сумской обл. УССР.— *Архив ИА АН СССР*.
- ²⁴ Любезное определение А. А. Узянова.
- ²⁵ ГЭ, ОИПК, № 824/13—16; Роменский РКМ, фонды, планшеты, № 11, 18, 22 и 23.
- ²⁶ *Турчанович Л. Ф.* Леса Европейской части СССР в прошлом.— *Землеведение*, т. III (XIII). М., 1950, с. 97.
- ²⁷ *Вернандер Н. Б.* Географія ґрунтів з основами ґрунтознавства. К., 1965, с. 105; *Жекулін В. С.* Историческая география ландшафтов. Новгород, 1972, с. 165.
- ²⁸ *Семенова-Тян-Шанская.* Изменение растительного покрова лесостепи русской равнины в XVI—XVIII вв. под влиянием деятельности человека.— *Ботанический журнал*, 1957, т. X, II, рис. 1 (южные границы Киевской Руси...), с. 1401.
- ²⁹ Атлас УССР и Молдавской ССР. М., 1962, карта почв, с. 23, 24, на карте растительности (с. 26, 27). Итоги исследований по восстановлению ландшафтов сведены в категорию «сельскохозяйственные угодья на месте широколиственных... лесов».
- ³⁰ *Кордт В. А.* Там же.
- ³¹ *Лазаревский А. М.* Описание старой Малороссии. Киев, 1893, т. II; *АМГ*, т. 1, № 163 (1623 г.), с. 186.
- ³² *Моргунов Ю. Ю.* Два городища XI—XIII вв. течения р. Ромен.— *КСИА*, 1982, вып. 171.
- ³³ *Лазаревский А. М.* Описание... Киев, 1902, т. III, с. 288.
- ³⁴ *Моргунов Ю. Ю.* Три древнерусских городища верхнего Посулья.— *КСИА*, 1977, 150, с. 75.
- ³⁵ *Левашева В. П.* Сельское хозяйство.— *Труды ГИМ*. М., 1956, вып. 32, с. 41.
- ³⁶ В публикацию этого городища вошла досадная неточность: в разброс керамики по профилю разреза вала не учитывались фрагменты венчиков XI в. Новый, максимально точный анализ стратиграфии показал, что слой эпохи бронзы перекрыт венчиками XI в., а постройка укреплений связывается с керамикой рубежа XI и XII вв.
- ³⁷ Книга Большому Чертежу, с. 109.
- ³⁸ *Моргунов Ю. Ю.* Три древнерусских городища..., с. 76. Кроме керамики, здесь найден костяной двусторонний гребень конца X—начала XII вв. (тип. Д); *Колчин Б. А.* Классификация новгородских древностей.— *СА*, 1958, № 2, с. 102.
- ³⁹ Название города можно гипотетически связать с именем Глеба, сына черниговского князя Святослава Ярославича. Глеб Святославич неоднократно упоминается в летописях с 1065 по 1078 г., известен также по эпиграфическим памятникам (Тмутараканский камень 1068 г.).
- ⁴⁰ Черниговские князья и Глеб Юрьевич (сын Долгорукого) захватили Посеймье и предприняли попытку подчинить вырские города, двигаясь через Вырь, Выхань и Попаш. Последний город пал, но здесь пришла весть, что киевский князь Изяслав Мстиславич намеревается отрезать черниговцам путь к возвращению. Не мешкая, князь от Попаша «поидоша на Глебль к Чернигову». Изяслав не

успеш перерезать им дорогу у Всеволожа и взял этот город «на щит». Затем сжег оставленные жителями Унежеж, Белавеж и Бохмач. Жители Глебля не покинули город. Изяслав осаждал этот город целый день и безуспешно (ПСРЛ, т. 2. М., 1962, стб. 357—359).

⁴¹ *Арцыбашев Н. С.* Повествование о России. М., 1838, т. 1, кн. II, с. 108, прим. 698.

⁴² *Погодин М. П.* Разыскания о городах и пределах древних русских княжеств с 1054 по 1240 г.— Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1850, т. IV, с. 230.

⁴³ *Барсов Н. П.* Географический словарь русской земли (IX—XIV вв.). М., 1865;

Филарет. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Чернигов, 1874, кн. 6, с. 383, 387.

⁴⁴ *Алеппский П.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. М., 1897, вып. 2, с. 93.

⁴⁵ *Голубоавский П. В.* Историческая карта Черниговской епархии до 1300 г. М., 1908, с. 10; *Насонов А. Н.* Там же, с. 223.

⁴⁶ *Зайцев А. К.* Там же, с. 78.

⁴⁷ ПСРЛ, т. II, стб. 355, 356.

⁴⁸ *Шафонский А. Ф.* Черниговского наместничества топографическое описание. Киев, 1851, с. 554.

А. В. ТРУСОВ

МОГИЛЬНИК ОБЛАЧИНСКАЯ ДЮНА

Могильник расположен юго-западнее с. Дегтянова (Спасский район Рязанской обл.), в пойме Оки, на конце дюны, называемой Облачинской, в 500 м южнее рукава Оки. Протяженность дюны около 2 км, высота ее около 4 м над уровнем поймы. Вдоль западного края ее тянется озеро Боровское. Из-за выпаса скота поверхность дюны неровная, покрыта разреженной травянисто-кустарниковой растительностью. В 1891 г. в северной части дюны В. А. Городцовым замечены остатки развеевнных погребений и собрано некоторое количество бронзовых вещей¹.

В 1976 г. при исследовании северо-восточной части дюны автором на развееваемых участках сделан ряд находок: красные пастовые бусы, мелкий рубленый красный пастовый бисер, бронзовые пластинчатые подвески в виде высокого равнобедренного треугольника, бронзовые подвески в виде высокого конуса, свернутого из тонкой пластинки с отверстием для подвешивания в его вершине, обломки других бронзовых изделий, а также фрагменты лепных горшков, в том числе с черным лощением².

В 1977 г., при повторном обследовании дюны³ на северном развееваемом склоне, в свежем выбросе из норы животного найдено несколько фрагментов лощеной керамики, которая могла происходить только из нарушенного погребения. Был заложен шурф размерами 2×1,5 м. Верхняя часть дюны (30—35 см) сложена из буроватого стерильного дюнного песка. Далее шла погребенная подзолистого типа почва мощностью 8—10 см, подстилавшаяся белесым подпочвенным образованием толщиной до 10 см. Уже в нижней части последнего встречены фрагменты керамики из погребения. Слабые контуры могильной ямы стали различимы лишь на глубине 75 см от современной поверхности, ее размеры: 80×170 см, у дна — 60×160 см, глубина 75 см.

В засыпке могильной ямы встречены фрагменты керамики, принадлежащие двум лепным сосудам. Эти сосуды были разбиты и брошены в могилу в процессе ее засыпки. Первый сосуд довольно грубый со слегка отогнутым венчиком и небольшими плечиками, по внешнему краю венчика и по плечикам орнаментирован двумя рядами насечек, диаметр по краю венчика — 12 см, высота 11,5 см (рис. 1, 1). Второй горшок полностью восстановить не удастся, диаметр его по краю венчика — 13—14 см, венчик плавно и более сильно отогнут, чем у первого, плечики также более выражены, поверхность черная, лощеная (рис. 1, 2). В качестве примеси в обоих сосудах присутствует шамот.

Костяк не сохранился, но прослежен тлен, обнаружены отдельные косточки, находившиеся в соприкосновении с бронзовыми вещами,

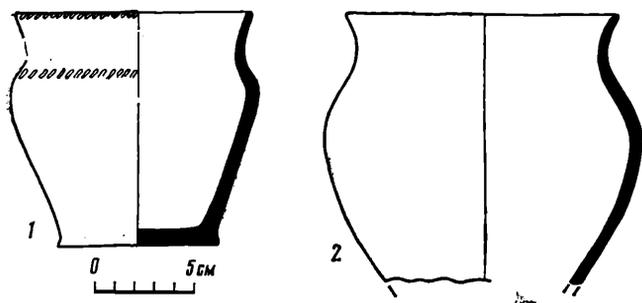
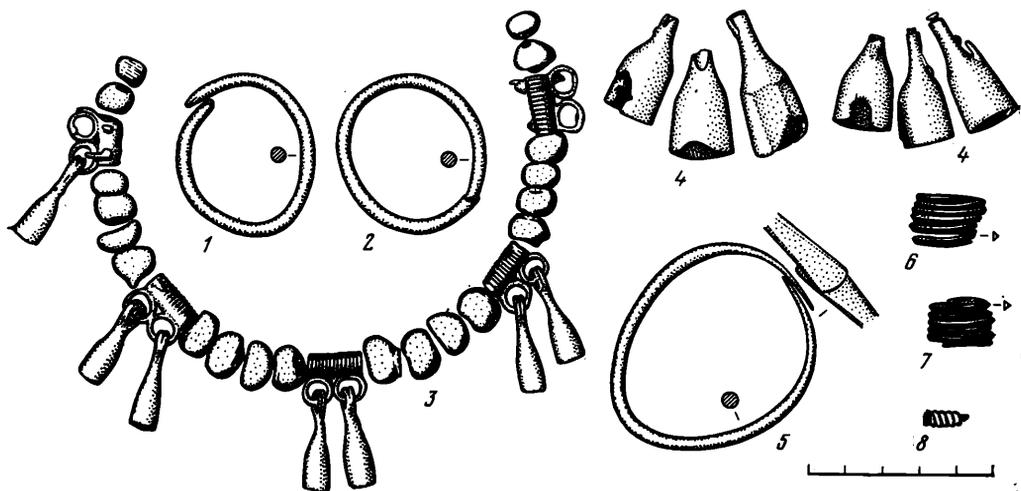

Рис. 1. Керамика из погребения

Рис. 2. Вещи из погребения

в частности фаланги пальцев, на которых были надеты перстни, а также пряди волос, намотанные на височные кольца. Рост погребенной — 1,2 м. Можно предполагать, что погребенная была во что-то обернута. Положение — вытянутое на спине, головой на запад с небольшим отклонением к северу, голова повернута лицом к югу, руки вытянуты вдоль тела, на каждой — по два бронзовых спиральных перстня по 4 и 6 витков (рис. 2, 6, 7). На правой руке находился бронзовый проволочный браслет с раскованными концами (рис. 2, 5), в районе кисти — проволочная спиралька, надетая на кожаный ремешок (рис. 2, 8). В области груди с каждой стороны лежали по три бутылкообразных привески (рис. 2, 4), а в районе головы — два височных проволочных кольца (рис. 2, 1, 2). Около головы и шеи расчищено ожерелье из крупных красных пастовых бус (20 штук) и бронзовых пронизок (5 штук), на каждой пронизи подвешено по две бутылкообразные подвески (рис. 2, 3).

А. К. Амброс датирует круглопроволочные браслеты с расплюснутыми концами, красные пастовые бусы неправильных форм, колокольчики бутылкообразные без орнамента, вытянутые конусовидные свернутые из листа бронзы подвески, высокие трапециевидные подвески VII в. н. э.⁴ Керамика, аналогичная встреченной в погребении, известна в верхних слоях позднегородецких памятников⁵. Могильник, судя по всему, относится к рязанской группе финно-угорских могильников.

¹ Городцов В. А. Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки. — Труды XII АС. М., 1905, т. I, с. 656.

² Трусов А. В. Отчет о разведке в Клепиковском и Спасском районах Рязанской обл. в 1976 г. — Архив ИА, Р-1, 6504.

³ Трусов А. В. Отчет о разведке и раскопках в Рязанской и Московской областях в 1977 г. — Архив ИА, Р-1, 6565.

⁴ Амброс А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. — СА, 1971, 3, с. 108, 109, 113.

⁵ Монгайт А. Л. Рязанская Земля. М., 1961, с. 74—76.

КУРГАНЫ У ОЗЕРА ЛИСНО

В 1973—1975 гг. Витебским отрядом Института археологии АН СССР проведены разведочные работы на территории Верхнедвинского района, в окрестностях озер Освейского, Белого, Лисно, по рекам Свольне и Сарьянке. Произведены были также раскопки ряда погребальных памятников. Среди них интерес представляет курганная группа у дер. Лисно при озере того же названия.

Могильник расположен к юго-востоку от деревни на надпойменной террасе р. Свольны, впадающей в озеро Лисно. В нем насчитывается 35 полусферических насыпей, из которых три четверти испорчены любительскими раскопками. Курганы поросли деревьями. Насыпи расплылись, высота их колеблется от 0,3 до 0,7 м, диаметр 5—6 м. Кое-где прослеживаются ровики по одному или по два. Раскопками исследовано 6 курганов, расположенных в юго-западной части могильника. Насыпи состоят из песка. Под ними на уровне горизонта встречены золистые прослойки с вкраплениями мелких кусочков угля. В кургане 2 вкрапления угля обнаружены и в заполнении погребальной ямы, а в кургане 1 — на дне прикурганного ровика. Везде подошвенные золистые прослойки прерываются могильными ямами, в которых совершалось захоронение по обряду труположения. Глубина ям от 0,4 до 0,7 м, ширина от 0,8 до 1 м, длина от 1,9 до 2,15 м. Все погребения одиночные. В шести раскопанных курганах открыто четыре женских захоронения (курганы 1, 2, 4, 5), одно мужское (курган 3) и одно детское (курган 6). Антропологами определен возраст некоторых погребенных: в кургане 1 была захоронена женщина 45—50 лет, в кургане 3 — мужчина 50—55 лет, а в кургане 5 — женщина 45—50 лет, в кургане 6 — ребенок 7—10 лет.

Ориентированы погребенные преимущественно на запад (курганы 3, 5, 6); с небольшими отклонениями на северо-запад (курганы 1, 4) и на юго-запад (курган 2); положены все на спине, руки сложены на животе. В курганах 4 и 5 сохранились остатки дерева в виде мелких истлевших кусочков над погребенными и под ними, а по бокам погребальных ям прослежена темная прослойка от разложившегося дерева. Надо полагать, что эти захоронения совершены в деревянных гробах.

Вещевые находки обнаружены в трех курганах (2, 4, 5) с женскими захоронениями. Встречен обломок железного ножа, лежащий у ступни правой ноги погребенной в кургане 2. Нож имеет ширину лезвия 1,5 см, толщину 0,4 мм и длину черенка 3,5 см. По новгородским данным ножи со сравнительно широким лезвием, с укороченной рукояткой и с суженной спинкой характерны для XII в. Однако уже с середины XII в. в Новгороде появляются ножи, у которых соотношение ширины и толщины 1 : 6¹. По-видимому, лиснянский нож можно отнести ко второй половине XI — первой половине XII в. В Харлаповских курганах такие ножи датируются XI—XII вв.²

В Лиснянских курганах встречены височные кольца двух типов.

К первому принадлежат проволочные браслетообразные, изготовленные из тонкой проволоки, концы их небрежно перекручены (рис. 1, 1, 2). Диаметр колец 3,7 и 6 см. Найдены они в кургане 2 у черепа, по два с каждой стороны. Как известно, браслетообразные височные кольца являются характерными украшениями кривичей. Но, будучи одинаковыми по внешнему облику, они различаются на разных территориях расселения кривичей размерами, толщиной проволоки, оформлением концов. Еще П. Н. Третьяковым было отмечено своеобразие таких украшений полоцких курганов: «сравнительно небольшие по размеру, изготовлены из очень тонкой проволоки и концы у них грубо скручены»³. Различна и датировка височных колец в зависимости от отмеченных особенностей и региона распространения. Так, в Посебежье, браслетообразные кольца встре-

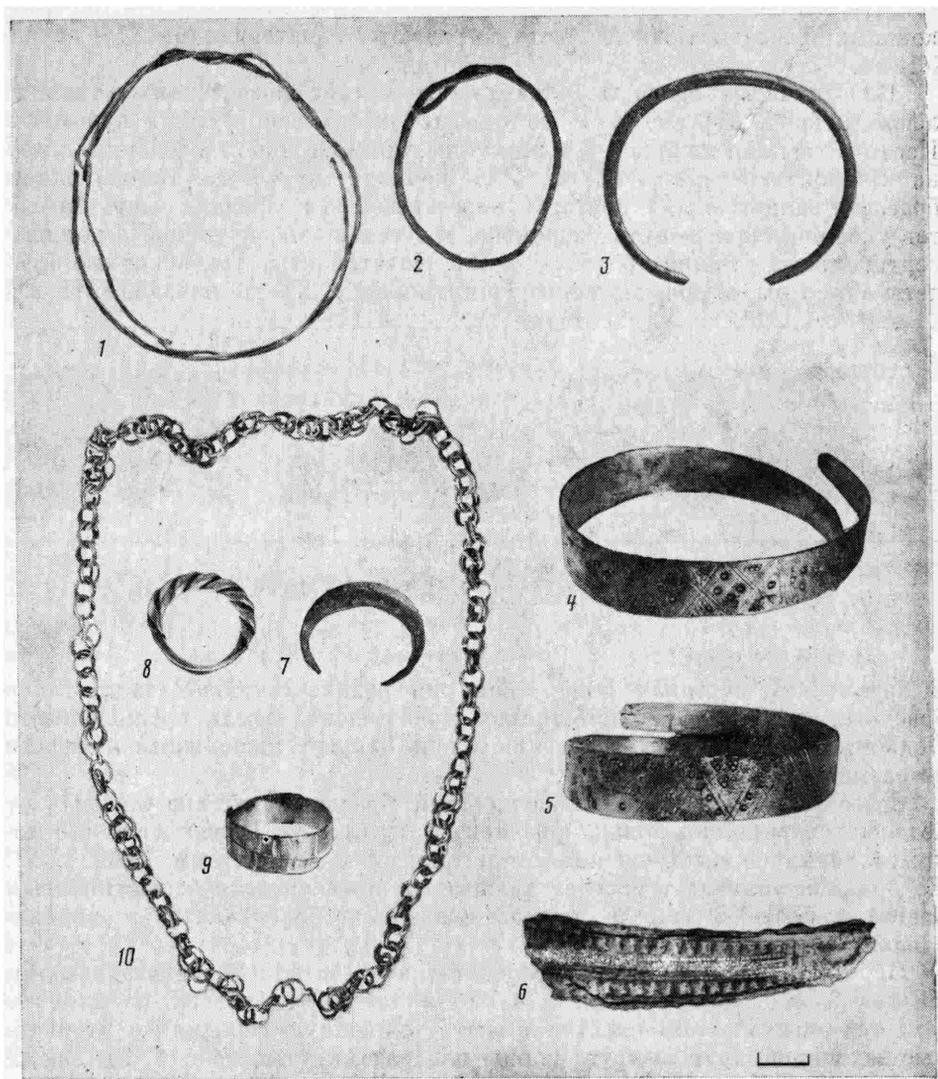

Рис. 1. Находки из курганов у озера Лисно
 1, 2, 4, 6 — курган 2; 3, 9, 10 — курган 4; 5, 7, 8 — курган 5

чаются с материалами X—XII вв.⁴, в Смоленском Поднепровье, по мнению Е. А. Шмидта, височные кольца подобного облика появляются на рубеже XII—XIII вв.⁵

Перстнеобразные височные кольца в количестве четырех экземпляров найдены у правой стороны черепа в кургане 4. Диаметр их 2 см, концы загнуты крючками. Из них два кольца трехбусинные; сохранность бус плохая, их можно приблизительно отнести к узелковым. Подобные височные кольца изредка встречаются в кривичских курганах, где датируются XI—XII вв.⁶ Основное количество находок височных украшений такого типа происходит из курганов Ростово-Суздальской земли и рассматривается исследователями как изделия городских ремесленников.

Круглопроволочные браслеты обнаружены в кургане 4 по одному на правой и левой руках погребенной. Они изготовлены из дрота толщиной 0,5 см; концы утончены и несомкнуты (рис. 1, 3). Диаметр одного браслета 4 см, другого — 4,5 см. Согласно В. П. Левашовой, такие изделия широко распространены на северо-западе древнерусской территории с X по XIV в.⁷ По новгородским данным, они датируются с X по XII в.⁸ В кривичских курганах круглопроволочные с утонченными несомкнутыми

концами браслеты наиболее часто встречаются с материалами XI — начала XII вв.⁹

Пластинчатые браслеты обнаружены в двух погребениях — один на левой руке в кургане 4 и по одному на каждой руке в кургане 2. Изготовлены они из бронзовой пластины, прямоугольной в сечении, ширина которой в середине 1,5 см, а на концах — до 0,7 см. Концы одного браслета закруглены, у другого — обрезаны углом. Средняя часть браслетов украшена орнаментом из ромбов, треугольников, кружков; а концы — вертикальными линиями (рис. 1, 4, 5). Пластинчатые узкоконечные браслеты известны в древнерусских памятниках с XI до начала XIII в.¹⁰

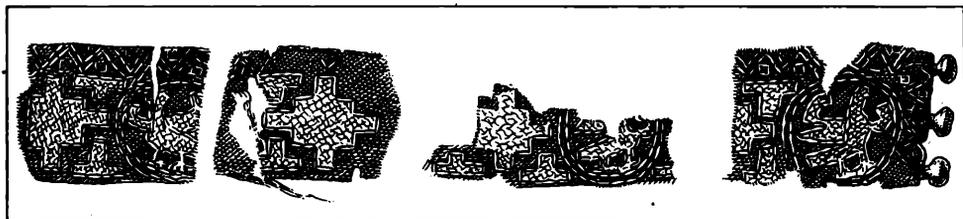

Рис. 2. Фрагменты ткани из кургана 4 у озера Лисно

В кривичских курганах Белоруссии они редки. Наиболее часто такие браслеты встречаются в памятниках Новгородской земли и Смоленского Поднепровья, где имеются изделия, очень близкие лиснянским находкам по размерам и орнаментации¹¹.

Своеобразен массивный пластинчатый браслет (толщина 0,4 см), от которого сохранились только фрагменты (курган 2). Поверхность его покрыта рельефно выступающим геометрическим орнаментом (рис. 1, 6). По орнаментации этот браслет аналогичен древнерусским пластинчатым браслетам XI—XII вв., а по массивности он более близок к прибалтийским изделиям.

Перстней в лиснянских курганах найдено девять. Располагались они на левой и правой руках, а в одном случае — у черепа (курган 5).

Круглопроволочные перстни имеют утолщенную середину и утонченные заходящие друг за друга концы или разомкнутые (рис. 1, 7). Время бытования таких перстней по новгородским и харлаповским материалам XI—XII вв.¹² К этому же времени относится перстень, витой из двух проволок с раскованными и заходящими друг за друга концами (рис. 1, 8). Многочисленные аналогии в домонгольских древностях XI—XIII вв. имеет ложновитой перстень с сомкнутыми концами¹³.

Пластинчатые перстни с прямоугольным сечением, заходящими концами и вертикальным линейным орнаментом не принадлежат к частым находкам на древнерусской территории (рис. 1, 9). Единичные экземпляры их происходят из курганов XI—XII вв. Новгородской земли¹⁴. Такие перстни неоднократно встречены и у западных соседей кривичей — селов¹⁵.

В одном экземпляре найден тордированный бронзовый перстень (курган 5). Концы его раскованные, гладкие. Тордированные изделия редки в древнерусских памятниках; большее распространение они получили среди прибалтийских племен. Можно предполагать, что соседство территорий способствовало заимствованию этой технологии в изготовлении украшений древнерусскими ремесленниками.

В лиснянских курганах обнаружена только одна подвеска — бубенчик шаровидный с щелевидной прорезью, прямоугольным пластинчатым ушком и чуть заметным рельефным пояском в средней части тулова. Положен он был у правой руки, очевидно, как дар погребенной. Появляются такие бубенчики в конце XI в. и бытуют до начала XIII в.¹⁶

На шее погребенной в кургане 4 найдена бронзовая цепочка из двойных колечек (рис. 1, 10). Подобные находки нередки в курганах XI—XII вв. Новгородской земли¹⁷.

Стеклянных бус встречено пять в кургане 4 на шее погребенной и одна в кургане 6 у черепа. Это — бусина золотостеклянная бочонковидная средних размеров, желтая, круглая, крупная, кольцевые бесцветная и голубая, бирюзовая бочонковидная, овальная черная с белыми полосками. Из них золотостеклянные бусы широко были распространены на Руси в XI—XII вв.¹⁸; желтые крупные бусы появляются не ранее второй половины XI в.¹⁹; черные бусы, «инкрустированные белыми нитями», исследователи склонны датировать в основном XII—XIII вв., но как самую раннюю дату указывают XI—XII вв.²⁰

В кургане 4 на шее погребенной вместе с цепочкой обнаружены фрагменты ткани с золотными нитями и бронзовыми пуговицами (рис. 2). Это, по-видимому, остатки от стоячего воротника верхней одежды, которые неоднократно были зафиксированы исследователями в древнерусских погребениях²¹. По заключению М. В. Фехнер²², ткань византийская; основа сделана из крученых нитей, переплетение сложное, саржевое. Контур узора вышит шелком, по-видимому, красным, узор золотыми нитями «в прокол». Сохранились четыре фрагмента воротника, дающих возможность составить полную композицию. Ширина ткани 3,5 см. Нижний край, который пришивался к одежде, не имеет орнамента. Геометрическим орнаментом из треугольников украшен верхний край и разрез, где пришиты пуговицы. Основной узор состоит из птиц в круге, чередующихся с прямоугольными четырехконечными крестами с средокрестием. Птицы вышиты в профиль; на одном фрагменте голова ее повернута назад.

Близкой по орнаменту ткани найти пока не удалось. Но мотив с изображением птиц часто встречается в архитектуре, на ювелирных изделиях, рукописях и является популярным для XI—XII вв.²³

Исследователи полагают, что подобные вышивки золотыми нитями «в прокол» производились русскими мастерицами. Такие изделия датируются от X до начала XIII в.²⁴

Обряд захоронения лиснянских курганов не вызывает сомнения в их славянской принадлежности. Наличие золистых прослоек под насыпями указывает на однотипность этого памятника с кривичскими погребальными сооружениями начала II тысячелетия н. э.

Набор вещей в погребальных комплексах носит также типично славянский характер. Многочисленные аналогии лиснянским находкам обнаруживаются на широкой территории Руси, но в связи с пограничным положением памятника в вещевых материалах ощущается некоторое влияние соседних прибалтийских племен.

Вещевые находки дают возможность датировать курганный могильник у озера Лисно второй половиной XI — первой половиной XII в.

¹ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей.— СА, 1958, № 2, с. 48.

² Шмидт Е. А. Курганы XI—XIII веков у дер. Харлапова в Смоленском Поднепровье.— В кн.: Материалы по изучению Смоленской обл. Смоленск, 1957, вып. 2, с. 214.

³ Третьяков П. Н. Расселение древнерусских племен по археологическим данным.— СА, 1937, IV, с. 43.

⁴ Седов В. В. Себежские курганы.— КСИА, 1977, вып. 150, с. 68—73; Подвигина Н. Л. Раскопки курганов в Псковской области.— СА, 1965, № 1, с. 296.

⁵ Шмидт Е. А. Курганы XI—XIII веков..., с. 206.

⁶ Ляйданскі А. Н. Курганы магільнік каля в. Черкасова Аршанскай акру-

гі.— Працы. Менск, 1930, т. II, с. 65, табл. IV, 14, 15.

⁷ Левашова В. П. Браслеты.— Труды ГИМ, 1967, вып. 43, с. 214.

⁸ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода.— МИА, 1959, № 55, с. 249.

⁹ Ляйданскі А. Н. Археалягічныя раскопкі ў м. Заслаўі Менскай акругі.— Працы, Менск, 1928, т. I, табл. XIV, 5; Шмидт Е. А. Курганы XI—XIII веков..., с. 255.

¹⁰ Левашова В. П. Браслеты..., с. 233—235.

¹¹ Шмидт Е. А. Курганы XI—XIII веков..., с. 215, табл. XI, 1—6; Спицын А. А. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова.— МАР, 1903, 29, с. 32, табл. XXII, 25.

- ¹² *Седова М. В.* Ювелирные изделия..., с. 255, 256; *Шмидт Е. А.* Курганы XI—XIII веков..., табл. IX, 16, 17.
- ¹³ *Недошвицкая Н. Г.* Перстни.— Труды ГИМ, 1967, вып. 43, с. 264.
- ¹⁴ *Спицын А. А.* Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского.— МАР, 1896, 20, с. 35.
- ¹⁵ *Spore E., Zarina A.* Sena Selpils. Riga, 1980, att. 178, 21, 24.
- ¹⁶ *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей.— СА, 1958, № 2, с. 110; *Мальм В. А., Фехнер М. В.* Привески-бубенчики.— Тр. ГИМ, 1967, вып. 43, с. 137.
- ¹⁷ *Спицын А. А.* Гдовские курганы..., с. 26, табл. XI, 22; XXI, 10.
- ¹⁸ *Щапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси. М., 1972, с. 83.
- ¹⁹ *Спицын А. А.* Гдовские курганы..., с. 22.
- ²⁰ *Щапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси..., с. 91.
- ²¹ *Сабурова М. А.* Стоячие воротники и «ожерелки» в древнерусской одежде.— В кн.: Средневековая Русь. М., 1976, с. 226—230.
- ²² Пользуюсь случаем поблагодарить М. В. Фехнер за проведенное исследование ткани.
- ²³ *Новицкая М. А.* Золотная вышивка Киевской Руси.— Byzantino-slavica, XXXIII/1. Prague, 1972, с. 46.
- ²⁴ *Новицкая М. А.* Золотная вышивка..., с. 49.

Ю. В. КУХАРЕНКО

ВИДИБОРСКИЕ КУРГАНЫ

Курганы находятся к северо-западу от дер. Видибор Столинского района Брестской обл., на небольшой возвышенности возле болота в урочище Гурки (рис. 1). В группе насчитывается около сорока насыпей, но раньше, по рассказам местных жителей, их было больше. Часть насыпей разрушена в 20-х годах при проведении дороги, другие нарушены крестьянами, бравшими здесь песок.

Курганы небольшие, сферические, высотой до 1 м. Насыпи песчаные, задернованные, в большинстве случаев покрытые кустарником и лесом. Тринадцать из них раскопано в 1956 г. Полесским отрядом Института археологии АН СССР.

Курган 1 высотой 0,7 м, диаметром 6 м. В центральной части насыпи на глубине 0,5 м от вершины обнаружена тонкая зольно-угольная прослойка диаметром 3,3 м. С юга и с северо-востока к ней примыкали три скопления обломков глиняных горшков. Под прослойкой на уровне древней поверхности открыты остатки человеческого скелета, ориентированного с востока на запад.

Все три горшка гончарные, с рифленой поверхностью. Полностью собирается лишь один — высокий горшок, орнаментированный по плечикам волнистой бороздкой (рис. 2, 1). От второго горшка сохранилась верхняя часть, орнаментированная по плечикам вдавлениями, от третьего — несколько обломков стенок.

Курган 2 высотой 0,5 м, диаметром 6 м. Под насыпью в центральной части обнаружена тонкая зольно-угольная прослойка диаметром около 4 м. В пределах этого пятна на уровне древнего горизонта находились остатки человеческого скелета, ориентированного с востока на запад.

Курган 3 высотой 0,6 м, диаметром 5 м. В основании, занимая всю центральную часть кургана, находилась тонкая зольно-угольная прослойка диаметром немногим более 3 м. К востоку от нее найдено несколько обломков гончарного горшка без орнамента. В пределах пятна на уровне древней поверхности находились остатки скелета, вытянутого с востока на запад. Около правого плеча погребенного было небольшое скопление мелких угольков.

Курган 4 высотой 0,5 м, диаметром 6 м. Под насыпью в центральной части на уровне древнего горизонта находились остатки скелета (головой на запад), по-видимому, женщины. Слева от скелета, у тазовых костей, обнаружена сердоликовая призматическая бусина (рис. 3, 2). Вокруг остатков скелета тонким слоем лежали зола и угольки, а у головы — несколько обломков гончарного горшка.

Курган 5 высотой 0,7 м, диаметром около 6 м. Северо-западная часть насыпи разрушена. В основании, занимая центральную часть кургана, находилась тонкая зольно-угольная прослойка диаметром около 4 м, в пределах которой на уровне древнего горизонта обнаружены остатки скелета. Покойник лежал в вытянутом положении, головой на запад. У берцовых костей обнаружены железный нож (рис. 3, 1) и обломок железного предмета.

Курган 6 высотой 0,4 м, диаметром 6 м (рис. 4). Под насыпью, занимая всю центральную часть, находилась тонкая зольно-угольная прослойка диаметром около 4 м. В ее центре на уровне древнего горизонта обнаружен плохо сохранившийся скелет пожилого человека, по-видимому, мужчины, лежавший на спине в вытянутом положении, головой на юго-запад. У тазовых костей находились бронзовая пряжка с железным язычком (рис. 3, 4) и железное кольцо (рис. 3, 5). Слева от костяка стоял гончарный горшок с рифленой поверхностью (рис. 2, 2). На плечиках его — небольшой рельефный валик, покрытый косой насечкой.

Курган 7 высотой 0,7 м, диаметром 7 м. На уровне древнего горизонта в центральной части кургана находилась тонкая зольно-угольная прослойка диаметром около 4 м. Остатков погребения не обнаружено: по-видимому, кости сгнили.

Курган 8 высотой 0,3 м, диаметром 5 м. В центральной части кургана обнаружена тонкая зольно-угольная прослойка в виде прямоугольного пятна размером 3×2 м, вытянутого с востока на запад. В северо-западной части ее стоял глиняный гончарный горшок с рифленой поверхностью (рис. 3, 6). В центральной части пятна на уровне древнего горизонта находились остатки скелета, ориентированного головой на запад.

Курган 9 высотой 0,5 м, диаметром 5 м. Под насыпью в центральной части находилась тонкая зольно-угольная прослойка в виде овального пятна размером около 2×1 м, вытянутого с северо-востока на юго-запад. В пределах пятна на уровне древнего горизонта обнаружены остатки скелета и обломок железной поделки.

Курган 10 высотой 0,5 м, диаметром 5 м. Как и в кургане 9, под насыпью в центральной части находилась тонкая зольно-угольная прослойка в виде овального пятна размером около 3×2 м, вытянутого с севера на юг. В пределах пятна на уровне древнего горизонта находились остатки костяка. Покойник лежал на спине головой к западу. Возле костей правой руки найден бронзовый перстень (рис. 3, 3). У северо-восточной части зольно-угольного пятна лежали обломки глиняного гончарного горшка с рифленой поверхностью.

Курган 11 высотой 0,5 м, диаметром 5 м. Под насыпью в центральной части находилась тонкая зольно-угольная прослойка диаметром около 3 м. В ее пределах на уровне древнего горизонта обнаружены остатки скелета, ориентированного головой на запад.

Курган 12 высотой 0,5 м, диаметром 6 м. Под насыпью в центральной части обнаружена тонкая зольно-угольная прослойка диаметром около 4 м. В ее пределах на уровне древнего горизонта находились остатки

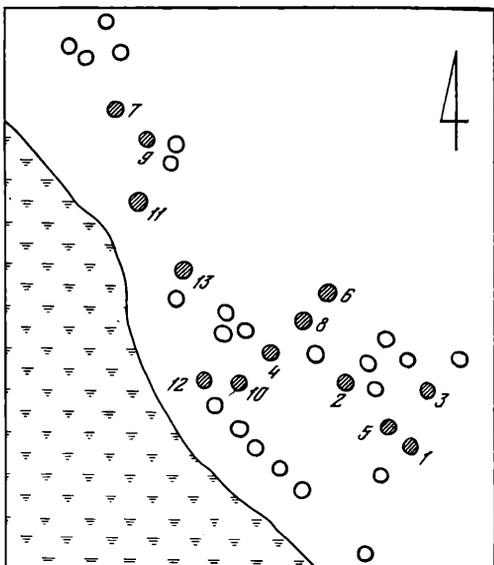

Рис. 1. Схематический план расположения курганов близ с. Видибор (номера обозначены курганы, раскопанные в 1956 г.)

Рис. 2. Глиняные сосуды из курганов 1 и 6

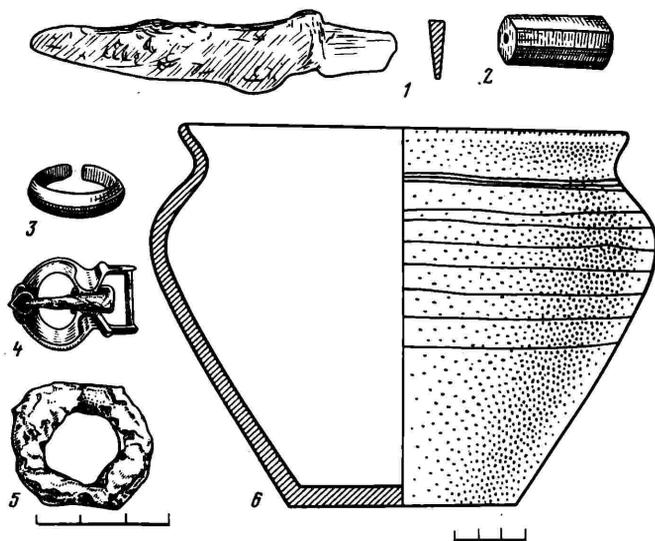

Рис. 3. Вещи из курганов

1 — курган 5; 2 — курган 4; 3 — курган 10; 4, 5 — курган 6; 6 — курган 8
1, 5 — железо; 2 — сердолик; 3—4 — бронза; 6 — глина

скелета, лежавшего на спине, головой на запад с небольшим отклонением к юго-западу. Справа у черепа — обломки гончарного горшка с рифленой поверхностью. Плечики орнаментированы волнистой бороздкой.

Курган 13 высотой 0,4 м, диаметром 4 м. Под насыпью в центральной части кургана находилась тонкая зольно-угольная прослойка в виде овального пятна размером 2,5×1,5 м, вытянутого с востока на запад. В пределах пятна на уровне древнего горизонта расчищены остатки скелета.

В насыпях почти всех курганов встречались небольшие обломки глиняных лепных сосудов. Часть из них представлена зарубинецкими и пражскими типами, остальные — маловыразительные. В насыпи кургана 6 найден кремневый скребок. Толщина зольно-угольных прослоек в курганах никогда не превышала 3—5 см. В кургане 1 такая прослойка нахо-

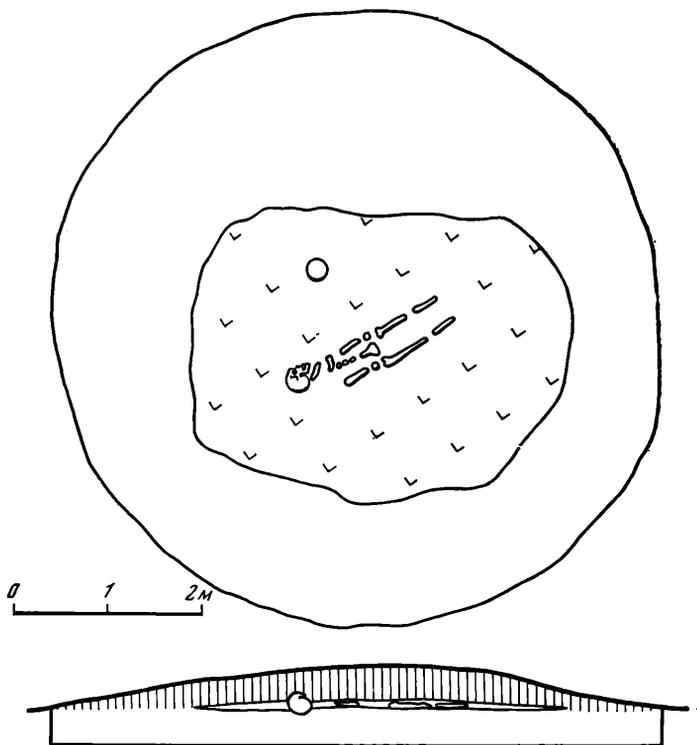

Рис. 4. План и разрез кургана 6

дидась в насыпи, т. е. над покойником, в остальных эти прослойки залежали под насыпью, т. е. на уровне захоронения.

Судя по особенностям погребального обряда и вещам, курганы следует считать древлянскими и датировать XI в. н. э.

П. Г. ГАЙДУКОВ

ИЗОБРАЖЕНИЕ НА НОВГОРОДСКИХ ПУЛАХ

Загадочное изображение на новгородских пулах уже почти 150 лет привлекает к себе внимание нумизматов, вызывая противоречивые толкования. Вот описания, сопровождающие публикации этих монет.

А. Д. Чертков: «(кажется) голова в шапке; быть может, кувшин?»¹

С. Шодуар: «Голова с шапкою, с горшком или кружкою на голове, как кажется, в круге из бусов»².

Я. Я. Рейхель: «In einem Perlkreise ein rundes Gefäß, mit zwei Ausschnitten am Rande»³. (В круге из бусов круглый сосуд с двумя вырезами по краям.)

Ф. Ф. Шуберт: «Tête en face, avec un bonnet, à l'entour un c. de grèn»⁴. (Голова в фас, с колпаком; вокруг точечный ободок.)

Д. П. Сонцов: «кувшин в кружке из точек»⁵.

Э. Гуттен-Чапский описал две монеты: № 242: «...как бы голова... в четырехугольной шапке»; № 243: «Подобная № 242, но голова более похожа на кувшин, чем на голову...»⁶.

И. И. Толстой, перечислив все высказывавшиеся ранее мнения, заключает: «Я считаю несомненным, что изображение это — не что иное, как грубая увеличенная копия головы фигуры великого князя, находящейся на деньгах»⁷.

А. В. Орешников: «Непонятный предмет, напоминающий сосуд»⁸. Единственную попытку более-менее аргументированной расшифровки

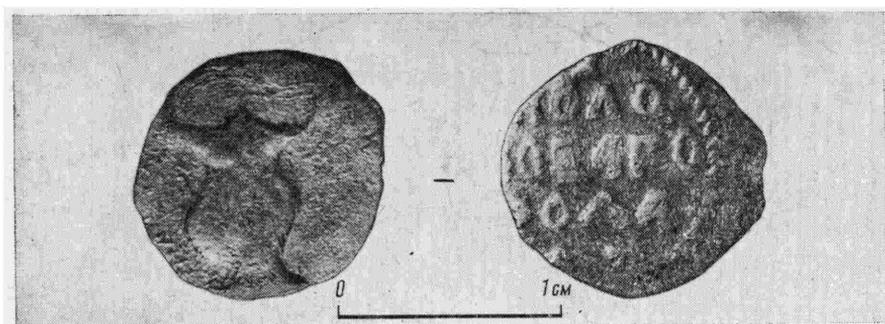

Рис. 1. Новгородское пуло конца XV в. с загадочным изображением

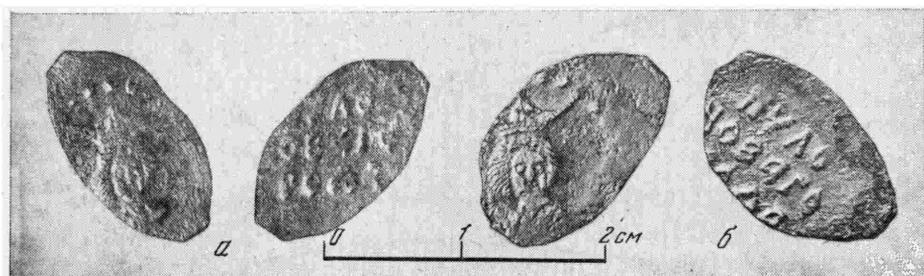

Рис. 2. Новгородские пулы конца XV в. с изображением головы Софии Премудрости божией (а, б)

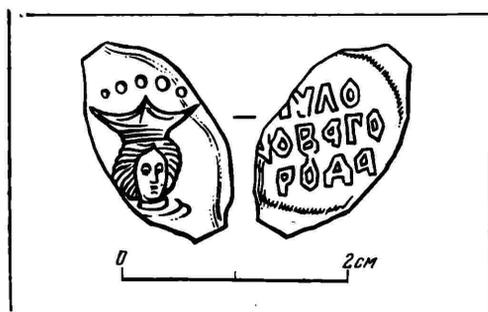

Рис. 3. Прорись новгородского пула конца XV в. с изображением головы Софии Премудрости божией

смысла изображения на рассматриваемых пулах предпринял А. Г. Голиков в 1925 г. Приведа все существующие описания и полагая, что И. И. Толстой «подходит вернее всех к решению этого вопроса», он заключил, что «это почти правильное мнение ... звучит не с полной убедительностью»⁹. Отметив далее, что Новгород начал чеканить серебряную и медную (?) монету в 1420 г., а Псков — между 1423 и 1425 гг., А. Г. Голиков пишет о том, что все эти республики имели прочные торговые связи с немецким городом Дерптом, в котором в это время архиепископом был Дитрих III Реслер (1413—1438 гг.). Монеты этого правителя находились в денежном обращении Новгорода и Пскова до введения там собственной монеты. А. Г. Голиков присоединяется к ранее высказанной И. И. Толстым точке зрения о том, что изображение Дитриха III Реслера на монетах явилось прототипом изображения на псковских монетах¹⁰. «Что же касается новгородского пула,— пишет он,— то совершенно ясно, что денежники Новгорода просто взяли на образец голову с серебряного артигера архиепископа Дитриха III Реслера и награвировали ее крайне грубо в профиль...»¹¹. В завершение А. Г. Голиков пишет, что он видел «экземпляр новгородского пула превосходной и крайне редкой сохранности, где совершенно ясно видно очертание в профиль головы с длинными волосами, в епископской шапке, напоминающей кардинальскую»¹².

Доводы А. Г. Голикова о заимствовании новгородского сюжета с прибалтийских монет неубедительны. Маленькие легковесные пулы, в том

числе и новгородские, начали чеканить не раньше 80—90-х годов XV в.¹³ Ни о каком заимствовании изображения с монеты первой трети XV в., тем более с изображением католического священнослужителя, не может быть и речи.

Рассматриваемые монеты — самый многочисленный тип новгородских пул. Действительно, они несут неясное изображение. Хорошо виден лишь его контур, абсолютно лишенный деталей (рис. 1). Причем этот контур примерно одинаков на монетах как хорошей, так и плохой сохранности. Видимо, большинство монет этого типа было отчеканено уже слегка деформированными штемпелями, быстро утратившими детали изображения. По монетам такого типа говорить что-нибудь определенное о этом изображении до недавнего времени было невозможно.

В 1979 и 1980 гг. новгородский коллекционер А. Ф. Петров на берегу Волхова в Новгороде нашел два пула с очень хорошими по сохранности изображениями¹⁴. Обе монеты обнаружены на полуострове, напротив гребной базы, расположенной на Торговой стороне. Несколько лет назад очистили дно реки и извлеченный при этом слой свозили сюда на пустынный берег. Таким образом, эти монеты, судя по месту очистки дна, следует связывать с берегом Волхова между аркой Ярослава дворища и гребной базой.

Описание монет.

Л. с. Женская голова в фас с пышными волосами в венце с тремя зубцами.

О. с. Трехстрочная надпись в линейном ободке:

«ПУЛО НОВАГО РОДА»

Вес монет по 0,38 г. Размеры 16×9 мм и 16×10 мм (рис. 2, 3).

Работа резчика штемпеля очень тонкая. На небольшом по размерам изображении хорошо видны глаза, нос, щеки. Изображение не схематичное, а реалистическое: мастерски переданы черты женского лица, волосы изображены не просто общим контуром, а линиями, венец на голове имеет три зубца. Под изображением находится несколько точек от ободка. Надпись оборотной стороны этих монет отличается от надписи на новгородских пулах такого типа, во-первых, написанием буквы У (У вместо γ), во-вторых, отсутствием знака ∞ под надписью. Известен один крайне плохой по сохранности экземпляр новгородского пула с оборотной стороной, изготовленной таким же штемпелем¹⁵.

Ближайшие аналогии изображению на лицевой стороне характеризуемых монет находятся на иконах XVI—XVII вв. «София Премудрость божия»¹⁶. В центральной части этих икон помещена сидящая на престоле огнезрочная и огнекрылая дева София в царской одежде и в венце. Голова ее почти точно повторена на монетах. Положение головы, прическа, черты лица говорят о родстве изображений на иконах и монетах. Эти иконы принято называть «новгородскими», поскольку композиция их восходит к древнейшей иконе этого типа — Софии из местного ряда иконостаса новгородского Софийского собора¹⁷. Происхождение софийских икон «новгородского» типа относят ко времени не ранее середины XV в.¹⁸

Вопрос об изображении на новгородских монетах XV в. Софии Премудрости божией поставлен в нумизматической литературе давно. Только касается он не пул, а серебряных денег. Истолкованию изображения загадочной двухфигурной композиции на новгородках посвящено значительное количество работ¹⁹. Первым идею об изображении на них святой Софии — символического властелина Новгорода — выдвинул П. Л. Гусев²⁰. Развил и продолжил ее А. В. Арциховский, который доказывал, что левая фигура на новгородках характеризует святую Софию, а правая — денежного мастера, подносящего божеству образцы своей продукции²¹. М. А. Львов подверг эту теорию основательной критике, отмечая, что к 1420 г. (начало чеканки серебряных новгородских денег) иконографический тип святой Софии еще не сложился. Разобрав историю складывания в древнерусской живописи образа Софии, он пришел к выводу о том, что храмовая икона Софии новгородского Софийского собора отно-

сится к XV в. и написана, по всей видимости, в Москве, а в Новгород попала лишь после потери им независимости (т. е. после 1478 г.)²².

Икона «София Премудрость божия», находящаяся в новгородском Софийском соборе детально еще не изучена. Утверждать ее московское происхождение, вероятно, преждевременно. М. А. Львов, говоря об иконе из новгородского Софийского собора, анализирует и приводит прорисовку совершенно другой иконы²³, поэтому его выводы не могут быть вполне правомерными. По мнению Э. А. Гордиенко, новгородская софийская икона написана во второй половине XV в. и является древнейшей из икон этого типа²⁴. Новгородские денежные мастера в конце XV в. могли позаимствовать с этой или подобной иконы сюжет для новой денежной единицы — пула, введенной в это время в городе. В Москве эти иконы появляются в более позднее время. В. И. Антонова считает, что «распространение в Москве икон „Софии Премудрости божией“, патронального изображения Софийского собора в Новгороде можно связать со временем митрополита Макария (1542—1563 гг.), бывшего ранее, в 1526—1542 гг., архиепископом Новгородским»²⁵. О том, что эти иконы в большинстве своем появляются в Москве с середины XVI в., писала и А. И. Яковлева²⁶.

Таким образом, копирование денежными мастерами сюжета для изображения на пулах, обращавшихся в городе, где культ Софии был очень сильно развит, неудивителен. Появление же этого сюжета — олицетворения Новгородской республики — в городе, потерявшем свою независимость, не должно удивлять. Культ Софии продолжал оставаться в Новгороде основным, и после включения его в состав Русского централизованного государства «московский великий князь его не запрещал, наоборот, сам в нем участвовал...»²⁷ — писал А. В. Арциховский. Новгородские пулы с изображением лица святой Софии — еще одно подтверждение этому.

¹ *Чертков А. Д.* Описание древних русских монет. М., 1834, с. 149, № 309.

² *Шодур С.* Обозрение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древних времен. СПб., 1841, ч. II, с. 285, № 3031.

³ *Die Reichelsche Münzsammlung in St.-Petersburg, 1842, 1, S. 357, 4278—4279.*

⁴ *Catalogue du cabinet des Monnaies et Medailles Russes de F. F. Schubert. Carlsruhe, 1857, p. 9, 66.*

⁵ *Сонцов Д. П.* Деньги и пулы древней Руси, великокняжеские и удельные. М., 1860, с. 61, № 22.

⁶ *Гуттен-Чапский Э.* Удельные, великокняжеские и царские деньги древней Руси. СПб., 1875, с. 53.

⁷ *Толстой И. И.* Русская допетровская нумизматика. Монеты Великого Новгорода. СПб., 1884, вып. 1, с. 141, 142, № 386.

⁸ *Орешиников А. В.* Русские монеты до 1547 г. М., 1896, с. 14, № 52.

⁹ *Голиков А. Г.* Кувшин.— Советский коллекционер. 1925, № 16, с. 9, 10.

¹⁰ *Толстой И. И.* Русская допетровская нумизматика, вып. 2. Монеты псковские. СПб., 1886, с. 22—24. Я. Я. Рейхель также объясняет происхождение изображения на лицевой стороне псковских монет от дерптских (*Die Reichelsche Münzsammlung, S. 358, прим. к № 4282—4304*).

¹¹ *Голиков А. Г.* Кувшин, с. 10.

¹² Там же.

¹³ *Гайдуков П. Г.* Медные русские монеты конца XV—XVI вв.— В кн.: Нумизматика и эпиграфика. М., 1983, т. XIV.

¹⁴ Пользуясь возможностью принести благодарность А. Ф. Петрову, представившему монеты для публикации.

¹⁵ *Гайдуков П. Г.* Медные русские монеты..., см. тип III новгородских пул.

¹⁶ *Антонова В. И., Мнева И. Е.* Гос. Третьяковская галерея: Каталог древнерусской живописи XI—начала XVIII вв. М., 1963, т. II, с. 100, 101, № 482, илл. № 28; Древнерусская живопись. Новые открытия: Каталог. Вологда, 1978, с. 17, № 31, илл. на с. 47; *Рыбаков А. А.* Художественные памятники Вологды XIII—начала XX века. Л., 1980, № 117.

¹⁷ *Яковлева А. И.* «Образ мира» в иконе «София премудрость божия». В кн.: Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М., 1977, с. 388; *Антонова В. И.* Древнерусское искусство в собрании Павла Корина. М., 1966, с. 58.

¹⁸ *Яковлева А. И.* «Образ мира» в иконе..., с. 388.

¹⁹ Обзор библиографии по этому вопросу см.: *Львов М. А.* Еще раз к вопросу об изображении на новгородских монетах.— В кн.: Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977, с. 12—18.

²⁰ *Гусев П. Л.* Символы власти в Великом Новгороде.— Вестник археологии и истории. СПб., 1911, вып. XXI, с. 105—113.

²¹ *Арциховский А. В.* Изображение на новгородских монетах.— Известия АН СССР. Серия ист. и философ., 1948, I, с. 99—106.

²² *Львов М. А.* Еще раз к вопросу..., с. 24—30.

²³ Из Архангельского собора Московского Кремля (*Львов М. А.* Еще раз к вопросу..., с. 29). Прорись этой иконы очень близка иконе XVI в. из Благовещенского собора Московского Кремля, опубликованной *А. И. Яковлевой* (*Яковлева А. И.* «Образ мира» в иконе..., с. 389).

²⁴ Приношу благодарность Э. А. Гордиенко за информацию по интересующему вопросу.

²⁵ *Антонова В. И.* Древнерусское искусство в соборании Павла Корина, с. 58.

²⁶ *Яковлева А. И.* «Образ мира» в иконе..., с. 404.

²⁷ *Арцизовский А. В.* Изображение на новгородских монетах, с. 102.

М. Д. ПОЛУБОЯРИНОВА

ДВЕ КОСТЯНЫЕ ПЕЧАТИ ИЗ БОЛГАРА

В 1980 г. в Болгаре на раскопе LXXVII найдена костяная печать. Раскоп помещался в той части городища, которая была окраиной домонгольского города и входила в центральные ремесленные районы Болгара золотоордынского периода. Печать обнаружена в яме 4, относящейся к позднезолотоордынскому времени (вторая половина XIV — начало XV в.).

Находка представляет собой фигурку, похожую на шахматную, сложного профиля, выточенную на токарном станке (рис. 1). Высота печати 2,5 см, диаметр основания 1,7 см, диаметр круглой «головки» 0,9 см. В «головке» имеются три отверстия от двух каналов — горизонтального и доходящего до него вертикального, служивших для продевания шнура, на котором подвешивалась печать, и для закрепления ее с помощью узла.

На круглом основании печати вырезано изображение хищника из семейства кошачьих, по-видимому, барса. Зверь повернут вправо с поднятой когтистой передней лапой, с изогнутым над спиной хвостом, оканчивающимся составленной из трех штрихов кисточкой. Тело зверя с перехватом в средней части покрыто штриховкой, имитирующей шерсть. Глаз отмечен большой точкой. На концах ушей также помещены точки, возможно изображающие кисточки. Фигура зверя хорошо вписана в пространство — он как бы идет по кругу. Резьба тонкая и выразительная — это работа умелого мастера.

Подобная печать уже была найдена в Болгаре в 1951 г. (рис. 2) ¹. Она очень близка по форме к характеризуемой, но меньших размеров: высота 2 см, диаметр основания 1,2 см, диаметр «головки» 1 см. Канал один, он идет наклонно от отверстия сверху к отверстию под «головкой». На круглом основании печати вырезано изображение птицы также с поднятой лапкой, как бы идущей по кругу вправо. Одно крыло поднято вверх, другое, опущенное вниз, помещено под телом птицы. Крылья кончаются тремя зубцами, имитирующими оперение. От верхнего крыла отходят еще три штриха — длинные перья. Большой клюв загнут вниз. Хвост разделен на три лопасти, расходящиеся веером.

Костяные печати-матрицы такого рода иногда встречаются и на других средневековых городищах европейской части СССР, в том числе на древнерусских памятниках. Близкие болгарским по форме печати найдены в Серенске (дата стратиграфически неопределима) ², Новгороде (в слое второй половины XIV в.) ³, Старой Рязани (в комплексе середины XIII в.) ⁴, на домонгольском городище Дуна ⁵. На серенской печати изображена птица, на новгородской — зверь, на рязанской — св. Георгий, с городища Дуна — архангел.

Изображение зверя с завернутым вверх хвостом, с поднятой передней лапой с большими когтями, помимо упомянутой новгородской костяной печати, где зверь по манере изображения не похож на болгарского, встречается на древнерусских свинцовых печатях и на монетах XIV—XV вв. Наиболее близки барсу с болгарской печати изображения на анонимных

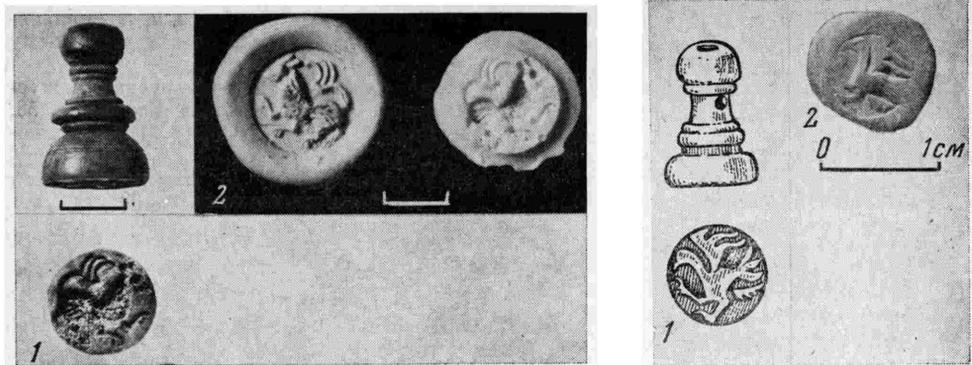

Рис. 1. Печать, найденная в 1980 г.

1 — вид сбоку и снизу; 2 — оттиски изображений

Рис. 2. Печать, найденная в 1951 г.

1 — вид сбоку и снизу; 2 — оттиск изображения

новгородских буллах второй и третьей четверти XV в., относимых В. Л. Яниным к посадникам и тысяцким⁶. Сходные в некоторых деталях фигуры зверей появляются на тверских монетах первой четверти XV в., на городецких и московских середины XV в., на суздальско-нижегородских второй половины XIV в.⁷

Фигуры зверей широко встречаются и в восточном прикладном искусстве, в частности в Болгаре в 1980 г. была найдена маленькая медная пластинка с гравированным изображением зверя, похожим на печати по манере изображения туловища — сужением в средней части, хотя на этом сходство кончается⁸. Похожий зверь есть также на болгарском перстне из коллекции Лихачева⁹. На золотоордынских монетах встречаются изображения только львов.

Изображения птиц имеются на нескольких русских костяных печатях — из Серенска, Новгорода (рубеж XV—XVI вв.)¹⁰, Белоозера (середина XIII в., вырезана от руки, конусовидной формы с ушком, изображение птички примитивное)¹¹. На серенской печати птица также идет по кругу с поднятым вверх одним крылом, но манера изображения там ближе к домонгольской белокаменной резьбе, серебряным наручам, викижской арке и др.

На древнерусских свинцовых печатях изображения птиц относятся к середине XV в. По отдельным деталям — загнутому клюву, трехчастной форме хвоста, положению крыльев — среди них есть близкие птице на болгарской печати¹². На русских монетах изображения птиц встречаются значительно чаще, чем зверей; датируются они также концом XIV—XV вв. Здесь также можно проследить сходство в деталях с птицей на болгарской печати — форма головы, шеи и клюва такие же, как на монетах великих и удельных князей конца XIV в. — первой четверти XV в.¹³, положение крыльев тождественно на монетах Василия Васильевича Темного (1425—1462 гг.) и на тверских монетах начала XVI в.¹⁴

Редко встречающиеся птицы на золотоордынских монетах — либо двуглавые орлы, либо павлины — совершенно не похожи на птицу с болгарской печати¹⁵.

Таким образом, обе костяные печати с изображением зверя и птицы, найденные в Болгаре и датирующиеся второй половиной XIV — первой четвертью XV вв., находят ближайшие аналогии на Руси, как по форме, так и по сюжетам изображения. В Золотой Орде, частью которой в это время была Волжская Болгария, костяные печати пока не найдены, если не считать одну неопубликованную печать из Увека, хранящуюся в Эрмитаже, на которой читается русское имя владельца, т. е. также без-

условно русскую¹⁶. Можно предположить, с известной долей вероятности, что анализируемые здесь печати попали в столицу Волжской Болгарии как личные вещи русских людей или как предмет русской торговли.

¹ ГИМ, оп. 1201, инв. № 83523, № 2333а (найдена в раскопе I, шт. 3, уч. 32).

² *Полубояринова М. Д.* Костяная печать из Серенска.— КСИА, 1971, вып. 125, с. 95—97, рис. 33.

³ Фотография этой печати любезно предоставлена мне А. Ф. Медведевым.

⁴ *Даркевич В. П.* Раскопки в Старой Рязани.— АО 1971 г., 1972, рис. на с. 102.

⁵ *Гендуке Ю. Г.* Городище Дуна. СПб., 1903, с. 20.

⁶ *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси. М., 1970, т. II, с. 132, № 734, 735, 737, 738.

⁷ *Орешников А. В.* Русские монеты до 1547 г. М., 1896, табл. III, 99; V, 198—201; VII, 286, X, 479; XV, 727; XVI, 775.

⁸ *Аксенова Н. Д., Полубояринова М. Д., Полякова Г. Ф., Хлебникова Т. А.* Работы в Болгарах — АО 1980 г. М., 1981.

⁹ 1-е издание Археологического атласа А. Ф. Лихачева. Казань, 1923, табл. XV, 14.

¹⁰ *Янин В. Л.* Печати из Новгородских раскопок 1955 г.— МИА, 1959, № 65, с. 304.

¹¹ *Голубева Л. А.* Вель и славяне на Белом озере. X—XIII вв. М., 1973, рис. 37, 3 а—в.

¹² *Янин В. Л.* Актовые печати..., № 592, 724, 727.

¹³ *Орешников А. В.* Русские монеты..., табл. XX, 906.

¹⁴ *Орешников А. В.* Русские монеты..., табл. X, 453; VI, 231.

¹⁵ *Янина С. А.* Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах в 1946—1952 гг.— МИА, 1954, № 42, № 133, 140; *Она же.* Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1953—1954 гг.— МИА, 1958, № 61, рис. 3, № 124 а и б.

¹⁶ Любезное сообщение М. Г. Крамаровского.

В. А. БУЛКИН, О. В. ОВСЯННИКОВ

О ДВУХ ПАМЯТНИКАХ КАМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ КОНЦА XVII — НАЧАЛА XVIII ВВ. В НИЖНЕМ ПОДВИНЬЕ

Храм во имя Троицы, построенный в 1682—1690 гг. на Ухт-острове, около Холмогор,— одно из выдающихся произведений северо-русских каменщиков, первая каменная церковь возведенная с благословения первого архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия, сподвижника Петра I. Разрешение на постройку храма архиепископ сопровождает целым рядом оговорок, свидетельствующих о том, что его взгляды на архитектуру отличаются традиционализмом никоновского толка (подчеркивается, чтобы верх Троицкой церкви не был шатровый, чтобы алтари были сделаны круглыми, причем эти требования распространяются и на придельный храм во имя Алексея Божия человека)¹. «По древнему обычаю» регламентирует Афанасий и детали церковного интерьера — устройство царских врат, расположение икон; указывает образец креста для придельной церкви, который должен быть «подобием таков, каков крест золотый на Москве на соборной церкви Благовещения Пресвятыя Богородицы на Большой главе».

В начале XX в. Троицкая церковь пришла «в совершенную ветхость», что побудило в 1911 г. Архангельскую духовную консисторию обратиться в Археологическую комиссию с просьбой разрешить ремонт. Весной 1912 г. архангельским гражданским архитектором А. А. Каретниковым был составлен акт технического осмотра Троицкого храма об аварийном состоянии здания — по южной стене прошли сквозные трещины сверху донизу (лопнула железная связь), в плохом состоянии были арки под юго-восточным и юго-западным барабанами. Причину разрушения постройки А. А. Каретников видел в слабости фундамента (фундамент сложен из бутового камня насухо, верхние два ряда — на глине)². В ЦГИА СССР авторы обнаружили обмерные чертежи Троицкой церкви,

выполненные в 1912 г. А. А. Каретниковым в связи с предполагаемым капитальным ремонтом³.

Судя по этим материалам плановое и объемно-пространственное решение здания не отличалось оригинальностью и явно тяготело к тем архитектурным образцам, которые в конце XVII в. пользовались особым почитанием. Церковь со времен Никона поощряла строительство таких храмов. На Севере же этот тип храма в 4- и 6-столпном варианте получил широкое распространение еще в XVI в. (собор Спасо-Прилуцкого монастыря и Софийский собор в Вологде, собор Антониева-Сийского монастыря и др.). Ориентацией на общие образцы можно объяснить близость Троицкого храма таким постройкам Каргополя конца XVII в., как Благовещенская церковь и Воскресенский собор. Еще большее сходство обнаруживается в оформлении фасадов. Здесь выявляется не только один и тот же принцип соотношения стены и декора, сосредоточенного прежде всего в обрамлениях дверных и оконных проемов, закомар и карнизов, но и явная близость в построении общих схем декора, совпадение отдельных орнаментальных мотивов, наконец, бесподобная легкость, с которой мастера, работающие в одном случае с известняком, в другом с кирпичом создают свои изысканные фантазии в камне.

К началу XX в. Троицкий храм, судя по обмерам А. А. Каретникова, уже утратил некоторые элементы первоначальной композиции. Так был разобран одноглавый придел во имя Алексея Божия человека, упоминаемый еще в описи здания в 1814 г.⁴

Основная задача архитектурно-археологических работ, проведенных на Ухт-острове в 1976 г., заключалась как в изучении строительной техники, так и в поисках остатков северного придела, уже утраченного к 1912 г.

В настоящее время от Троицкого храма сохранилась своеобразная «платформа» высотой до 2 м, которая представляла собой цоколь здания, облицованный белым камнем. Белокаменный, со сложной профилировкой цоколь сохранился на северном и южном фасадах постройки.

В раскопке у северо-восточного угла храма были протрассированы часть северной апсиды храма и почти вся придельная церковь (рис. 1, 1). Апсида придельной церкви начиналась от северо-восточного угла основной церкви, кладка была приложена впритык к белокаменному профилированному цоколю. Фундамент придельной церкви сложен из плитняка насухо (глубина заложения фундамента 2 м, ширина — 2,3 м), от уровня обреза фундамента начиналась кладка цоколя. Первый ряд белокаменной кладки цоколя сохранился фрагментарно лишь на северной стороне придельной церкви. Таким образом, цоколь пристройки был так же, как и у основного храма, облицован белым камнем, лицевая поверхность которого гладко отесана. Однако выше цоколя придел был сложен из кирпича, сохранился небольшой кусочек собственно стены предела у юго-западного угла (ширина стены 100—105 см). Размер придельной церкви 9×12 м. Придел во имя Алексея Божьего человека был построен, как видно из характера прикладок, уже после окончательного возведения основного объема собора, но также в конце XVII в.

Неожиданностью явилось открытие у западного фасада собора большой первоначальной паперти (табл. 1). Остатки фундамента паперти прослежены в шурфах у северо-западного и юго-западного углов храма, а также по трассе западной стены паперти. Паперть имела фундамент, сложенный из плит насухо (ширина фундамента 2,1 м). Стена паперти была шириной 1,2 м. Паперть имела белокаменный цоколь. По углам пристройки были, вероятно, небольшие лопатки, пара лопаток обнаружена на западном фасаде паперти. Позднее первоначальная паперть была разобрана и частично использована при постройке более поздней небольшой паперти (стенки этой паперти, зафиксированные обмерами А. А. Каретникова, были сложены впритык как к основному объему храма, так и к стене первоначальной паперти). После обнаружения первоначальной паперти стало понятно, почему весь западный фасад цоколя собора не был облицован тесаным камнем — его закрывала паперть.

В ходе архитектурно-археологических работ были выяснены и уточнены некоторые строительные детали. Было установлено, что фундамент собора сложен из булыжника, насухо, высота его 1,15—1,20 м, ширина 2,8 м (табл. I, 1, 2). На дне шурфа открыты остатки деревянного гроба, потревоженного во время рытья фундаментного рва. Это захоронение относится, по всей видимости, ко времени существования предшествующей, деревянной, церкви. Снаружи храма, от линии обреза фундамента начинается белокаменный цоколь, завершающийся профилированным фризом (табл. I, 2). Приблизительно от этого уровня начиналась кирпичная кладка храма. Храм не имел подклета, внутреннее помещение его было засыпано до уровня плитяного пола, лежащего на песчаной подсыпке (верхний уровень цоколя и уровень пола приблизительно совпадали). В результате архитектурно-археологических работ, таким образом, удалось восстановить первоначальный план одной из немногих построек конца XVII в.

В холмогорской округе — в с. Вавчуге в 1980 г. проводились поиски и исследования еще одного памятника северной каменной архитектуры — церкви Иоанна Предтечи, построенной в первые годы XVIII в. Северное село Вавчуга вошло в историю отечественного торгового судостроения как первая российская судоверфь. Здесь бывал Петр I. Храм Иоанна Предтечи возводился непосредственно «тщанием» владельцев судоверфи-Бажениными.

Храм был построен на высоком взгорье, примерно в полукилometре к северу от берега Северной Двины и к северо-востоку от старинного дома Бажениных. Постройка не сохранилась. Ныне на месте разобранной в 30-х годах церкви расположено деревянное здание, что в значительной мере осложняло проведение архитектурно-археологических работ.

При осмотре территории вокруг этой постройки были обнаружены многочисленные признаки каменного здания, стоявшего на этом месте: фрагменты известняковых плит, кирпичный бой, из-под слабого дернового покрытия кое-где просматривались каменные плиты довольно больших размеров, возможно, находившихся в кладке *in situ*. По склонам холма были встречены обломки белокаменных надгробий. Любопытен фрагмент надгробной плиты 1733 г. с именем Никифора Баженина — основателя верфи.

Визуальные наблюдения позволили сделать предварительные заключения о возможной планировке храма и выбрать наиболее перспективный участок для исследований, таким участком оказалась южная стена храма, трасса которой была наиболее доступной для земляных работ. По этой трассе была заложена траншея, в которой удалось раскрыть почти всю южную стену и часть апсиды каменного храма. Сохранились фундаменты стен и один-два ряда белокаменных плит цокольной части здания (рис. 2, 3). Открытый участок стены членился лопатками на три прясла. Толщина стены вместе с лопатками — до 1,5 м. Внутренняя часть стены имеет забутовку из известняковых, неровно сложенных плит. Фундамент стены заглублен в песчаный материк до 0,75 м и сложен из известняковых колотых плит и мелкого булыжника насухо, лишь верхняя часть фундамента пролита раствором.

В среднем прясле южной стены обнаружены остатки дверного проема — следы южного входа в храм. Белокаменный порог и вымостка перед ним — позднего происхождения (отличаются от белокаменных блоков цоколя характером тески и степенью сохранности) и связаны с позднейшим ремонтом здания. Своими торцами порог примыкает к кирпичным прикладкам, в которых сохранились «четверти» с железными подпятниками для навески дверных полотниц. Сразу за порогом — подсыпка почти из чистой супеси с незначительными вкраплениями кирпичной крошки и раствора. Ниже подсыпки обнаружена «кладка» из неровно колотых мелких плит. Этот уровень, вероятно, фиксирует уровень и характер первоначального пола. От верхнего края порога до первоначального пола 0,35 м. Размеры кирпича в кладке по сторонам проема: 29—32×16—17×8—9 см.

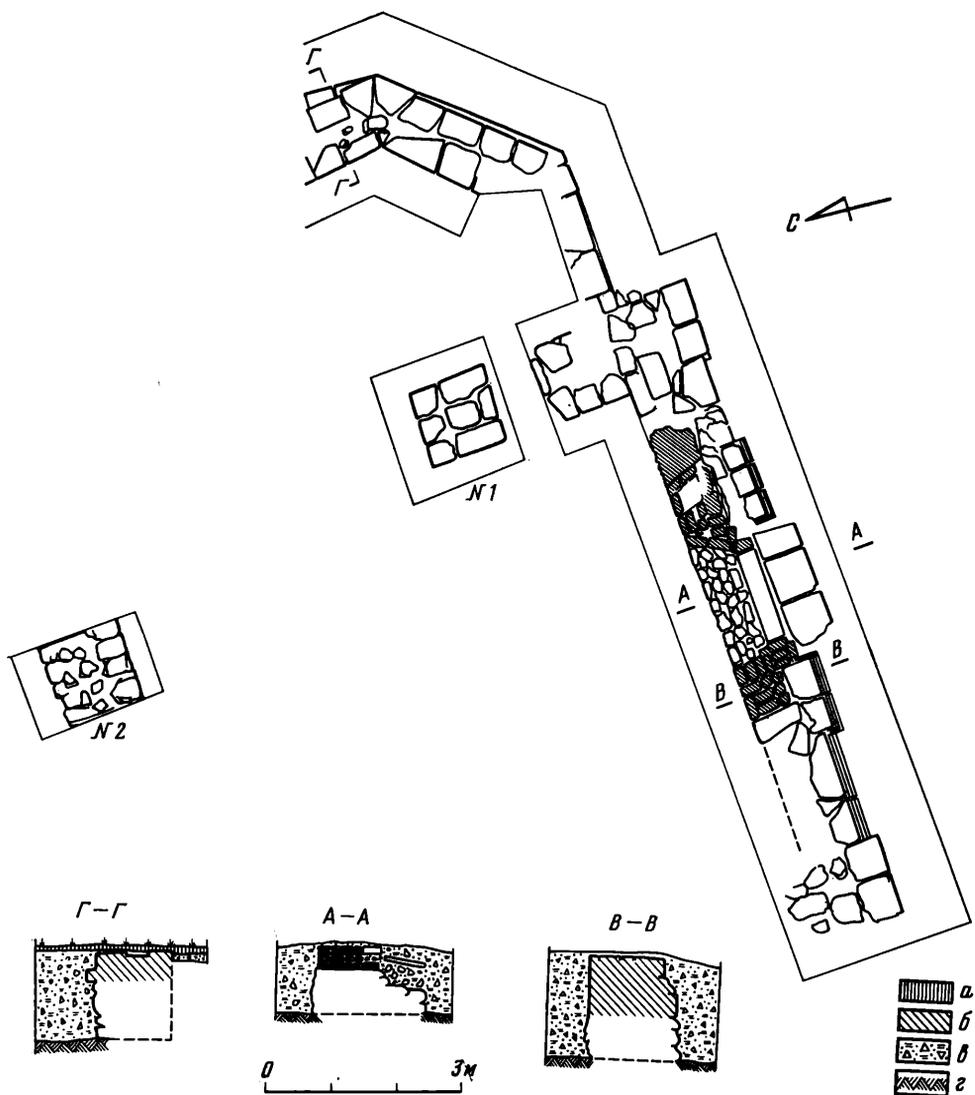

Рис. 2. С. Вавчуга. Храм Иоанна Предтечи. 1710 г. План и разрезы
a — дерн; *b* — кирпичная кладка; *v* — строительный мусор; *г* — материк

Юго-западный угол южной стены сохранился довольно плохо, но можно предполагать, что практически удалось выйти на угол здания.

Кладка апсиды находилась сразу же под дерном. Алтарная часть храма состояла из единственной апсиды пятиугольной формы и занимала почти всю ширину постройки. В ходе работ была раскрыта часть восточной грани апсиды, а также частично юго-восточная и южная грани. Фундамент апсиды сложен из некрупных булыжников и плитняка, он впущен в материк на глубину 0,4–0,5 м от уровня уреза фундамента. Верхняя часть открытой кладки апсиды сложена из известняковых блоков грубоватой тески (блоки неодинаковых размеров), положенных на сером известняковом растворе. Высота сохранившейся кладки (включая фундамент) 0,8–1 м, толщина стены 1,1 м. Верхний ряд известняковых плит положен с небольшим отступом вовнутрь по отношению к нижнему ряду плит, благодаря этому образовалось подобие коколя.

В юго-восточной части храма удалось обнаружить юго-восточный столб (шурф 1). Столб прямоугольной формы, слегка вытянутый по линии С–Ю, размер столба 1,35×1,15 м. Материал и кладка столба, что и

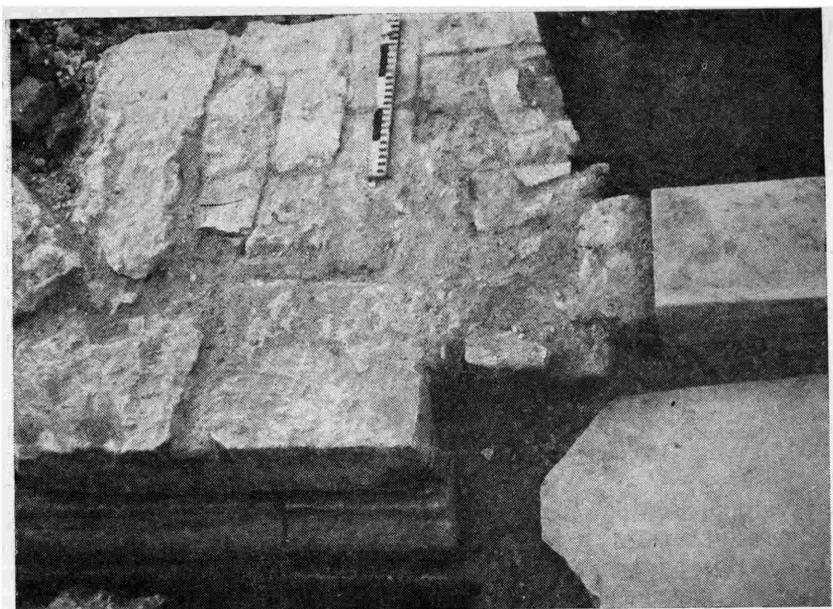

Рис. 3. Храм Иоанна Предтечи. Фрагмент южной стены и портал

в стенах. Столбу соответствует выступ на внутренней стороне южной стены — в линию с западными гранями предалтарных столбов была, вероятно, каменная стена, отделявшая пространство для молящихся от алтаря. Ширина этой стены была 0,9—1 м.

Таким образом, храм Иоанна Предтечи в плане был близок к квадрату, его внутреннее пространство членилось, надо полагать, четырьмя столбами, которые несли центральный барабан. Был храм одноглавым или же вокруг главного барабана группировались декоративные главки — можно только предполагать. Единственная апсида храма имела пятигранную форму и выступала далеко на восток.

По описанию церкви, сделанном в конце XIX в., храм Иоанна Предтечи 1710 г. предстает в виде квадратной палатки, алтарь от храма отделен стеной с двумя пролетами между двух столбов, своды сферические, дугообразные, «утверждение на столпах и двух алтарных столбах», окна продолговатые, в два света³. Судя по этому описанию, стены здания не имели украшений. Однако обнаружение довольно богатого и эффектного резного белокаменного цоколя здания, находки фигурных кирпичей от украшений наличников окон не позволяют согласиться с этим.

Интенсивный завал кирпичного щедня с западной стороны здания подтверждает свидетельство упоминаемого описания о возведении, вероятно в позднее время, с западной стороны храма трапезной.

Оба памятника: и Троицкий собор и Предтеченская церковь относятся к периоду развертывающегося каменного строительства на архангельском Севере и знаменуют собой важный момент в истории северорусского зодчества. В ходе интенсивного строительства конца XVII — начала XVIII вв. в Нижнем Подвинье впервые раскрылись творческие возможности местных мастеров. Возведенные ими здания составили своеобразную группу построек, стилистика которых в целом отвечает нормам древнерусской архитектуры XVII.

¹ Булкин В. А., Овсянников О. В. Из истории каменного строительства в конце XVII в. в Нижнем Подвинье.— В кн.: Средневековая Русь. М., 1976, с. 344—350.

² Рукописный архив ЛОИА АН СССР, д. 1911/54, л. 1.

³ Часть чертежей опубликованы: Булкин В. А., Овсянников О. В. Из истории..., с. 34.

⁴ ГААО, ф. 1404, т. 1, 127, л. 1.

⁵ Рукописный архив ЛОИА АН СССР, Р-III, № 198. Метрика церкви Иоанна Предтечи.

ХРОНИКА

К. В. ПАВЛОВА

СЕКТОР СЛАВЯНО-ФИНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ В 1978—1981 ГГ.

Сотрудники сектора славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР продолжали работать по трем основным, традиционным для сектора проблемам: 1) История славян (руководитель Е. А. Горюнов); 2) История и культура древнерусского города (руководитель П. А. Раппопорт); 3) Средневековые древности Северо-Запада РСФСР (руководитель А. Н. Кирпичников).

Большое внимание в своей работе сектор уделяет изучению средневековых древностей Северо-Запада РСФСР, в частности финно-угорской тематике. Большая часть научных, преимущественно молодых, сотрудников сектора продолжали начатую в предшествовавший период кропотливую работу по сбору, учету, критическому пересмотру и обобщению финно-угорских древностей, накопленных русской и советской археологией, а также сведений письменных источников о финно-уграх и их взаимоотношениях со славянским миром. В истекший период эти вопросы ставились в работе Е. А. Рябина и А. Н. Кирпичникова «Финно-угорские племена в составе древней Руси», в работе А. Н. Кирпичникова «Приладожская лопь» и в работе Н. В. Хвоцинской «Прибалтийско-финские элементы в культуре населения Новгородской земли X—XIII вв. по материалам женского погребального костюма».

В. А. Кольчатов завершил работу по составлению и оформлению каталога погребальных памятников Водской земли, в которой учтено более 7 тыс. погребальных комплексов и составлены карты распространения этих памятников по периодам в пределах XI—XV вв., и написал две отдельных работы о могильниках у деревень Плещевицы и Даймище, на материалах которых им подробно разработана эволюция погребального обряда на территории Водской земли от XII до XIV вв. Задачи каталогизации и систематизации погребальных памятников входят и в завершенную в 1981 г. работу Е. А. Рябина «Костромское Поволжье в XI—XIV вв.», посвященную истории формирования древнерусского населения этого региона, которое в последующем стало одним из основных слагаемых компонентов великорусской (русской) народности. О. В. Овсянников собрал много интересных материалов и успешно работает по теме «Очерки истории культуры средневекового города на русском Севере».

Вопросам истории и археологии Старой Ладogi посвящена работа А. Н. Кирпичникова «Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья» и работа В. П. Петренко о деревянных и костяных изделиях Старой Ладogi по материалам раскопок 1972—1977 гг. близ Варяжской улицы в Старой Ладoge. В. А. Назаренко закончил работу «Курганы Приладожья X—XIII вв.», в которой поставлены вопросы этнической и социально-экономической истории населения Приладожья в X—XIII вв. и работу «Основные проблемы историко-археологического изучения раннесредневекового восточноевропейского Севера», в которой

рассматриваются проблемы ранней истории финноязычных племен (веси, карел, заволочской чуди, коми-коми-зырян и лопи), населявших северные районы Восточной Европы, а также ряд вопросов, связанных с русской колонизацией этих территорий. В работе формулируются основные задачи и оцениваются возможности археологии в этом плане. Е. Н. Носов написал работу «Проблемы происхождения Новгорода в русской и советской историографии», являющуюся введением к более широкой теме о сложении городских центров в Приильменье, и приступил к разработке темы «Новгородское (Рюриково) городище».

В. И. Кильдюшевский завершил работу «Керамика городов Новгородской земли XIV—XVI вв.» и приступил к изучению керамики древнего Пскова.

По проблемам истории и культуры древнерусского города, в которые включены также вопросы истории древнерусской архитектуры, за истекшие 4 года написано несколько крупных работ. Среди них большая обобщающая работа А. Л. Якобсона «Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры» объемом 20 а. л. П. А. Раппопорт завершил и представил к печати работу «Русская архитектура X—XIII вв. (свод археологических источников)» объемом 20 а. л., в которой впервые в советской литературе составлен каталог, критически проверены и сжато изложены сведения о 260 памятниках русского зодчества домонгольского периода, приведена тщательно отобранная библиография, сводные таблицы и чертежи.

Ф. Д. Гуревич завершила монографию «Детинец древнего Новогрудка» объемом 10 а. л., в которой подведены итоги археологического изучения древнего Новогрудка и его округа X—XIII вв. М. В. Малевская написала работу «Зодчество западнорусских земель второй половины XIII—XIV вв.» К. В. Павлова завершила работу «Городище Осовик», в которой по материалам многолетних раскопок освещена история и культура одного из окраинных пунктов городской Смоленской земли XII—XIII вв.

Малыми силами, но успешно, разрабатываются в секторе вопросы истории славян. Е. А. Горюнов завершил и представил к печати работу «Днепровское левобережье в середине и третьей четверти I тыс. н. э.», в которой впервые сведен, источниковедчески проработан и исторически осмыслен большой археологический материал славянских памятников этого периода, добытый в последнее десятилетие, и закончил работу «Памятники колочинского этапа», в которой ставятся некоторые важнейшие вопросы этногенеза славян. Кроме того, им подготовлена к печати работа П. Н. Третьякова «Очерки ранней истории славян», в которой с большой достоверностью воссоздается общая картина исторического развития славян на протяжении почти тысячелетия — с конца I тысячелетия до н. э. до VIII—IX вв. н. э.

Ряд работ выполнен по заданиям дирекции института. Среди них работа А. Н. Кирпичникова «Вооружение древней Руси IX—XIV вв.» (глава для XIII тома «Археологии СССР»), которая является обобщением изучения 7000 предметов вооружения IX—XIV вв., найденных на территории древней Руси. Его же работа «Исследования и публикации научных и научно-исследовательских учреждений в области финно-угорской археологии в 1975—1980 гг.», а также большая работа «Куликовская битва», посвященная 600-летию этого знаменательного в истории нашей страны события. В работе наибольшее внимание уделено малоизученным вопросам реконструкции куликовской битвы, стратегии, тактике боя, вооружению, мобилизации и численности войск, их построению.

Кроме того, по заданию Президиума АН СССР Е. А. Горюновым написан биографический очерк о жизни, научной и общественной деятельности П. Н. Третьякова. В. А. Кольчатов по заданию дирекции ЛОИА АН СССР написал статью «Издательская деятельность РАИМК — ИА АН СССР за период с 1919 по 1979 г.»

Весной 1978 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию Н. В. Хвоцинская — «Западные районы Новгородской земли в начале II тысячелетия н. э. (по материалам погребальных памятников)».

Полевые исследования сотрудников сектора ознаменовались открытием ряда новых памятников. Прежде всего следует отметить открытые впервые Е. А. Горюновым и М. М. Казанским (Днепровская левобережная экспедиция) погребения VI—VII вв. н. э. с вещами «антского» типа у с. Картамышевой Курской обл., а также поселения II—III вв. н. э. и середины третьей четверти н. э. под Обоянью. Большой интерес представляют новые памятники, открытые на северо-западе РСФСР. Среди них открыты О. В. Овсянниковым и В. А. Назаренко могильники XI—XIV вв. на р. Ваге под Каргополом, связанные с освоением русскими Севера, и могильник XI—XII в. у дер. Корбола, принадлежащей «чуди заволчской». А. И. Сакса обнаружил селища и жертвенные камни летописной карелы в Приозерском р-не Ленинградской обл. В. А. Кольчатов исследовал могильники у деревень Даймище и Плещевцы, датирующиеся XIII—XV вв. Е. А. Рябинин проводил разведывательные работы в Кингисепском и Волосовском районах Ленинградской обл. и исследовал могильники в деревнях Бегунцы и Ложковицы, оставленные двумя группами населения: прибалтийско-финским и русским, которые жили здесь в XI в. Ему удалось наметить местоположение чудских погостов.

В Костромской области Е. А. Рябинин выявил несколько курганных групп, где есть еще неразрушенные насыпи. В Старой Ладоге им осуществлена прорезка вала Земляного городища, изучены слои XII—XVI вв., начато изучение нижних наслоений Земляного городища (IX—X вв.).

А. Н. Кирпичников исследовал фортификационные сооружения Гдовской крепости и проводил спасательные раскопки в южной части Новгородского кремля. Обнаружены остатки каменного кремля Новгорода XIV в. (стена длиной 60 м). Е. Н. Носов продолжал раскопки Новгородского (Рюрикова) городища, а К. В. Павлова продолжала раскопки городища Осовик в Брянской обл.

Архитектурно-археологическая экспедиция под руководством П. А. Раппопорта работала в составе трех отрядов. Новгородский отряд (начальник А. А. Пескова) исследовал церкви Иоанна на Опоках, Пантелеймона — под Новгородом, Ильи — на Славне, в основании которой обнаружены и детально исследованы конструкция фундаментов и нижних частей церкви XII в.; Староладожский отряд вел раскопки церкви Климента (начальник О. Большаков). Галицким отрядом (начальник О. Иоаннисян), открыта церковь-квадрифолий на так называемом полигоне в Галиче, построенная в 50—60-х годах XII в. М. В. Малевская изучала памятники архитектуры XIV—XV вв. во Львове, в с. Спас под Львовом и в Старом Самборе. В. И. Кильдюшевский проводил охранные раскопки на «Запсковье» в г. Пскове.

Сектор славяно-финской археологии работает в тесном контакте с археологами Эстонии, Латвии, Белоруссии, Украины, поддерживает дружественные связи с археологами Финляндии. На заседаниях сектора часто заслушиваются доклады по различным вопросам истории и археологии Древней Руси ученых из смежных научных учреждений Ленинграда, археологов из Москвы, Киева, Минска, Львова, Чернигова, Пскова, Новгорода и других городов. Среди них доклад И. К. Лабутиной (Псков) «Новые данные по истории посада Пскова X—XI вв.»; доклад С. В. Семенцова (Ленинград) «О некоторых методах количественного анализа древнерусских летописей»; доклад А. В. Шекуна (Чернигов) «Новые археологические памятники западных районов Черниговской земли»; доклад М. Ф. Рожко (Львов) «Варианты реставрации деревянных укреплений крепости Тустань»; доклад К. В. Алтtoa (Тарту) «Замок Нейгаузен» и др. Большое количество докладов на заседаниях сектора было посвящено вопросам истории древнерусской архитектуры.

В 1978 г. была обсуждена и рекомендована к защите диссертация С. А. Беляевой (Киев) «Южнорусские земли во второй половине XIII—

XIV вв.», а в 1979 г.—диссертация М. Э. Аун (г. Таллин) «Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на юго-востоке Эстонии», которая в мае 1979 г. успешно защищена на заседании специализированного совета ЛОИА. В 1980—1981 гг. сектором были обсуждены, рекомендованы к защите и успешно защищены диссертации Р. В. Терпиловского (Киев) «Население Нижнего и Среднего Подесенья III—V вв. н. э.», М. Б. Миролюбова (Эрмитаж) «Сельскохозяйственные орудия Новгородской земли VIII—XIV вв.», С. С. Минасяна (Эрмитаж) «Раннеславянский хозяйственный инвентарь и его появление в лесной зоне Восточной Европы», Л. Г. Паничевой (Минск) «Изразцы Белоруссии XIV—XVII вв.», К. В. Каспаровой (Эрмитаж) «Хронология зарубинецкой культуры Припятского Полесья», обсуждена и рекомендована к защите диссертация О. А. Трусова (Минск) «Археологическое исследование памятников монументального зодчества X—XIII вв. на территории Белоруссии».

Сотрудники сектора принимают активное участие в региональных, союзных и международных конференциях и симпозиумах. На втором Советско-Финском симпозиуме в Хельсинки А. Н. Кирпичников выступал с докладом «Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья», показав, что город был ремесленным, торговым и административным центром волости, а также податным центром для окрестных финноязычных племен. О. В. Овсянников доложил о результатах раскопок могильника XI—XII вв. у дер. Корбола на р. Ваге, который принадлежал «чуди заволочской». Е. Н. Носов прочитал доклад «Международные торговые пути и раннегородские центры Северной Руси».

Большую активность проявили сотрудники сектора и на третьем Советско-Финском симпозиуме в Ленинграде (май 1981 г.), где выступали с рядом интересных докладов. А. Н. Кирпичников доложил о выявленном им по письменным источникам и типонимическим данным малоизученном племени — приладожская лопь, населявшем район южного побережья Ладожского озера. Е. Н. Носов и Н. В. Хвоцинская на материалах женских украшений Новгородской земли пришли к выводу о том, что для решения вопросов этнической истории населения определяющим является изучение происхождения не отдельных типов украшений, а всего комплекса женского народного костюма, который отражал реально существовавшие в период его бытования этнические общности. А. И. Сакса, В. А. Тюленев, В. А. Назаренко сообщили о новых открытиях средневековых памятников на территории Карелии и Архангельской области, в частности об обнаружении дошведского карельско-новгородского Выборга (XII—XIII вв.), средневековых сельских поселений Карельского перешейка, новых редких погребений заволочской чуди XII—XIII вв. В. А. Кольчатов проанализировал височные кольца из курганов и поселений Северо-Запада Новгородской земли, В. П. Петренко рассмотрел финно-угорские элементы в культуре Средневековой Ладogi, О. В. Овсянников представил исследование о лыжах Северной Руси, Е. А. Рябинин касался вопросов изучения финно-угорского населения Костромского Поволжья, насыщенного древнерусскими погребальными памятниками XI—XIII вв., в обряде и вещевом материале которых прослеживаются элементы субстратного происхождения, восходящие к культуре финно-угорского населения края.

С докладами на IV Международном конгрессе славянской археологии в Софии (Болгария) выступили М. В. Малевская и Е. Н. Носов.

Ф. Д. Гуревич, Е. Н. Носов, К. В. Павлова, Н. В. Хвоцинская приняли участие в конференции «Этническая история и этногенез балтов» (март 1981 г., г. Вильнюс), где прочитали доклады о культурных взаимоотношениях древнерусских городов на территории Белоруссии с Прибалтикой, о балтских элементах в курганах Северной Руси и в погребальном обряде курганов окрестностей Новогрудка X—XII вв.

Нельзя не отметить активное участие сотрудников сектора в конференции «Восточные славяне и Киевская Русь» (Минск, декабрь 1981 г.),

где П. А. Раппопорт сделал доклад «Зодчество XII в. на территории Белоруссии», М. В. Малевская представила архитектурный комплекс Новогрудского детинца XIII—XIV вв., Ф. Д. Гуревич доложила о связях древнерусских городов Белоруссии с Причерноморьем и Средиземноморьем, К. В. Павлова охарактеризовала население Верхнего Понеманья X—XIII вв. по материалам курганных могильников окрестностей Новогрудка, А. Н. Кирпичников рассказал о языческом капище у г. Пскова, А. Н. Кирпичников, Е. А. Рябинин, Ф. Д. Гуревич, Е. Н. Носов, Н. В. Хвощинская, В. А. Назаренко, В. И. Кильдюшевский выступили с докладами на Второй Всесоюзной конференции по археологии Северо-Запада в Ленинградском университете. В. А. Назаренко принимал участие в VIII Всесоюзной конференции скандинавистов в Петрозаводске. А. И. Сакса выступал с докладом «Древности Карельского перешейка XII—XIV вв. по археологическим данным» на конференции в Сыктывкаре. Е. А. Рябинин ездил в научную командировку в Финляндию.

К сектору прикреплены и успешно работают по своим темам соискатели: О. А. Кондратьева (Музей этнографии народов СССР) с темой «Изделия костерезного ремесла древнего Пскова», В. А. Лапшин (Ленинград) с темой «Сельские поселения Ростово-Суздальской земли X—XIII вв. по археологическим данным», успешно закончила в ноябре 1981 г. двухгодичную стажировку в секторе Л. Г. Паничева, защитившая диссертацию и подготовившая монографию «Архитектурно-декоративная керамика Белоруссии XIV—XVII вв.». В ноябре 1978 г. в сектор был принят аспирант А. И. Сакса, который окончил аспирантуру в 1981 г., представив диссертацию на тему «Карельская земля XII—XIV вв. по археологическим данным».

В 1978—1981 гг. сотрудниками сектора опубликовано 10 книг и более 100 статей общим объемом около 180 а. л., в том числе монография П. А. Раппопорта «Зодчество Смоленска XII—XIII вв.» (совместно с Н. Н. Ворониным), книги: А. Л. Якобсона «Керамика и керамическое производство Таврики»; А. Н. Кирпичникова «Древний Орешек»; «Куликовская битва»; Ф. Д. Гуревич «Древний Новогрудок»; Е. А. Горюнова «Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья»; Е. А. Рябинина «Зооморфные украшения древней Руси X—XIV вв.»; О. В. Овсянникова «Мангазея» (т. I совместно с М. И. Беловым и В. Ф. Старковым) и др. Усилиями сектора создан Историко-архитектурный и археологический музей-заповедник в с. Старая Ладога Ленинградской области. Под особую охрану государства взята заповедная территория около 200 га, в которую входит средневековый культурный слой древней Ладоги толщиной до 3 м. Сотрудники сектора принимают активное участие и в общественной жизни Института.

В июне 1981 г. сектор понес тяжелую утрату. Скоропостижно скончался один из ведущих сотрудников сектора, талантливый ученый Е. А. Горюнов, возглавлявший тему «История ранних славян».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АМГ — Акты Московского государства
АО — Археологические открытия
АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР
АС — Археологический съезд
ГИМ — Государственный исторический музей
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИА — Институт археологии Академии наук СССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИЭ — Институт этнографии АН СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИА — Ленинградское отделение ИА АН СССР
МАО — Московское археологическое общество
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ИА АН УССР — Научный архив ИА АН УССР
НИИЯЛИЭ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики Мордовской АССР
ОИПК — Государственный Эрмитаж, отдел истории первобытной культуры
ПАО — Псковское археологическое общество
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РГО — Русское географическое общество
РКМ — Районный краеведческий музей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
САИИ АН ЭССР — Сектор археологии института истории Академии наук Эстонской ССР
УЗ ПГУ — Ученые записки Пермского государственного университета
ЧОИДР — Чтения Общества истории древностей российских
ЦГИА БССР — Центральный государственный исторический архив Белорусской ССР
ESA — Eurasia Septentrionalis antiqua
PPS — Proceedings of the Prehistoric Society

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>В. В. Седов.</i> Финно-угорская археология в 1970—1981-х годах (эпоха средневековья)	3
<i>А. А. Александров.</i> О следах язычества на Псковщине	12
<i>Н. А. Макаров.</i> Чашевидные сосуды средневековых памятников Волжско-Шекснинского района	18
<i>М. В. Степанов.</i> К вопросу о методе построения архитектурной формы древнерусскими зодчими	26
<i>Е. А. Рябинин.</i> О развитии погребального обряда на северо-западе Новгородской земли	32
<i>Р. Ф. Воронина.</i> Парные захоронения среднеэцнинской мордвы VIII—XI вв.	39
<i>Н. В. Хаоцинская.</i> К вопросу о древних захоронениях води	43
<i>Ф. Д. Гуревич.</i> Погребальные памятники жителей Новогрудка (конец X — 70-е годы XIII вв.)	48

Полевые исследования

<i>Г. М. Буров.</i> Луки и деревянные стрелы V—VI вв. н. э. с поселения Вис II в Привычегодье	55
<i>О. А. Щеглова, И. А. Бажан.</i> Поселения Курочкин-3 и Картамышево-3 на верхнем Псле	62
<i>А. В. Григорьев.</i> Поселение у села Горбово	67
<i>Ю. Ю. Моргунов.</i> Древнерусские городища течения р. Ромен	73
<i>А. В. Трусов.</i> Могильник Облачинская дюна	82
<i>З. М. Сергеева.</i> Курганы у озера Лисно	84
<i>Ю. В. Кузаренко.</i> Видиборские курганы	88
<i>П. Г. Гайдук.</i> Изображения на новгородских пулах	91
<i>М. Д. Полубояринова.</i> Две костяные печати из Болгара	95
<i>В. А. Булкин, О. В. Овсянников.</i> О двух памятниках каменной архитектуры конца XVII — начала XVIII в. в Нижнем Подвинье	97

Хроника

<i>К. В. Павлова.</i> Сектор славяно-финской археологии в 1978—1981 гг.	102
Список сокращений	107

**Средневековая археология
Восточной Европы**

КСИА, вып. 175

**Утверждено к печати
ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии
Академии наук СССР**

**Редактор издательства Г. Н. Улурия
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор Е. Н. Евтянова
Корректоры Н. Б. Габасова, В. С. Федечкина**

ИБ № 26853

**Сдано в набор 10.05.83
Подписано к печати 12.07.83
Т-15808. Формат 70×108^{1/16}
Бумага книжно-журнальная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 10,15, Уч.-изд. л. 10,9. Усл. кр. отт. 9,5.
Тираж 1750 экз. Тип. зак. 2844
Цена 1 р. 70 к.**

**Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90.**

**2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10**